

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

МИНОРИТАРНЫЕ
И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ
И КУЛЬТУРЫ СЛАВИИ

МОСКВА
Издательство «МИК»
2017

УДК 811.16'282.3
ББК 81.2
М621

Рецензенты:

доктор филологических наук Н. Е. Ананьева
доктор филологических наук И. А. Седакова

М621 Миноритарные и региональные языки и культуры Славии / РАН. Институт славяноведения; отв. ред. С. С. Скорвид. — М.: МИК, 2017. — 272 с.

ISBN 978-5-87902-356-5

Сборник включает статьи, подготовленные на основе докладов на Международной научной конференции «Лужицкие сербы в прошлом и в начале XXI века: язык, культура, история», проведенной в октябре 2014 г. Институтом славяноведения РАН совместно с кафедрой славистики и центральноевропейских исследований РГГУ, и некоторые другие, тематически связанные с ними материалы. В создании сборника приняли участие специалисты из России, Германии, Польши, Чехии и Сербии.

УДК 811.16'282.3
ББК 81.2

ISBN 978-5-87902-356-5

© Институт славяноведения РАН, 2017
© Издательство «МИК», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>О. В. Блинова (Санкт-Петербург)</i> К типологии терминов, применяемых для обозначения «малых» славянских идиомов.....	7
<i>В. Кнолл (Прага)</i> От литературных идиолектов к региональным литературным языкам (не только) в славянском мире	11
<i>К. В. Лифанов (Москва)</i> Язык восточнословацких кальвинистских книг как результат языковых контактов	44
<i>М. Вашичек (Прага)</i> Ляшский литературный язык Ундры Лысогорского в творчестве других писателей кружка <i>Lašsko perspektiva</i>	59
<i>М. Фейса (Нови Сад)</i> Русинский как язык национального меньшинства в Сербии.....	77
<i>М. Вашичек (Прага)</i> К проблеме принятия кодифицированного русинского языка носителями карпаторусинских диалектов в Словакии	98
<i>С. С. Скорвид (Москва)</i> Перемещается ли серболужицкий язык в двух его литературных формах в категорию «славянских (литературных) микроязыков»?.....	116
<i>Л. Э. Калнынь (Москва)</i> Архаизмы в диалектах Нижней Лужицы.....	129

<i>В. Кнолл (Прага)</i>	
Историко-языковые связи серболужицкого языка с полабским	137
<i>М. И. Ермакова (Москва)</i>	
Проблемы развития серболужицкого языка в связи со спецификой исторического развития серболужичан.....	152
<i>Т. Левашкевич (Познань)</i>	
Статьи с оценочными пометами в верхнелужицком словаре Ю. Краля (1927–1931) на фоне их соответствий в других словарях.....	174
<i>А. Погончова (Будишин)</i>	
Роль практических рекомендаций по культуре речи в верхнелужицких СМИ.....	186
<i>Р. Бура (Краков)</i>	
Универбизация в верхнелужицком языке (к постановке проблемы)	196
<i>Я. Шолчина (Будишин — Лейпциг)</i>	
Особенности языковой политики в условиях двуязычия	205
<i>Т. Войто (Лейпциг)</i>	
О потенциале нижнелужицкого как живого языка будущего	216
<i>Й. фон Ведель (Берлин — Щецин)</i>	
Лужица как гибридное пространство	228
<i>О. А. Окунева (Москва)</i>	
Некоторые инославянские параллели серболужицкого обряда обезглавливания петуха	239
<i>И. Келлерова (Будишин)</i>	
«Запуст»: серболужицкий обычай в немецких и серболужицких печатных СМИ	252

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник «Миноритарные и региональные языки и культуры Славии» содержит прежде всего — но не исключительно — статьи, которые были написаны на основе докладов на Международной научной конференции «Лужицкие сербы в прошлом и в начале XXI века: язык, культура, история», проведенной Институтом славяноведения РАН совместно с кафедрой славистики и центральноевропейских исследований РГГУ в октябре 2014 г., и некоторые другие, сюжетно связанные с ними материалы.

Проблематика, затрагиваемая в большей части статей, касается языка (или языков) и культуры славянского национального меньшинства, проживающего на территории Лужицы в Германии. Тем самым настоящая публикация продолжает традицию четырех аналогичных сборников, издававшихся Институтом славяноведения в течение полувека. Ответственным редактором первых двух из них («Сербо-лужицкий лингвистический сборник», 1963; «Исследования по серболужицким языкам», 1970) была Л. Э. Калнынь, а два последующих редактировала М. И. Ермакова. Данью памяти этому замечательному отечественному сорабисту стало включение в серболужицкий раздел настоящего сборника одной работы из ее рукописного наследия. Открывает же этот раздел статья Л. Э. Калнынь «Архаизмы в диалектах Нижней Лужицы», с которой тематически перекликается работа молодого чешского слависта В. Кнолла «Историко-языковые связи серболужицкого и полабского языков».

Вся эта часть сборника, посвященная Лужице как «гибридному пространству» (статья Й. фон Веделя), имеет междисциплинарный характер. Наряду со статьями об истории серболужицких языков и диалектов и их современном состоянии, которое рассматривается как с внутрискруктурной, так и с социолингвистической точки зрения (последний аспект освещается, в частности, в работах лей-

пцигских коллег Я. Шолчиной «Особенности языковой политики в условиях двуязычия» и Т. Войто «О потенциале нижнелужицкого как живого языка будущего»), здесь присутствуют также статьи по серболужицкой этнографии и фольклористике И. Келлеровой из Будишина и молодой московской исследовательницы О. А. Окуневой.

Серболужицкую часть сборника предваряет более общий раздел, содержащий статьи, авторы которых обсуждают проблемы так называемых «малых» славянских идиомов, в том числе — на фоне других — также серболужицких (текст С. С. Скорвида). Здесь поднимаются терминологические и методологические вопросы (работы О. В. Блиновой и В. Кнолла), описывается история становления отдельных миноритарных и региональных литературно-языковых форм (статьи К. В. Лифанова о языке восточнословацких кальвинистских книг, М. Вашичека о ляшском литературном языке Ондры/Ундры Лысогорского и М. Фейсы о южнорусинском языке в Сербии).

Характерной особенностью предлагаемого сборника является соседство работ заслуженных ученых, известных далеко не только в сорабистических кругах, и молодых исследователей из разных стран. Авторский коллектив сборника интернационален: кроме России (Москва и Санкт-Петербург), в нем представлены Германия (Будишин/Бауцен, Лейпциг, Берлин), Польша (Краков, Познань), Чехия (Прага) и Сербия (Нови-Сад). Статьи в сборник поступали на разных языках: помимо русского — на верхне- и нижнелужицком, южнорусинском, чешском, польском и немецком. По желанию авторов и в интересах читателей все иноязычные тексты были переведены редактором сборника на русский язык. Остается выразить надежду, что он найдет широкий отклик не только у славистической научной общественности.

С. С. Скорвид

О. В. Блинова (Санкт-Петербург)

К ТИПОЛОГИИ ТЕРМИНОВ, ПРИМЕНЯЕМЫХ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ «МАЛЫХ» СЛАВЯНСКИХ ИДИОМОВ¹

Вопрос о лингвистическом статусе разнообразных идиомов, включаемых в категорию «славянские литературные микроязыки», периодически обсуждается со времени появления монографии, где эта категория была выделена (Дуличенко 1981). Мы не будем снова обращаться к проблеме «язык или диалект» и возможным способам ее решения, а рассмотрим разнообразные терминологические или терминоподобные словоупотребления, встречающиеся в русскоязычной литературе по «микрофилологии». Конкретнее, нас интересуют термины, используемые для обозначения «малых» славянских идиомов, как однословные (N: *кашубщина*), так и многословные, образованные по моделям AN (*лемко-русинский диалект*), AAN (*бачванско-сремский литературный язык, полесский письменный язык*), N(AN)gen (*диалект банатских болгар, язык южных русин*) и др.²

Рассматриваемые наименования можно расклассифицировать, исходя из того, указан в них статус идиома или не указан, другими словами — присутствует ли в наименовании **опорный компонент**, определяющий статус языкового образования (*язык, диалект*). Пользуясь этим критерием, мы выделили три категории наименований:

- I. Наименования, в которых статус указан (определенные номинации).
- II. Употребления, в которых опорные компоненты, определяющие статус идиома, не приведены или скрыты (неопределенные номинации).
- III. Наименования, в которых приведены два опорных компонента (двойные номинации).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-34-00360a2.

² Здесь А — прил., N — сущ., gen — род. падеж, о моделях см. (Большакова, Васильева 2008).

Также упомянем случаи, когда исследователи косвенным образом дистанцируются от терминопотреблений, принятых в литературе вопроса, не оспаривая их эксплицитно (ср.: *так называемый западнополесский литературный язык; так называемый помакский язык; так сказать, «четвертый восточнославянский литературный язык»*)¹.

I. Определенные номинации можно было бы расположить на шкале, крайними точками которой будут термины с компонентом «язык» и термины с компонентом «диалект», ср.: *литературный язык, стандартный язык — литературно-письменный язык — письменный язык — региональный язык — миноритарный язык — язык ограниченного распространения — литературный микроязык — литературный диалект — письменный диалект — культурный диалект*. Приняв во внимание всё разнообразие словоупотреблений, мы могли бы получить своеобразную иерархию, в которой (с учетом разных мнений разных авторов) каждый идиом предстал бы как «скорее язык» или «скорее диалект».

II. Средства, прибегая к которым, авторы **избегают номинаций, прямо указывающих на статус обсуждаемого языкового образования**, разнообразны. Это употребление:

1. нейтрального термина *идиом*,
2. термина *этнолект (кашубский этнолект)*,
3. различных описательных наименований (*литературно-языковое образование, локальный проект, литературно-языковой проект, литературно-языковой эксперимент, языковой феномен* и т. д.),
4. наименований, не предполагающих наличия опорных компонентов (*литературная ляштина*),
5. а также эллипсис опорных компонентов, ср.: «Учет известных локальных проектов в рамках балканославянской части

¹ Мы не будем рассматривать вопрос, какие параметры (кроме мнения автора) могут определять выбор термина. К таким параметрам в нашем материале, конечно, относятся разные «терминологические традиции» — влиятельные международные (например, немецкая), соотносимые национальные (например, польская) и устоявшиеся отечественные, в том числе традиции определенных научных школ.

БЯС демонстрирует недавно изданный “Лексикон языков Европейского Востока” под редакцией М. Окуки <...>, где кроме описания стандартных славянских языков представлены очерки *эгейско-македонского, банатского и помакского*» (здесь и далее курсив мой — О. Б.) (Цыхун 2004: 9).

Вероятно, ко второй категории следует отнести и случаи применения к современным языковым образованиям латинских терминов типа *lingua ruthenica*, ср. следующий пример: «Таким образом, сформировался феномен, который мы бы обозначили как *lingua ruthenica*, выступающий в нескольких вариантах — закарпатско-украинском, восточнословацком, польско-лемковском, венгерском, южнославянском» (Дуличенко 2005: 27).

III. Наименования, в которых указаны два «статуса», редки, ср.: «Чакавский как первый *письменный литературный диалект/язык хорватского языка...*» (Божич-Шейич 2008).

В качестве особого типа употребления терминов выделим такое, при котором авторы дистанцируются от сложившейся традиции терминопотребления или маркируют неопределенность объекта, природу которого трудно описать в существующих терминах, помещая номинации в кавычки¹ и используя выражения типа «так называемый», «так сказать», ср.: «Подойдя близко к тематике *так называемых малых славянских языков*, трактовавшейся и на предыдущем съезде...» (Трубачев 1999: 9); «...либо данный феномен получает освещение лишь в рамках *так называемых славянских литературных микроязыков в терминологии А. Д. Дуличенко*» (Скорвид 2001: 111); «Ценность и новизна данного издания состоит... также и в том, что оно делает доступной широкому читателю информацию о целом ряде славянских языков, до того на русском языке либо вовсе не публиковавшуюся (это касается в первую очередь *так называемых микроязыков*), либо труднодоступную (кашубский язык, полабский язык)», «Помимо этого, в нем содержатся описания обладающего рядом интереснейших особенностей древненовгородского диалек-

¹ В кавычки помещается та часть термина, применимость которой подвергается сомнению, ср. *кашубский «язык»*.

та древнерусского языка и, что особенно ценно, *так называемых малых славянских литературных языков...*» (Аркадьев 2007: 136).

Литература

- Аркадьев 2007 — *Аркадьев П. М.* Рец. на: Языки мира. Славянские языки. М.: «Academia», 2005 // Вопросы языкознания. 2007. № 3. С. 136–141.
- Божич-Шейич 2008 — *Божич-Шейич Р.* Стадо слов // Нева. 2008. № 2. <http://magazines.russ.ru/neva/2008/2/ra18.html>
- Большакова, Васильева 2008 — *Большакова Е. И., Васильева Н. Э.* Терминологическая вариантность и ее учет при автоматической обработке текстов // XI национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием: Труды конференции. М., 2008. Т. 2. С. 174–182.
- Дуличенко 1981 — *Дуличенко А. Д.* Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. Таллин, 1981.
- Дуличенко 2005 — *Дуличенко А. Д.* Карпатские русины сегодня: некоторые этнолингвистические аспекты // Славяноведение. 2005. № 1. С. 20–29.
- Скорвид 2001 — *Скорвид С. С.* Серболужицкий (серболужицкие) и русинский (русинские) языки: к проблематике их сравнительно-исторической и синхронной общности // Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания. М., 2001. С. 110–115.
- Трубачев 1999 — *Трубачев О. Н.* Славистика на XII Международном съезде славистов (краткий обзор) // Вопросы языкознания. 1999. № 3. С. 3–19.
- Цыхун 2004 — *Цыхун Г.* Языки и диалекты малых славянских этнических групп на Балканах // Языки и диалекты малых этнических групп на Балканах: Тезисы докладов на Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 11–12 июня 2004 г.). СПб., 2004. С. 9–10.

В. Кнолл (Прага)

ОТ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИДИОЛЕКТОВ К РЕГИОНАЛЬНЫМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКАМ (НЕ ТОЛЬКО) В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ

1. Основные термины и их соотношение

В настоящей статье представлена попытка критического рассмотрения *теории микроязыков*, выдвинутой в монографии (Дуличенко 1981). При этом мы ставим своей главной задачей по-новому определить культурно-письменные идиомы, которые А. Д. Дуличенко называет *литературными микроязыками*, и их соотношение с иными смежными идиомами. Наш интерес к данной проблематике продиктован, с одной стороны, собственным опытом изучения различных «малых» языков и диалектов¹, а с другой — непрерывным расширением в последнее время перечня претендующих на самостоятельность славянских идиомов. Эта тенденция прослеживается не только в научных работах², но и — в особенности — в современных средствах массовой информации (главным образом в Интернете). Наконец, одной из причин, побуждающих к пересмотру проблематики *микроязыков*, выступает просто потребность разобраться

¹ В частности, кашубского, а также языков Пиренейского полуострова и немецких диалектов.

² В новейшей литературе в качестве *славянских микроязыков* называются следующие идиомы: серболужицкие языки, кашубский, градищанско-хорватский, молизско-славянский, чакавский, кайкавский, резьянский, прекмурско-словенский, банатско-болгарский, карпаторусинский, югославо-русинский (южно-русинский), восточнословацкий, ляшский, западнополесский, помакский, эгейско-македонский, венецианско-словенский (Дуличенко 2011), славеносербский, подгальский, мазурский, силезский, моравский, вичский, гальшанский (Дуличенко 2006, Wieser Enzyklopädie 2002, Славянские языки 2005), «библичтина», «бернолачтина», трнавско-словацкий, камалдулско-словацкий, трансильванско-болгарский (Večerka 2009). Нетрудно видеть, что в этот список можно было бы внести многие другие диалекты или предшествующие современным языкам идиомы, на которых кто-то когда-либо пытался что-либо писать.

в многообразии возникающих в наши дни славянских языков, хотя можно заметить, что языковая ситуация в романском мире, причем не только в последние годы, выглядит еще менее обозримой¹.

В связи с этим в статье будут привлекаться примеры не только из славянской, но и из других языковых групп Европы: романской, германской и эллинской. В каждой из них мы находим различные примеры *возникающих языков* или литературных диалектов, но прежде всего — иную традицию восприятия границы между языком и диалектом. Надеемся, что более широкий взгляд на указанную проблематику будет способствовать более объективной интерпретации материала славянских языков.

Прежде чем приступить непосредственно к теме данной статьи, остановимся на вопросах терминологии, которой мы будем пользоваться. А. Д. Дуличенко определяет *микроязык* как «форму существования языка или диалекта, которая наделена письменностью и характеризуется нормализующими тенденциями», при этом обращая внимание на то, что само «появление на том или ином говоре или диалекте текстов разных жанров не говорит о начале литературного языка» (Дуличенко 2006: 27). Такую форму он называет *литературным диалектом*, который — в соответствии с его главным тезисом (Дуличенко 1981: 18) — представляет собой «бесперспективную подсистему, узколокальный, вспомогательный инструмент», а продукция на *литературном диалекте* «неразрывно связана с местными фольклорными традициями». Напротив, общепринятую форму языка, в развитии которой нормализующий процесс завершен, образует (*национальный*) *литературный язык*; он присутствует практически во всех сферах общественной

¹ В частности, в романском мире говорят о *менее используемых языках* или *миноритарных языках* (так в каталонском: *llengües menys parlades, llengües menors*); термин *языки меньшинств* здесь не слишком популярен. Территория французского языка (без франкопровансальских и окситанских диалектов) в наши дни часто обозначается как *langues d'oïl* (мн. ч.). В томе (Романские языки 2001) из российской серии «Языки мира» астурийский, франкопровансальский и окситанский называются *языками*, корсиканский, истророманский, гасконский, арагонский, арумынский, истрорумынский, мегленорумынский характеризуются как *язык/диалект*, а идиомы, распространенные в Италии и в Северной Франции, именуются *диалектами*.

жизни, и относительно его статуса (диалект или язык) ни у кого не возникает сомнений. *Литературный язык* подпадает также под общее определение *языка*, в случае же *микроязыка* это не всегда так, поскольку процесс кодификации такого идиома часто не завершен и его присутствие в разных функциональных сферах не обязательно; кроме того, он часто находится в той или иной связи с определенным *национальным литературным языком*. Наконец, А. Д. Дуличенко упоминает также термин *национальный вариант литературного языка*, обозначающий разновидность языка на той же (диалектной) основе; термин же *региональный вариант*, по его мнению, применим только в отношении долитературного периода развития языка (Дуличенко 1981: 17).

Не ставя себе целью создавать новые термины, мы постараемся воспользоваться существующими, однако попытаемся в некоторой степени переосмыслить и более четко определить их. Приведенные термины, с нашей точки зрения, можно трактовать как обозначающие разные этапы развития письменных идиомов вообще. Следует добавить, что непременным условием является грамотность хотя бы части пользователей идиома, так как для идиомов дописьменного периода в Европе или где бы то ни было на нашей планете статус языка определяется иначе (например, по традиции или по причине отсутствия точных данных об их родстве с другими идиомами). Попробуем выстроить с применением имеющихся терминов цепочку стадий литературно-письменного развития:

бесписьменный идиом (БИ) — литературный идиолект (ЛИ) — литературный диалект (ЛД) — региональный литературный язык (РЯ) — национальный литературный язык (ЛЯ)

Поясним основной смысл использования терминов в этой схеме:

- а) БИ — языковая форма, функционирующая лишь в устном виде (включая сферу устной культуры/литературы);
- б) ЛИ — языковая форма, которую использует определенный человек, один или с группой единомышленников (в устном и/или письменном виде);
- в) ЛД — языковая форма, которая обладает письменной художественной литературой (типична ограниченность жанров), но от-

существует в общественной сфере в письменном виде; способ использования письменной формы бывает не унифицирован;

- г) РЯ — языковая форма, имеющая письменность, ограниченно используемую в художественной литературе и в общественной жизни, но характеризующаяся отсутствием в некоторых функциональных сферах;
- д) ЛЯ — языковая форма, присутствующая во всех доступных¹ функциональных сферах.

Представленная схема требует, однако, некоторых дополнений и уточнений.

Литературно-письменное развитие идет не всегда поступательно, в одном направлении — согласно нашей схеме, сверху вниз (в этом случае можно говорить об эмансипации диалекта), но иногда и в обратном, когда по тем или иным историко-культурным причинам происходит регрессия, т. е. идиом возвращается назад, на уровень ЛД или даже БД. Бывает и так, что существующие условия не позволяют идиому перейти на следующий этап развития (т. е. ЛД > РЯ, РЯ > ЛЯ). Развитие языковой формы, таким образом, может остановиться на любом этапе и вновь вернуться на предыдущий этап. Возникновение самостоятельного национального языка может быть результатом нескольких, иногда параллельных, иногда последовательных попыток создания языка на разной диалектно-культурной базе — в таких случаях можно говорить о том, что до возникновения единого национального языка существовало несколько литературных диалектов. Случается, что идиом вначале объявляется *языком*, и только после этого начинается литературно-языковое строительство. В ходе развития языковой формы некоторые этапы (например, ЛИ и РЯ) могут оказаться вообще не представлены; причины этого бывают экстралингвистическими, хотя и не обязательно. Следует отдать себе отчет в том, что в сегодняшнем понимании признание той или иной формы языком или диалектом (какого-либо языка) обусловлено в первую

¹ Здесь мы имеем в виду, что этот термин следует понимать исторически, отдавая себе отчет в том, что в некоторые эпохи или в некоторых сообществах за отдельными сферами (например, культурной) могут быть закреплены определенные иные (например, исторические) языковые формы.

очередь не собственно языковыми факторами, а в большей степени политико-культурными обстоятельствами. Кроме всего прочего, это зависит от степени взаимопонимания говорящих и престижа данной языковой формы. Нас, однако, интересует уровень культурно-письменного развития, поэтому мы используем существительные *язык/диалект* в сочетании с прилагательным *литературный*, имея в виду главным образом письменную форму идиома.

В следующем разделе мы рассмотрим более обстоятельно процесс культурно-письменного развития языковых форм, а далее остановимся подробнее на каждой из представленных языковых форм, приводя иллюстрирующие их примеры.

2. Процесс культурно-письменного развития

Факторы, создающие условия для начала процесса культурно-письменного развития и влияющие на дальнейший его ход, можно подразделить на две группы: **внутренние** и **внешние**. Внутренние факторы включают в себя, с одной стороны, собственно лингвистические условия, главным из которых является попросту невозможность общения с соседями на родном языке, а с другой стороны — условия экстралингвистические, где наиболее важными, по нашему мнению, оказываются воля и интерес языковой общности к развитию письменной культуры на собственном идиоме. В остальном внешние факторы — это прежде всего политическая обстановка и специфика культурно-исторических традиций, не зависящих от самой языковой общности. Если же язык этой общности не является господствующим в данном государстве, важным фактором становится толерантность преобладающей языковой культуры к малым языковым общностям, находящимся в пределах государства.

Необходимо добавить, что внутренние и внешние факторы действуют всегда **совместно**. О воздействии исключительно внутренних факторов можно говорить разве только применительно к древнейшим мировым письменным культурам, возникшим совершенно изолированно без каких-либо известных нам влияний извне (например, к шумерской или китайской). В истории письменной культуры человечества едва ли не всеобщим стало принятие языковой общностью

близкого, хотя часто неродственного культурно-письменного языка (обыкновенно с его графикой, культурой, религией и т. д.) и только на последующем этапе — возникновение нового письменного языка под культурным воздействием того, который до тех пор являлся единственным средством письменного общения (с идентичной или схожей графикой и тематически близкого: так, часто в Евразии начало письменности на новом языке давал перевод, в большинстве случаев священного или другого культурно важного текста)¹. Можно с уверенностью утверждать, что сама идея создания нового письменного языка предстает изначально попыткой, с одной стороны, приблизить ее представителям культурные достижения сильной культурно-языковой среды, а с другой — средством соперничества с сильной культурой². В ходе последующего развития литературный язык, возникший под влиянием другого культурного языка, сам может стать образцом для возникновения следующего письменного языка и т. д.

Мы уже упоминали о том, что первоначальной **внутренней причиной** попытки создания собственной письменности является осознание невозможности полноценно воспользоваться другим ЛЯ (ввиду его непонятности, недостаточного владения им, неприменимости его для собственных нужд), и это осознание вытекает из опыта использования другого ЛЯ. Созданию собственного литературного идиома может предшествовать промежуточный этап — использование другого ЛЯ, обогащенного местными чертами (особенно в случае родства обоих идиомов) или же *изменение качества* (отклонение от традиционных норм) первоначального (в том числе неродственного) литературного языка.

¹ Например, «Одиссея» Ливия Андроника, давшая начало латинской литературе, «Рамаяна», стоявшая у истоков литератур Юго-Восточной Азии, и особенно Новый Завет, лежащий в основе большинства литератур Европы и Ближнего Востока. Для возникших на более позднем этапе литератур Центральной Европы таким текстом стал «Малый Катехизис» Мартина Лютера. До сих пор некоторые считают *языком* тот идиом, на который была переведена Библия. Перевод Священного Писания в истории европейских языков является переломным пунктом и символом достижения определенного культурно-литературного уровня.

² Этим можно объяснить тот факт, что литература может начаться с шедевра, ставшего следствием длительного бесписьменного развития своей культуры. Ранее господствовавшая сильная культура создает почву для появления такого шедевра: например, дает графику, оказывает то или иное культурно-языковое воздействие.

При попытке создания письменности играет роль **родство ЛЯ с идиомом**, который стремится эмансипироваться. Хотя на первый взгляд кажется, что в случае неродственного (или не близкородственного) языка процесс культурно-письменного развития должен идти другим путем, на практике эмансипация идиомов, родственных и неродственных ЛЯ, проходит через одни и те же этапы. Различие заключается в более быстром (прежде всего научном) признании неродственного языка. Так, существует немало языков, которые именуется таковыми ввиду непонятности или генетической отдаленности от других языков, но с литературно-письменной точки зрения они могут находиться на этапе БИ.

Главными внутренними причинами попыток создания письменности на идиоме, родственном существующему литературному языку, мы считаем изолированность от близкого национального языка (особенно если речь идет о языковом острове, возникшем в результате колонизации¹ или реликтового сохранения более ранней языковой общности²) либо положение на периферии, примыкающей к территории использования соответствующего национального языка, но отделенной от нее политическими барьерами³. Изолированная языковая общность может выбрать себе собственный путь ввиду слабого или недостаточного контакта с близким национальным языком (т. е. языковой остров может эмансипироваться по необходимости, вследствие осознаваемой невозможности пользоваться существующим близким ЛЯ)⁴. В наши дни выясняется, что внутреннее стремление к созданию собственной письменности

¹ Например, немецкие религиозно-языковые общности на американском континенте (меннонитская, пенсильванская, померанская).

² Например, балканороманские диалекты, эллинские диалекты в Южной Италии и Причерноморье.

³ Так, авторы книги о меньшинствах Центральной Европы характеризуют эльзасский как *dachlose Außenmundart*, т. е. «внешний диалект без крыши» (Hinderling, Eichinger 1996: 414).

⁴ Особенно любопытны случаи перехода общности языкового острова на другой алфавит: например, банатско-болгарский (кириллица > латиница), южноитальянский грико (греческий > латиница); из неевропейских примеров особенно показателен дунганский (китайские иероглифы > кириллица).

может проистекать не из реальных барьеров между ЛЯ и идиомом, но из осознания исторических барьеров, т. е. для того, чтобы символизировать отличия собственной культуры идиома от культуры ЛЯ, эти отличия не обязательно должны иметь *объективно* лингвистический характер¹.

Как уже было сказано, начало процессу дает совместное действие внутренних и **внешних** факторов. Иначе говоря, для создания письменности необходима благоприятная почва. Одним из важных внешних критериев является **толерантность** доминирующего идиома к другим, менее сильным (как родственным, так и неродственным). В разных языковых областях или культурно-языковых общностях мы наблюдаем разную степень толерантности к местным формам. В целом можно сказать, что там, где общество менее толерантно к различным (региональным) вариантам и диалектам национального языка, стремление к эмансипации сильнее, чем в областях, где отсутствует длительная традиция языкового централизма².

К сообществам первой группы относится прежде всего славянский мир, хотя в разных его частях ситуация может отличаться. Не слишком толерантны также испанское и французское сообщества; их противоположностью являются Апеннинский полуостров и германские сообщества (в частности Германия, Нидерланды, Швеция и Норвегия)³. Особенно в Нидерландах, а также в Бельгии на небольшой территории насчитывается довольно значительное количест-

¹ В славянском мире в качестве примера можно привести современные попытки эмансипации силезского диалекта в Польше. С чисто лингвистической точки зрения некоторые другие польские диалекты в большей степени отличаются от литературного языка (в частности, великопольский); кроме того, территория силезского диалекта крайне не компактна по сравнению с другими ареалами, однако решающими для самоопределения стали именно историко-культурные причины.

² Языковой централизм имеет, с нашей точки зрения, две разные причины. С одной стороны, достаточно большая общность пытается таким образом поднять престиж центральной власти/культуры. С другой стороны, то же стремление можно наблюдать и у относительно малых общностей, которые не хотят дробить уже и без того небольшую культурно-языковую среду.

³ С историко-географической точки зрения можно сказать, что более толерантны государства без сильной традиции централизма (особенно поздно объединившиеся территории, такие как Германия или Италия).

во признанных региональных языков (*langues régionales endogènes, streektalen*). Своеобразна ситуация в эллинской среде, где существует бесспорное осознание этнического (греческого) единства, хотя с лингвистической точки зрения некоторые диалекты отделились друг от друга задолго до возникновения современных европейских языков или даже языковых групп¹.

Первичной **целью** процесса культурно-письменного развития является создание предпосылок для дальнейшего культурного прогресса. Последующую цель составляет признание общественного статуса языковой формы, т. е. прежде всего провозглашение ее *самостоятельным языком*. В этом контексте следует сделать оговорку в отношении научного признания, когда данная языковая форма выступает под названием *язык* в научной литературе. Этот результат может быть несколько сомнительным: в вопросе научного признания сталкиваются разные мнения, и естественно, что носители данного идиома будут опираться на исследования, в которых поддерживается их точка зрения. Разумеется, более конкретным результатом является официальное признание на государственном или региональном уровне. Подобное признание в Европе также имеет два типа: первый — когда государство/регион официально (закрепив это законом) заявляет, что признает существование данного *языка* и намерено его охранять, причем не предусматривается его применение в иных сферах, чем до сих пор (**культурный статус**); второй — это официальное внедрение *языка* в новые функциональные сферы, особенно в сферу образования и делопроизводства (**административный статус**). В первом случае не предполагается наличие более или менее кодифицированного койне (общепринятой литературной/письменной формы языка), во втором — да².

¹ В частности, цаконский на дорийской основе и новогреческий на основе ионически-аттического койне.

² Такого рода различие наблюдается, например, в Испании между статусом астурийского в Княжестве Астурия, где на нем можно вести официальную корреспонденцию и изучать его в школе (с 2010 г.), и арагонского в Арагоне, который в 1999 г. был объявлен лишь культурным наследием. В Италии сардинский на Сардинии формально равноправен с итальянским, тогда как пьемонтский в Пьемонте (с 1990) или венецкий в регионе Венето (с 2007) имеют лишь культурный статус.

Конечной целью является распространение во всех существующих функциональных сферах.

Интересный пример разных судеб одного и того же диалекта представляет мозельско-франкский. На территории Германии (в окрестностях городов Кобленц и Трир) он находится на стадии литературного диалекта. На территории Люксембурга он является *де юре* национальным языком (хотя ввиду фактической ограниченности функционирования ему более соответствует понятие *региональный литературный язык*)¹. В бельгийской провинции Люксембург он именуется люксембургским, в достаточно разнородном немецкоязычном сообществе в Бельгии (на востоке Валлонии) он же выступает как немецкий диалект. В Румынии же он под названием трансильванско-саксонский существует в виде языкового острова, находясь на уровне литературного диалекта с имеющими место попытками кодификации (на основе люксембургского), главным же письменным языком здесь остается немецкий наряду с румынским.

В завершение данного раздела хотелось бы подчеркнуть, что мы разграничиваем *язык* с лингвистической² или политической точки зрения и *литературный язык* как конечный этап культурно-письменного развития. Ввиду этого политически или научно признанный *язык* может находиться на более низком культурно-письменном уровне, чем идиом, общеизвестный как *диалект*.

3. Бесписьменный идиом

На этом этапе находится большинство бесписьменных *языков* коренных культур, не испытавших мощного воздействия глобальной культуры или не нуждающихся в собственной письменности.

¹ Реакцией на развязывание Германией двух мировых войн было определенное обособление некоторых периферийных диалектов: кроме узаконения люксембургского языка, возникло несколько нормативных грамматик швейцарско-немецкого диалекта (в частности, цюрихского и люцернского вариантов).

² При том, что, например, глоттохронология наглядно демонстрирует условность использования термина *язык*, исходящего часто из экстралингвистических критериев (ср. многочисленность идиомов, представители которых именуют их *языками*, в сербохорватской или иберороманской области).

В Европе — как и за ее пределами — на этой стадии остается значительное количество языковых форм, которые достаточно близки к национальному языку, но ни у говорящих, ни у интересующихся ими извне (например, ученых) не возникает потребности активно развивать данную форму. Такие идиомы часто называют **диалектами** или говорами. Применение этих терминов в данном случае оказывается довольно проблематичным, так как требует недвусмысленного отнесения подобных идиомов к определенному общепризнанному языку, которое не всегда бывает обосновано чисто лингвистически: немалую роль играет историко-политическая или историко-культурная связь диалекта с тем или иным языком. С лингвистической точки зрения предметом дискуссии иногда становится вопрос о том, какие черты данного диалекта являются определяющими для его принадлежности к тому или иному национальному языку¹. Для БИ бывает типичной не вполне ясная самим носителям идентичность их идиома, что наиболее заметно проявляется в колебаниях при его именовании. Часто встречаются — и это находит продолжение в ряде ЛД — такие определения, как (говорить) *по-нашему*², *говор/речь*³, и разные варианты названия одного идиома; обычно расхождение между научным (общепринятым) названием и самоназванием/самоназваниями.

*Не вполне однозначным является также ответ на вопрос, что именно следует понимать под **бесписьменностью**. В современной*

¹ Из славянского мира можно привести в качестве примера так наз. моравско-словацкие диалекты, которые в период действия официальной доктрины «чехословацкого языка» считались диалектами словацкого (Československá vlastivěda 1934); дискуссии ведутся также о языковой принадлежности ляхского и южнорусинского. В романской области споры вызывают, например, северо-сардинские диалекты (галлурский и сассарский): являются ли они сардинскими, корсиканскими или итальянскими; в германской среде классическим примером является диалект Скании (в шведской диалектологии — южношведский, в датской — восточнодатский).

² Например, *po našuti* (западночешинский), *нашта* (южные диалекты македонско-болгарского континуума), *po naški* (исторорумынский), *naš jezik* (молизско-славянский).

³ Ср. наименования *fala* для разных западных иберороманских идиомов или *patois*, что может обозначать любой романский идиом на территории Франции.

Европе мы едва ли найдем какой-либо говор, который не привлек бы внимания по меньшей мере языковедов. Ввиду этого у бесписьменного диалекта может быть своя научная грамматика, и он может быть некоторым образом описан (например, включен в языковый атлас). На таком диалекте обыкновенно существует и определенная устная литература (песни, сказки, малые жанровые формы), которая может быть предметом исследования. БИ может быть представлен и в письменной литературе — отдельными фразами (глоссами) и целыми диалогами¹.

По нашему мнению, если устная литература или какие-либо тексты записаны без создания местной письменной традиции, включая определенную систему записи (т. е. с использованием только фонетического или примитивного² письма), данный диалект еще может считаться бесписьменным.

В истории мировой письменности этому этапу соответствует появление первых слов в надписях, подстрочных кратких комментариев и переводов в иноязычных текстах (глоссы). Для них характерна примитивная, непоследовательная орфография, основанная на актуально используемом ЛЯ.

4. Литературный идиолект

Литературным идиолектом (ЛИ) мы считаем своеобразную языковую форму, употребляемую только одним человеком, которая в данном виде до сих пор не существовала. Можно сказать, что ЛИ стоял у истоков многих современных языков, опиравшихся на творчество той или иной выдающейся личности. Индивидуальный проект письменного языка может иметь следующее развитие:

¹ Например, мазовецкий диалект — в романе Владислава Реймонта «Мужики», южнокашубский — в творчестве Анны Лайминг, ганацкий — в «Ганацкой легенде» Отакара Быстрины; римский диалект — в романе «Шпана» Пьера Паоло Пазолини, нижненемецкий — в «Будденброках» Томаса Манна. Зачастую авторы применяют диалект, чтобы усилить аутентичность описания жизни простых людей, иногда ради комического эффекта.

² Т. е. служащего исключительно средством записи данного текста, но не как орфография.

- удачный проект,
- эксперимент,
- тупик.

К **удачным** проектам можно отнести известные случаи создания литературных койне на основе важного в культурном отношении текста. Типичным примером здесь является Мартин Лютер с его переводом Библии. Из создателей так наз. *микроязыков* в терминологии Дуличенко можно привести Гавриила Костельника у южных русин.

Как **эксперименты** мы рассматриваем проекты, не имеющие или почти не имеющие прямых последователей. Такое развитие типично для ситуации, когда отсутствуют необходимая почва и воля говорящих воспользоваться предлагаемым письменным языком. В ряде случаев сам факт создания тем или иным автором собственного, оригинального письменного идиома характеризует его художественную личность¹. В качестве примеров здесь могут быть названы поэт Флориан Бесик — создатель эпоса, навеянного творчеством Данте, — с его проектом виламовицкого языка (на базе силезско-немецкого говора с сильным польским влиянием) и поэт Ондра/Ундра Лысогорский с его проектом литературного ляхского языка².

Тот тип ЛИ, который мы называем **тупиком**, является промежуточным. Этим термином мы именуем проект, который остается идиомом одного человека (или небольшого числа его последователей, например, одного поколения), но его опыт используется для создания нового проекта. Таким образом, хотя формально первоначальный ЛИ иногда сильно отличается от последующего развития, он имеет значение для развития идиома. В истории ряда современных языков существовало несколько таких тупиковых ветвей, прежде

¹ Т. е. автор может чувствовать себя более свободным, не связанным правилами ЛЯ.

² Творчество его литературной группы, по нашему мнению, можно понимать в рамках письменности на диалекте. Проф. Вечерка (Večerka 2009: 131) называет ляхский *эпизодическим литературным экспериментом*.

чем была обретаена форма, которая используется сейчас. Это особенно характерно для полицентрических идиомов. В истории таких идиомов на основе разных говоров создаются различные проекты, часто использующие разнообразную графику. В славянском мире наличие нескольких «тупиков» характерно для словацкого¹, словенского, нижнелужицкого и кашубского языков².

Многие из этих примеров заставляют вспомнить, что в рамках развития одного ЛД или ЛЯ может возникнуть не один ЛИ. По нашему убеждению, следует проявлять осторожность, называя такой идиом *языком* или *микроязыком*. Соотношение между ЛИ, ЛД и ЛЯ можно охарактеризовать так: для ЛД является типичным наличие нескольких ЛИ или несоблюдение ЛИ авторитетной личности всеми. На стадии же ЛЯ язык большинства авторов формально (мы не говорим здесь о стилистике) не различается.

5. Литературный диалект

5.1. Схемы развития

ЛД можно в общих чертах охарактеризовать как идиом, на котором создана письменная литература. Под этим мы имеем в виду *художественную литературу*, поскольку на таком идиоме обычно

¹ Общим признаком *поисков* литературного словацкого является отношение к чешскому языку. Одним из первых проектов можно считать язык камалдульских монахов, позже возникает язык Йозефа Байзы, на следующем этапе язык Антонина Бернолака (все на основе западнословацкого диалекта, XVIII в.) и, наконец, язык Людовита Штура (на основе среднесловацкого диалекта, XIX в.). Следует добавить, что современный литературный словацкий язык представляет собой компромисс между проектом Штура и чешскоязычной традицией.

² Тупиковым в представленном смысле можно назвать и проект основателя кашубской литературы Флориана Цейновы, который, подобно Костельнику, создал грамматику и тексты, однако, хотя спустя десятилетия его творчество получило поддержку нового поколения кашубских авторов, предложенная Цейновой норма (орфография, грамматика и лексика) нашла воплощение исключительно в его собственных произведениях. Следующую *нормативную* кашубскую грамматику с оригинальной орфографией и грамматической концепцией, изданную в 1919 г. Фридрихом Лоренцем, можно отнести к разряду библиофилий: ее влияние на дальнейшее развитие кашубского языка было практически нулевым (чего нельзя сказать о его большой *диалектной* грамматике).

венно не создают официальные документы и тексты нелитературного характера. Как будет показано в данном разделе, использование ЛД в сфере литературы может быть ограничено специфическими жанрами.

По происхождению и по отношению к ЛЯ можно выделить два существенно различающихся типа ЛД (представляется даже, что этот термин применяется к двум разным историко-культурным ситуациям): это **исторический** ЛД и **новый** ЛД. Историческим ЛД мы называем такое языковое образование, которое обладало некоей письменной формой до возникновения единого ЛЯ, нередко сосуществуя с другими ЛД. С позиций сегодняшнего дня совокупность этих ЛД мы можем условно оценивать как данный конкретный ЛЯ¹. Новый же ЛД появляется после возникновения единого ЛЯ. ЛД, существование которого продлилось со времени задолго до становления единого ЛЯ вплоть до наших дней, мы называем **традиционным** ЛД.

Древнейшими в европейской истории ЛД являются отдельные древнегреческие диалекты эпохи до завоеваний Александра Македонского с образовавшимся в связи с ними общим языком (койне). Древнегреческий дает интересный пример культурно-литературного развития языковой общности, характеризующейся **перемещением культурного центра** по разным диалектным ареалам (полицентризм)². Подобное часто наблюдается и позднее, особенно в условиях средневековой Европы периода феодальной раздробленности или в языковых общностях без четкого центра³.

¹ Таков, например, так наз. *старофранцузский*. Его памятники написаны на разных, часто смешанных между собой ЛД разных регионов, т. е. единый старофранцузский язык не существует. В подобном же смысле можно говорить о древнегреческом VIII — IV веков до н. э.

² Вследствие предпочтения некоторых жанров в отдельных областях эллинского мира в древнегреческой литературе установилась связь диалекта с определенным жанром, что на практике часто проявлялось в его эклектической маркировке последнего характерными чертами данного диалекта.

³ Также в славянском мире известны последовательно возникавшие литературные идиомы одной языковой общности, имевшие разную диалектную основу (в частности, словацкие, словенские, нижнелужицкие, кашубские).

Древнегреческий, прежде всего в роли международного культурного языка, стимулировал другие зарождающиеся языковые общности к созданию собственной письменности (на алфавите, восходящем к греческому). Для Европы наиболее важной оказалась латынь, превратившаяся из незначительного говора небольшого региона в литературный и культурный язык многих народов на последующие две тысячи лет. В Средневековье постепенно сложилась специфическая дифференциация жанров и функциональных сфер между литературными языками высокого стиля (в тогдашней Европе это были латынь, церковнославянский в различных редакциях и византийский греческий) и разговорными языками населения, которые от этих культурных ЛЯ начинали обособляться. Первоначальные ЛЯ высокого стиля постепенно вытеснялись в административную, официальную и религиозную сферы, тогда как художественная литература все в большей и большей степени становилась областью применения новых ЛД/ЛЯ.

Выделяются четыре возможных сценария развития ЛД:

- параллельное,
- с повторным стартом,
- регрессивное,
- прогрессивное.

Параллельное развитие типично для некоторых традиционных, но главным образом — новых ЛД. Такие ЛД в ходе всей своей истории развиваются сходно, при одинаково ограниченном функционировании их в литературе. В сообществах с наличием подобных ЛД (например, в немецкоязычной и итальянскоязычной среде это так наз. *Mundartdichtung* и *letteratura regionale*) поныне наблюдается специфическое распределение жанров между ними и ЛЯ (наиболее типичными жанрами для ЛД является региональная поэзия и народная драма)¹. В развитии ЛД **с повторным стартом** различаются две фазы: до и после появления единого ЛЯ. В Европе этот тип развития находим, например, во Франции, Испании, Хорватии

¹ Таковы, например, ломбардский, венецкий, римский и сицилийский в Италии.

и других странах¹. В таких сообществах в период до утверждения современных ЛЯ сосуществует несколько традиционных ЛД с более или менее сходной литературной функцией. Возникновение единого ЛЯ является для этих ЛД важной вехой в их истории. Они либо прекращают свое существование, либо уступают свои прежние функциональные сферы и высшие жанры новому ЛЯ (койне). При *повторном старте* подобного идиома часто начинается заново и процесс создания на нем письменности, орфографии и т. п. В наши дни представители таких ограниченно функционирующих региональных идиомов иногда обосновывают их право на существование ссылками на литературную традицию донационального периода — вплоть до включения в свою литературно-языковую историю важных сочинений мировой литературы².

Традиционные ЛД можно в целом охарактеризовать как региональные ЛД, поскольку они, как правило, существуют в рамках более обширного пространства и их носители обыкновенно не считают себя национальным меньшинством: они признаются составной частью основного народа данной страны, но с особым диалектом, который не стал базовым для национального языка³.

ЛД с **регрессивным** развитием в свое время достигли (или почти достигли) уровня ЛЯ (например, нижненемецкий, окситанский), однако в связи с изменением историко-культурных обстоятельств постепенно опустились до уровня ЛД, так как прежде присущие им функции приняли на себя новые ЛЯ (в случае двух названных языковых образований — современный литературный немецкий

¹ В частности, в Испании — арагонский и астурийский, во Франции — пикардский и нормандский, в Италии — ломбардский, венецкий и сицилийский, в Швеции — готландский, в Хорватии — чакавский и кайкавский, в Словении — прекурский, в Словакии — восточнословацкий.

² Так, в литературную историю современного пикардского (имеющего в Бельгии статус регионального языка) включают значительную часть старофранцузской литературы, а средневековый писатель Хенрик ван Фелдеке считается одновременно нидерландским, немецким и лимбургским (региональный язык Нидерландов).

³ В настоящее время такова официальная интерпретация кашубского: в Польше (с 2005 г.) он имеет статус регионального языка, но существование кашубского меньшинства официально не признано.

и французский). Для этих идиомов характерно, что в науке они обыкновенно именуется *языками*, но по функциональности и часто по самоопределению пользователей являются диалектами. Естественно, существуют и ЛД с **прогрессивным** развитием: это ЛД, легшие в основу формирующихся ЛЯ. Можно сказать, что такова история многих современных языков, если принять во внимание, что в ряде случаев предшествующим ЛЯ мог быть язык неродственный (например, латынь).

Аналогично тому, о чем мы уже говорили применительно к бесписьменным диалектам, и здесь существует различное понимание **идентичности собственного идиома**. У пользователей традиционных ЛД в большей степени сохраняется осознание принадлежности к «большему» региональному идиому, хотя тексты отдельных авторов могут создаваться на разных говорах (например, в случае венецкого и пикардского). То же наблюдается в языковых сообществах с достаточно сильными региональным самосознанием¹, особенно не разделенных административно (например, ганацком в Моравии, швабском в Германии) или хотя бы исторически характеризовавшихся территориальным единством либо даже наличием отдельного государства (как это имело место, например, в случае астурийского и арагонского). С другой стороны, здесь часто выступает неопределенность самосознания, или, точнее, чувство принадлежности к конкретному населенному пункту или небольшому району. В таких случаях иногда трудно однозначно идентифицировать конкретных авторов как пишущих на том либо ином диалекте². Это типично для сообществ без традиции регионального единства или для тех случаев, когда соседние говоры заметно отличаются

¹ По нашим наблюдениям, развитое региональное самосознание наиболее характерно для хорватской, итальянской, пиренейской, южногерманской и северофранцузской среды.

² Например, уроженец восточночешского городка Броумова Хуберт Бирке писал стихи на броумовском региолекте; он же в работе по кладскому диалекту (Graebisch 1920: 25) включен в перечень местных поэтов (так как автор книги относит региолект Броумова к кладскому диалекту). В научных исследованиях (Sowinski 1997: 47) о литературных диалектах тот же автор характеризуется как поэт, писавший на (немецко-)силезском или на восточночешском диалекте.

друг от друга (таковы, например, ляшский, франкопровансальский, средненемецкие диалекты). Бывает и так, что региональное единство устанавливается только лингвистически; иногда даже общее название данного диалекта создается исследователями и не принимается до конца самими его носителями.

5.2. Распределение жанров

В данном разделе мы попытаемся дать характеристику письменности на диалекте. По нашим наблюдениям, для ЛД характерно наличие определенных жанров. С другой стороны, в развитии ЛД можно наблюдать некоторые общие тенденции. Исходя из критериев освоения новых жанров и связанной с этим эволюции характера ЛД, мы различаем три уровня диалектной письменности:

- 1-й уровень: попытки использования диалекта в письменности,
- 2-й уровень: литература на базе существующего запаса языковых средств ЛД,
- 3-й уровень: расширение существующего запаса языковых средств.

Разумеется, данная схема в некотором смысле сходна со схемой возникновения и развития письменности вообще. Ниже мы попытаемся описать отдельные уровни письменности на диалекте с точки зрения соответствующих им жанров, какие типичны для современных ЛД (т. е. учитывая их развитие в XIX–XXI вв.). Добавим лишь, что при освоении высших жанров на ЛД обыкновенно представлены также жанры низшего уровня.

1-м (начальным) уровнем мы называем первые сознательные попытки использования идиома в письменном виде. На границе «письменности» на БИ и ЛД находится уже упомянутое появление диалектных вкраплений, чаще всего диалогов, в текстах, написанных на ЛЯ. Типичным для 1-го уровня диалектной письменности жанром мы считаем художественную обработку на ЛД фольклорных сюжетов (сказок, песен, мифов). В отличие от БИ, для которого мы признали возможными разве только научные записи разговорной речи, в случае ЛД речь идет о самостоятельных (популярных) изданиях сказок, песен и т. д., осуществляемых не местными ав-

торами в некоей — обыкновенно совпадающей с нормой господствующего ЛЯ — орфографии, которые адресованы широкой (т. е. в основном не научной) публике и способны дать толчок творчеству потенциальных будущих диалектных писателей¹. В истории мировой литературы этому этапу соответствует письменная фиксация произведений устной народной словесности (например, героического эпоса).

2-й (развитый) уровень характеризуется появлением собственно диалектной письменности. Авторы диалектных произведений отходят от сугубо фольклорных тем и начинают создавать оригинальные письменные произведения на родном идиоме. Подчеркнем, что речь идет именно о *родном идиоме*, письменный облик которого на этом уровне обычно не унифицирован. Действие таких произведений, как правило, разворачивается в привычной для носителей данного диалекта (т. е. часто деревенской) среде, и в них представлены, нередко комически, повседневные ситуации из обыденной жизни.

Из жанров здесь присутствуют:

- лирическая поэзия (наиболее частые темы — «наша малая родина», «родной язык»², любовь и социальные отношения),
- эпическая поэзия (типичным жанром является комический или сказочный эпос, т. е. пространное нарративное стихотворение)³,

¹ В чешской среде имеется ряд таких изданий на местных говорах (например, восточночешском, ходском: на них появляются даже аудиоспектакли на фольклорные темы); из польской среды можно привести чешинские и горальские тексты, в том числе «классика горальской литературы» (Czesak 2006: 365) Карола Пьезы. Такого же характера были первые тексты собственно кашубской письменности (ранние произведения Ф. Цейновы).

² Под этим авторы часто подразумевают идиом своей деревни или небольшого района. В частности, собрание немецкой диалектной литературы Чехии (Hauffen 1903) содержит большое число текстов с отсылкой к *родному языку* прямо в заглавии. Не случайно именно так назвал свою поэму автор из Броумова Алоис Кёлер: «Не забывайте броумовский язык».

³ Мастером комического эпоса называют Фрица Ройтера, писавшего на мекленбургском диалекте нижненемецкого. Его продолжателем в кашубской письменности стал Хиероним Дердовский, который также считался диалектным авто-

- драма: комический театр с сатирико-юмористическими чертами (пьесы обычно короткие, их сюжет несложный: это взаимоотношения между соседями или молодыми людьми)¹,
- проза: малым жанром здесь является анекдот из деревенской жизни, наиболее же типичен народный рассказ (нем. *Dorfgeschichte* 'деревенская история'), основанный на воспоминаниях автора либо его предков или рисующий типичные, обыкновенно юмористические сцены из деревенской жизни; встречаются также рассказы о детях и путевые заметки (ср. Naas 1983: 1659).

3-й (эмансипированный) уровень диалектной письменности характеризуется расширением имеющегося запаса языковых средств. На этом уровне авторы пытаются применить свой родной идиом также при обработке сюжетов, для которых данный диалект обычно не используется. Для создания средств, необходимых для передачи реалий, о которых на диалекте не говорят, особенно средств лексических и синтаксических, в подавляющем большинстве случаев мобилизуется опыт более сильного (национального или государственного) языка; в случае родства их идиома с ЛЯ авторы прибегают лишь к фонетико-грамматической адаптации нужных терминов².

ром. Встречаются и обработки популярных сюжетов: например, в немецкой среде — Уленшпигель, Рейнеке-Лис.

¹ Наверное, самым знаменитым автором пьес на диалекте (венецианском) является Карло Гольдони. В чешской среде известны так наз. *ганацкие оперы*, создававшиеся в XVIII в. Кроме того, существуют и пьесы, в которых разные персонажи говорят на разных диалектах: например, пьеса «Вдова» Джованни Баттисты Чини (1569), «Вавилонская башня» Димитрия Византия (1836). Несколько особняком здесь стоит специально стилизованный текст чешского перевода пьесы Аристофана «Ахарняне» авторства Фердинанда Штибица, где персонажи говорят на литературном чешском, словацком и ганацком.

² Типичным примером этого являются передачи швейцарского регионального телевидения. Наиболее естественным представляется приспособление терминологии к собственному идиому в романском мире, поскольку значительная часть терминов восходит к латыни; в лексическом плане романские языки вообще оказываются ближе друг к другу, чем языки иных групп.

Из жанров здесь, по нашему мнению, наиболее важны следующие:

- небольшие публицистические тексты в региональных периодических изданиях на ЛЯ (в основном фельетоны и комментарии); этот жанр представлен довольно часто;
- переводы, в прошлом — особенно фрагментов Библии; в настоящее время в Западной Европе популярны переводы «Маленького Принца» и комикса «Астерикс»¹;
- проникновение в различные СМИ — радиопостановки, телевизионные передачи (особенно в Германии и Швейцарии);
- попытки создания романа, полностью написанного на данном идиоме (они для диалектной письменности не слишком характерны и служат скорее неким символом стремления идиома к признанию за ним более высокого статуса);
- попытки создания Википедии. В таких Википедиях для всех желающих сотрудничать бывает помещена статья о соблюдаемой создателями орфографии; характерна также терпимость к различным региональным разновидностям данного идиома (например, в алеманнской, ломбардской Википедии).

В некоторых случаях ЛД может присутствовать и в школе — в рамках предмета, посвященного региональной культуре (если такой есть).

5.3. Литература о ЛД

Теперь остановимся на вопросе о характере вторичной литературы о ЛД. Сюда мы относим прежде всего грамматические и лексикографические сочинения; особое место занимают работы по орфографии (если они имеются). По их предназначению эти труды можно подразделить на три большие группы:

- научные,
- популярные,
- рекомендательные.

¹ В немецкой среде популярны также диалектные переводы детских стихотворений, особенно «Макса и Морица» Вильгельма Буша.

О **научных** работах мы уже говорили в разделе о бесписьменном идиоме. Их авторы ставят своей главной целью описание определенной языковой ситуации и не занимаются статусом данного ЛД¹, его орфографией или стимулированием его использования. Эти работы, однако, нередко оказывают существенное влияние на дальнейшее развитие ЛД. Как мы уже отмечали, научное название идиома не всегда совпадает с наименованием его самими пользователями.

К **популярным** работам можно отнести многочисленные сочинения любителей, диалектных авторов и других лиц, посвященные данному диалекту. Это краткие грамматические очерки, словарики (часто ограниченные специфическими словами и выражениями, которые отсутствуют в ЛЯ), разговорники (нередко юмористические). Во Франции и Германии популярны в качестве сувениров книжечки, выпускаемые большими издательствами (такими, как «Langenscheidt», «Assimil»). Цель этих сочинений — информировать о существовании регионального идиома с приведением в основном комических примеров его использования. Так как они адресованы широкой публике (туристам или жителям региона), данный идиом в них представлен в сравнении с господствующим ЛЯ без подробных лингвистических комментариев. Не удивительно, что один и тот же идиом в сочинениях разных авторов может быть представлен неодинаково (например, с использованием различной графики).

Термином **«рекомендательные»** работы мы называем попытки создания кодификации ЛД. Сам термин связан с тем, что для ЛД часто типично нежелание отдельных писателей отказаться от своего родного говора и подчиниться тому или иному *неофициальному* авторитету. Рекомендательные работы адресованы активным пользователям идиома, и их цель — стимулировать развитие ЛД. По объему они обычно скромнее научных исследований и большей частью

¹ Это сказывается и в применении иной транскрипции для записи данного идиома в научных работах по сравнению с литературными произведениями. Ученые обычно используют фонетическую транскрипцию или примитивную запись графическими средствами ЛЯ, не связывая себя орфографией, используемой в письменности на данном ЛД.

представляют собой не подробные грамматики, а краткие очерки или свод орфографических правил. Их авторы нередко толерантны к разнообразию говоров внутри ЛД¹. Довольно часто краткий словарь, объяснение используемой графики или даже небольшой грамматический очерк сопровождается в виде приложения художественное произведение². В целом ЛД не чужды **кодификационные тенденции**, но необходимо учитывать практическое значение этих устремлений. Хаас (1983), описывая на швейцарском примере выбор языковых средств диалектными авторами, показывает, что из двух существующих в диалекте вариантов они выбирают:

- вариант, более далекий от стандартного языка,
- вариант, отсутствующий в соседнем диалекте,
- более старый вариант.

По его оценке, авторы в результате столь тщательного отбора создают искусственный язык³.

Что касается графического облика ЛД, то либо применяется традиционная графика (например, в Италии)⁴, либо ряд диалектных авторов может договориться об использовании общей графики (например, в немецкой среде). Однако чаще всего в диалектной литературе используется графика национального языка, прежде всего с тем, чтобы тексты были удобочитаемыми для носителей диалекта, получивших образование на национальном языке. Для передачи

¹ Здесь можно привести пример из кашубской грамматической традиции: в грамматиках Лоренца и Цейновы приводится только один вариант для всех форм, в грамматике же Э. Брезы и Е. Тредера, даются варианты из всех говоров; при этом она преподносится как грамматика диалектная и рекомендательная.

² В чешской среде, например, у О. Лысогорского и О. Пршикрыла.

³ Знаменитый ганацкий автор Ондржей Пршикрыл для усовершенствования своего языка не только изучил ганацкую письменную традицию и существующие грамматические работы, но в 1903 г. разослал один из своих рассказов в разные деревни своего региона с просьбой, чтобы жители каждой из них *перевели* его на говор своей деревни, отмечая случаи иного произношения отдельных слов. На этой более или менее научной основе он создал свой литературный идиолект (Slavík 1932: 43–47).

⁴ То есть, в частности, с длительной традицией передачи определенных присущих диалекту звуков одними и теми же графемами (например, венецкое *x*).

звуков, отсутствующих в национальном языке, авторы могут прибегать к собственным решениям¹. Иногда здесь сталкиваются две противоположные тенденции: в то время как одни авторы стараются записывать свой диалект исключительно при помощи букв из актуального ЛЯ, другие создают новые графемы², тем самым стараясь уже чисто визуально противопоставить свой ЛД родственному ЛЯ, а иногда и продемонстрировать разрыв с собственной литературной традицией (характерными примерами здесь могут служить арагонский³ и валлонский).

Фриас-Конде (Frías-Conde 2006: 52) выделяет в романских *малых языках* следующие кодификационные тенденции⁴:

- а) применение двух стандартов (например, астурийский — мيرانдский), хотя это побуждает самих пользующихся тем и другим считать собственный идиом отдельным,
- б) выбор диалекта с бóльшим социальным престижем (астурийский),
- в) выбор диалекта с бóльшим литературным престижем (сардинский),
- г) выбор центрального диалекта (лангедокский как общеокситанский стандарт),
- д) создание наддиалектного койне (галисийский).

По нашему мнению, ЛД представляет собой достаточно широкий термин, который можно отнести к большому числу современных и исторических идиомов, обладающих письменностью, но не используемых в других областях, кроме сферы художественной литературы. Подчеркиваем, что под этим термином мы понимаем некоторый уровень культурно-письменного развития идиома, ха-

¹ Ср. письменность в Закарпатье до 1990-х годов.

² Как, например, в новейшем полном переводе Библии на швабский с использованием оригинальной графики. Бóльшая часть швабских текстов, включая туристски-сувенирную литературу, однако, издается с помощью немецкой графики.

³ О преобладающей графике арагонского следует сказать, что она могла бы использоваться и для кастильского испанского (ЛЯ), так как ее принцип, вопреки общероманским традициям, чисто фонетический.

⁴ Естественно, эта схема действует и применительно к процессу создания ЛЯ.

рактизирующийся его использованием в определенных функциональных сферах. В связи с этим мы предлагаем обозначать этим термином большинство так наз. *микроязыков*, иные из которых (если их литературное развитие находится на первоначальном, фольклорном уровне) остаются практически бесписьменными. Мы призываем к осторожности при провозглашении новых *микроязыков* и даже ЛД в случае появления нескольких строк на данном идиоме в Интернете. В число ЛД в сущности следует включить и *языки*, наделенные в некоторых странах исключительно *культурным статусом* (например, в Бельгии, Нидерландах, Франции, Италии), но на практике не выходящие за пределы устной и художественной сферы.

6. Региональный литературный язык

Региональным литературным языком (РЯ) мы считаем такую языковую форму, которая находится на промежуточном этапе между литературным диалектом и национальным языком. РЯ характеризуется тем, что он не присутствует во всех функциональных сферах.

От ЛД он отличается следующим:

- он обладает некоторым административным статусом или престижем и используется не только в разговорном виде или в художественных произведениях, но также в **общественных сферах в письменном виде**¹,
- его нормирование завершено или находится на высоком уровне, т. е. все авторы и учреждения соблюдают те же правила²,

¹ С этим связано и то, что процесс его *интеллектуализации* (Navránek 1963: 38) должен быть завершен или находится на продвинутом уровне.

² Это означает, что различие состоит не в самом существовании правил. Для ряда ЛД есть попытки создать некие правила, но отличительной чертой ЛД является как раз то, что их соблюдение не всеобщее. Авторы, пишущие на ЛД, любят придерживаться своего говора (возможно, к ЛД они прибегают еще и для того, чтобы не чувствовать себя скованными правилами ЛЯ). Для более высокого этапа развития характерно также повторное издание *классических авторов* с использованием нормы, действующей в настоящее время.

- пользователям РЯ свойственно более четкое осознание его обособленности от ЛЯ или несвязанности ни с каким ЛЯ,
- система жанров находится не ниже, чем на 3-м уровне ЛД. В определенных случаях административное использование идиома может опередить его литературное развитие.

От ЛЯ он отличается отсутствием в некоторых функциональных сферах. Например, РЯ может присутствовать только в базовом образовании с преподаванием на нем не всех предметов, в административной сфере он может использоваться лишь на муниципальном уровне. Причиной такого ограничения функциональности является *малость* идиома. По нашему мнению, это можно понимать двояко:

а) Территория идиома невелика и изолирована (тип *горной долины*), но в рамках данной небольшой общности он используется во всех возможных функциональных сферах как в устном, так и в письменном виде. Связь с внешним миром члены такой общности поддерживают на государственном языке, которым они полностью владеют. Такими РЯ можно считать альпийско-романские языки, мирандский в Португалии, аранский в Каталонии. На этом же пути находится и резьянский, но, в отличие от упомянутых идиомов, его присутствие в самоуправлении региона недостаточно для того, чтобы признать его РЯ.

б) Территория идиома, как и число говорящих на нем больше, однако:

- речь идет о территории самостоятельного государства, но ряд функциональных сфер в нем закреплен за другим языком (например, люксембургский),
- территория является частью другого государства, в своем регионе данный РЯ имеет ограниченный административный статус, но отсутствует равновесие между носителями устной и письменной формы, т. е. лишь небольшая часть носителей знает или использует свой язык в письменном виде (например, фриульский, лужицкие языки).

Из так наз. *славянских микроязыков* А. Д. Дуличенко мы можем отнести сюда градищанско-хорватский и южнорусинский. Уже

в наши дни в РЯ превращаются кашубский¹ и словацко-русинский идиомы, которые до недавнего времени (двадцать лет назад) скорее всего следовало считать ЛД.

Как было сказано выше, данные критерии можно применить и при описании предшествующих стадий развития того или иного языка. Например, можно сказать, что во второй половине XIX в. существовал *словацкий* РЯ, который являлся продолжением ряда ЛД на основе разных словацких диалектов.

7. Литературный язык

Литературный язык (ЛЯ) — это язык, который вполне кодифицирован, выполняет все или большинство функций, присутствует во всех или подавляющем большинстве сфер и обладает различными коммуникативными стилями. ЛЯ часто выступает как государственный, национальный язык², иногда — как язык региональный. Здесь следует заметить, что за определением языка как национального или регионального стоит оценка его общественного статуса, за термином же «литературный язык» — характеристика его общественно-культурной роли (подразумевающая в особенности письменную форму языка), а в нашем понимании также этап культурно-письменного развития.

ЛЯ обыкновенно возникает из одного из существующих ЛД (если их несколько) или является продуктом развития письменной

¹ По-видимому, в действительности можно говорить о двух кашубских языках. Один — это разговорный кашубский (с диалектными различиями), на котором говорит свыше 250 тысяч человек. Эти носители используют кашубский исключительно как разговорный, тогда как письменным языком для них является польский. Кроме того, существует кашубский язык интеллигенции, который в наши дни уже несколько отличается от разговорного и имеет свою письменную форму. Носителей этого кашубского очень мало. В настоящее время благодаря преподаванию кашубского языка в школах письменной *нормой* овладевает большее количество говорящих. Вопрос в том, примут ли представители нового поколения этот кодифицированный кашубский или останутся пользователями исключительно польского литературного языка.

² При этом, как было сказано, государственный язык не обязательно выполняет культурно-общественную роль ЛЯ.

традиции, вбирающей в себя черты разных диалектов и тем самым представляющей собой совокупность ЛИ выдающихся авторов¹. Бывают и случаи возникновения ЛЯ (или чаще РЯ) в результате языкового планирования, когда наделение идиома соответствующим статусом обуславливает потребность в скорейшем времени охватить им все функциональные сферы².

Особой разновидностью ЛЯ является **гипер-язык** — это ЛЯ, который перерос свою национальную среду и ввиду своего престижа и культурной силы становится средством международного общения. Иногда он может утвердиться в некоторых коммуникативных сферах даже в сообществах, уже имеющих собственный ЛЯ. Такой ЛЯ оказывает большое влияние в первую очередь на слабые языки. Следует заметить, что гипер-язык не обязательно предполагает большое число носителей его как родного. Примером здесь могут служить яванский и французский. Оба языка имеют примерно одинаковое число естественных носителей, но яванский не получил официального статуса даже в своем государстве, тогда как французский является средством коммуникации и ЛЯ во многих странах и международных организациях и в течение последних 300 лет оказывал заметное влияние на другие языки на разных континентах. Гипер-языками в нашем понимании можно считать также исторические фазы развития некоторых современных языков (например, греческого, китайского, арабского).

¹ Таким образом, ЛЯ могут не соответствовать никакому из существующих диалектов, являясь лишь продуктом развития литературной традиции (например, немецкий, чешский; в отношении польского ЛЯ до сих пор ведутся дискуссии о его диалектной базе). Языки с длительной литературной традицией бывают весьма консервативными с точки зрения графики (греческий, английский, французский) или грамматики (немецкий).

² В последнее время ярким примером этого становятся ретороманские койне *Rumantsch Grischun* и возникающий с опорой на его опыт *Ladin Comun*. Они представляют собой чисто научные проекты, сознательно создаваемые исключительно в качестве письменных языков (в Швейцарии не считается препятствием функциональности далеко идущее несоответствие письменной административной и устной формы языка). В нашем понимании эти ретороманские идиомы относятся к РЯ.

Отдельно остановимся на вопросе о вариантах литературного языка. Их можно подразделить на три основных типа:

- **1-й тип** (большие ЛЯ, гипер-языки) — формы одного языка (по самосознанию носителей), возникшие на той же диалектной основе (т. е. с практически идентичной грамматикой) в результате распространения языка на новые территории (английский, испанский, португальский),
- **2-й тип** (малые ЛЯ или РЯ) — формы, возникшие на разных диалектных основах, но осознаваемые как принадлежащие к одному языку (каталонский-валенсийский, окситанский-аранский, карпаторусинский). Причиной существования этих вариантов является нежелание отказаться от местного идиома либо недостаточная степень централизации (в силу культурных или политических обстоятельств). Может проявляться стремление части носителей таких вариантов декларировать свой идиом как самостоятельный язык. В некоторых особых случаях выступает и **компромиссная форма**, похожая на сильный ЛЯ, но с местными чертами. В действительности такая форма бывает довольно далека от местного говора/диалекта и может представлять собой искусственный конструкт (например, так наз. старословацкий¹ или балеарский вариант каталонского).
- **3-й тип** (искусственные *Abstandsprachen*) — формы, базирующиеся на более или менее одном диалекте и часто обладающие (почти) идентичной грамматикой, но по политическим причинам официально признанные отдельными языками, обыкновенно проявляющие дивергентные тенденции (таковы сербский — хорватский — боснийский — черногорский; валенсийский — каталонский, хинди — урду), но иногда и конвергентные (молдавский — румынский, малайский — индонезийский).

¹ Вариант чешского для словаков. Эксперимент, кодифицированный грамматикой Андрея Радлинского в 1850 г., одобренный австро-венгерским правительством и использованный в 50-е гг. XIX в. в сфере образования и администрации в словацкоязычных областях (Pauliny 1983: 193–195).

8. Заключение

Цель данной статьи состояла в критическом обсуждении теории *литературных микроязыков*, выдвинутой А. Д. Дуличенко. Потребность в таком обсуждении обусловлена недостаточно строгим определением основных терминов, используемых в рамках указанной теории, что проявляется во все возрастающем числе идиомов, к которым данное понятие применяется в литературе. Мы не пытались создать новую терминологию, но хотели лишь задуматься над более четким толкованием существующих терминов, исходя из опыта разных, не только славянских, языковых сообществ. Центральное место в нашем исследовании заняло более подробное описание понятия литературного диалекта — явления, довольно частого в различных культурах, с которым мы и отождествили большинство *литературных микроязыков* А. Д. Дуличенко.

Результатом нашего исследования можно считать интерпретацию существующих терминов как характеризующих разные этапы культурно-письменного развития, которое переживают или переживали многие современные языки и другие идиомы. Коротко эти стадии могут быть представлены в следующей таблице:

<i>письменность</i>	<i>БИ</i>	<i>ЛИ</i>	<i>ЛД</i>	<i>РЯ</i>	<i>ЛЯ</i>
вторичная	да	не обязательно	да	да	да
художественная литература	нет (т. е. только в устном виде)	да	да	да	да
общественные функции	нет	нет	нет	ограниченно	да

Более развернутое описание линии культурно-письменного развития различных идиомов:

БИ	1. без записей
	2. с записями устной речи
ЛИ	1. эксперимент
	2. удачный проект
	3. тупик

ЛД	1. начинающий
	2. развитый
	3. эмансипированный
РЯ	1. территориально изолированный (тип «горной долины»)
	2. территориально не изолированный
ЛЯ	1. стандартный
	2. гипер-язык

Это культурно-письменное развитие может протекать на протяжении истории идиома в разных направлениях; некоторые стадии могут быть пропущены (например, РЯ), а до некоторых идиом может вообще не дойти. Несколько идеализированно такое развитие можно представить следующим образом. Вначале идиом существует только в устной форме, затем на его территории распространяется письменность на каком-либо другом языке. После первых попыток зафиксировать на письме устную речь (БИ) в связи с возрастающей грамотностью говорящих на данном идиоме начинают возникать произведения различного характера (ЛД); при этом каждый из авторов пишет так, как его научила говорить мать (ЛИ). В конце этапа ЛД под влиянием признанных авторов, пишущих на разных ЛИ, язык консолидируется. На следующем этапе идиом начинает проникать в начальное образование, в муниципально-административную сферу (РЯ), в то время как в прочих сферах сохраняется господство другого языка. Наконец, идиом охватывает также остальные общественные сферы (ЛЯ).

Литература

- Дуличенко 1981 — Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки: вопросы формирования и развития. Таллин, 1981.
- Дуличенко 2006 — Дуличенко А. Д. Современное славянское языкознание и славянские литературные микроязыки // Славянские литературные микроязыки и языковые контакты / Ред. А. Д. Дуличенко, С. Густавсон. Тарту, 2006. С. 22–47.

- Дуличенко 2011 — Дуличенко А. Д. Основы славянской филологии. Т. II. Лингвистическая проблематика. Opole, 2011. С. 315–434.
- Романские языки 2001 — Языки мира. Романские языки / Ред. Т. Б. Алисова, И. И. Чельшева, Б. П. Нарумов и др. М., 2001.
- Славянские языки 2005 — Языки мира. Славянские языки / Ред. А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик, Н. В. Рогова, Е. И. Якушкина, А. Ф. Журавлев, С. М. Толстая. М., 2005.
- Czesak 2006 — Czesak A. Góralski i śląski — mikrojęzyki literackie in statu nascendi? // Славянские литературные микроязыки и языковые контакты / Ред. А. Д. Дуличенко, С. Густавссон. Тарту, 2006. С. 360–385.
- Československá vlastivěda 1934 — Československá vlastivěda III. Jazyk. Praha, 1934.
- Friás-Conde 2006 — Friás-Conde X. A normalización lingüística na Romania: A normalización da lingua e normalización dos falantes (o caso dos neofalantes) // Ianua 6, 2006. P. 49–68
- Graebisch 1920 — Graebisch F. Die Mundart der Grafschaft Glatz und ihrer böhmischen Nachbargebiete. Mittelwalde, 1920.
- Haas 1983 — Haas W. Dialekt als Sprache literarischer Werke // Besch Werner u. a. (Hg.): Dialektologie. 2. Halbband. Berlin, New York. S. 1637–1651.
- Hauffen 1903 — Hauffen A. Die deutsche mundartliche Dichtung in Böhmen. Prag, 1903.
- Havránek 1963 — Havránek B. Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963.
- Hinderling, Eichinger 1996 — Hinderling R., Eichinger L. M. Handbuch der mitteleuropäischen Sprachminderheiten. Tübingen, 1996.
- Pauliny 1983 — Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava, 1983.
- Slavík 1932 — Slavík B. Ondřej Přikryl. Olomouc, 1932.
- Sowinski 1997 — Sowinski B. Lexikon deutschsprachiger Mundartautoren. Hildesheim — Zürich — New York, 1997.
- Večerka 2009 — Večerka R. Charakteristiky současných slovanských jazyků v historickém kontextu. Praha, 2009.
- Wieser Enzyklopädie 2002 — Wieser Enzyklopädie des Europäischen Ostens. Bd. 10. Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt, 2002.

К. В. Лифанов (Москва)

ЯЗЫК ВОСТОЧНОСЛОВАЦКИХ КАЛЬВИНИСТСКИХ КНИГ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

В последние десятилетия возрос интерес исследователей к изучению региональных языков, существующих в настоящее время или существовавших в более ранние периоды истории письменности у тех или иных славянских народов. Несомненная заслуга в этом принадлежит А. Д. Дуличенко; этот лингвист, собирая в течение длительного времени свидетельства существования письменности на таких языках, ввел такие понятия, как литературный микроязык и микролингвистика, которым он стремится дать теоретическое обоснование. Среди славянских литературных микроязыков названный автор с самого начала своих исследований выделяет восточнословацкий (Дуличенко 1981: 11), имевший, по его мнению, два варианта: конфессиональный, сложившийся на основе земплинских говоров, и «мирской», основой которого были шарошские и спишские говоры восточнословацкого диалекта¹ (Дуличенко 2005: 609). Конфессиональный вариант был представлен в печатных текстах восточнословацких кальвинистов, публикация пяти первых книг которых была осуществлена в 1750–1758 гг. в Дебрецене — духовном центре венгерского кальвинизма. К числу этих книг относится поэтический перевод с венгерского языка произведения «Голос набожного пения» (*Hlasz robosnoho spévánua. V Debretzinye, 1752*), язык которого и является объектом изучения в данной статье.

¹ При такой трактовке, однако, не учитывается тот существенный факт, что эти идиомы не только находились в дополнительной дистрибуции в том, что касалось сферы их употребления, но и имели разных пользователей: восточнословацкие кальвинисты никогда не употребляли «мирской вариант» в повседневном общении, а представители иных конфессий не использовали язык кальвинистов ни в одной из коммуникативных сфер. Иными словами, рассматриваемый язык — это исключительно сакральный язык восточнословацких кальвинистов.

Называя земплинские говоры восточнословацкого диалекта базой языка кальвинистских книг, А. Д. Дуличенко следует за Э. Паулини, который писал: «С языковой точки зрения речь идет о почти чистом земплинском говоре лишь с незначительными следами чешского языка и среднесловацкого диалекта» (Pauliny 1971: 86). Заметим, однако, что высказывалась и другая точка зрения на язык данных текстов. Еще в начале XX в. С. Цамбел определял его так: «Язык упомянутых песенников (первыми среди которых были “Голос набожного пения” и “Сто пятьдесят псалмов царя и пророка Давида” — *К. Л.*) опирается на словацкий литературный язык, фонетически имитирует восточнословацкий говор при использовании, насколько это возможно, и его лексики, но в целом черпает из ресурсов литературного языка, разного в разные времена»¹ (Czambel 1906: 137). Компромиссную точку зрения высказывает Ш. Швагровский, который однозначно определяет язык кальвинистских книг как восточнословацкий диалект, но отмечает частичное влияние чешского языка на его морфологию: «Только в части падежных форм, прежде всего существительных и местоимений, а также форм глагола, видно влияние гуманистического (? — *К. Л.*) чешского языка» (Švagrovský 2000: 33). В словарном же составе и в синтаксисе названный автор констатирует влияние не только чешского, но и других языков (Švagrovský 2000: 36–37). Таким образом, современное состояние изучения кальвинистских книг не позволяет дать их языку исчерпывающую характеристику, тем более что в работах о них, за исключением статьи Ш. Швагровского, отсутствует анализ языкового материала или хотя бы какие-то конкретные примеры, иллюстрирующие точку зрения автора.

Для характеристики языка текста и понимания его специфики важны сведения о его авторе или переводчике. Как указывает П. Кирай (Király 2006), переводчиками первых кальвинистских книг были два человека: прозаические тексты переводил Георгий Ессениус, а рифмованные, в том числе и «Голос набожного

¹ Кальвинистские книги неоднократно переиздавались, появлялись и новые переводы, основой которых, по мнению С. Цамбела, был словацкий литературный язык, функционировавший в то время.

пения», — Андраш Шпацаи¹. Вероятно, потомок чешских побелогорских эмигрантов (Švagrovský 2000, 29), Ессениус был учеником Яна Валесиуса, этнического чеха, проповедника венгерской кальвинистской церкви в Раце (Западная Словакия, недалеко от города Сеница). При его поддержке Ессениус в 1733 г. стал учеником Кальвинистского коллегиума в Дебрецене. Андраш Шпацаи, вероятно, был родом из местечка Шпачинце, расположенного к северу от Трнавы, — очага формирования первоначально западнословацкой письменной традиции, которая с течением времени распространилась на всю словацкую этническую территорию. Пасторская деятельность А. Шпацаи проходила в Земплине, в небольших населенных пунктах Милгошь, Малчице, Бановце-над-Ондавоу и Врбница. Известно, что А. Шпацаи был человеком творческим, с душой поэта, который придавал большее значение стихам, нежели церковной дисциплине (Csanda 1982: 217). Для дальнейшего существенно, что оба переводчика этнически не были восточными словаками.

Орфография песенника отличается в высокой степени последовательной реализацией старовенгерских принципов обозначения звуков с использованием антиквы, а не характерного для словацких печатных книг того времени готического письма. Из готических букв только строчная *ſ* факультативно используется для обозначения звуков [š] или [s]² наряду с соответствующей буквой антиквы.

Для обозначения некоторых звуков автор использует как диакритические знаки, так и диграфы. Диакритические знаки *´* и *^* обозначают долготу гласных, причем второй лишь спорадически, главным образом в стяженных формах притяжательных местоимений: *Poszlál z vizzokosztzi Pán Búh szvoho Poszlá*, *K Pannye z szvéj Milosztzi* (10)³; *As bi se vtém nye szklamál: Na tvojj Trun poszadzu*,

¹ На титульном листе «Голоса набожного пения» указаны лишь инициалы переводчика: S. A.

² В примерах, приводимых в данной статье, эта буква по техническим причинам не применяется.

³ Цифра в скобках указывает страницу, на которой был найден соответствующий пример.

Z tvôho lúna Kralyovszkoho, Barz predrahu ovotz (18); Nyechtoré z szvíma Plástami, Zelyenima halúszkami potzlyive drahu sztelyilyi, Kristusa Králya usztzilyi (44). Буква *s* с диакритическим знаком ' в начале слова обозначает звук [ž]; внутри слова этот знак не используется, в связи с чем буква *s* может обозначать как [š], так и [ž]: *'Sivot vetsni nám zhotovél, Z hréchu nász viszpravodlyivél, Naso dusi z smertzi zbudzél (49); Hlasz pobosnoho spéványa* (титульный лист).

Вызывает определенные затруднения вопрос, что именно обозначает буква *é*. На оборотной стороне молитвенника «Радость сердца набожного» (*Radosztz sertza pobosnoho*) 1758 г. Ессениус делает три замечания относительно чтения некоторых букв, в том числе и буквы *é*, которая, по его утверждению, должна читаться как [í] (Švagrovský 2000: 32). Действительно, можно было бы предположить подобную передачу [í] в корнях некоторых слов и в отдельных грамматических формах, например: *Velykú smertz tedi za naso hréchi Kristus Krály podsztúpi (28); Tu péseny barz pobosnu Zvelyku ponyisenosztzu, Tobe prespévujeme (46); Naso serdza Bose mili, Vpravej vére i nádzeji, Ráts tak pomotzovatz nyech vse, Lyem v tebe számém ufáme (51); Pridzitze (tak pové) Vi Ottza posehnáné, I Szinove poszlušné (13).* В ряде случаев, однако, чтение буквы *é* как [í] однозначно невозможно, например: *Zaráz rano Pan Jésus K Pilátój odvedzeni (45); Nyét 'sádnoho bez vini, Ja smi Búh szpravodlyivi, Navrattze se (14); Roszkosnye jéj privintsovál, A Boszku vólyu zvestovál (4); Bi nász vinyál z zahibelyi, i prava barz tvardéj klyádbi, Iz zatratzenyá, dvojenyá, A okrutnoho vesenyá (2).* Графема *é* очевидно не обозначает звук [í] также в форме предл. падежа личного местоимения *on*, которая в восточнословацком диалекте имеет вид *ňem*: *Vszvem 'sivotzes posehnána, Vo vnyém blahá potsnyes Szina (4).* То же можно сказать о формах причастий на *-l* от глаголов с основообразующим суффиксом инфинитива *-i-*, изменившегося в восточнословацком диалекте в *-e-*: *Z prisahu prítvérdzál shyubél, Szina szvojoho knám pústšél (2).* В обоих случаях имеет место искусственная — вероятно, лишь графическая — постановка знака долготы. Рассматриваемая графема не обозначает звук [í] также в стяженных формах притяжательных местоимений, где она явно передает гласный того же качества, что и употребляемая наряду с ней графема *é*: *Vijevél knám szvoju Dobrotz, Barz velyiku miloserdnosztz,*

Vipólnyél drahé szlovo *szvé*, Szvû prisahu, obetzányé (2); *Szvé* dzéztátká 'salovalyi, Zszlizami jích polyévalyi (41). Сложнее установить реально обозначаемый ею звук в формах предл. падежа ед. числа муж. и ср. рода прилагательных, где последовательно выступает флексия *-ém*: Tak i dál *vposledném* tsasze, V pretsisztěj Panni 'sivotze (4); Sedzetz v *Dávidovém* Tronye, I Krályovatz nyekonyetsnye (4); Buh tslovek v jednej oszobe, Zjeven nám u *lyútzkém* tzelye (9); Na *viszokém* *jaszném* nyebe Szláva vetsní Bose tebe (16). Как известно, в восточнословацком диалекте парадигма прилагательных характеризуется омонимией форм предл. и твор. падежей ед. числа существительных мужского и среднего рода, которая отсутствует в других диалектах словацкого языка и в чешском языке. В рассматриваемом произведении названная омонимия также не наблюдается, ср. формы твор. падежа: Ten budze *dobrim* Pasztírom, Lyuda moho *szlavnim* Krályom (39); Za to ás se *Boszkim* Szinom, Imenujes Messiásom, Zovu tebe zloretsnyikom, nye veruju tze Kristusom (51). Обращает на себя внимание отсутствие в выделенных формах, как и в восточнословацком диалекте, долготы во флексии. Из этого можно сделать вывод, что А. Шпацаи в данном падеже употребляет восточнословацкую форму, а в предл. падеже — либо чешскую, либо совпадающую с ней форму из родного западнословацкого диалекта. Полагаем, что чешская или совпадающая с ней западнословацкая форма с флексией *-é* последовательно употребляется и в им. и вин. падежах ед. числа существительных среднего рода, тогда как в земплинском диалекте здесь представлена форма с флексией *-i*: Zjevél's se *nyebetzké* szlovo, Visols od Ottza vetsnoho, *Krechké* tzelo oblyék na se, Po potsátku v dluhém tsasze (3). Из сказанного следует, что — в современных терминах — Ессениус различал фонемы /é/ и /i/, но отмечал их близкую для словаков фонетическую реализацию в венгерском языке¹ и рекомендовал аналогичным образом произносить *é* при чтении кальвинистских книг.

¹ Ср. популярные пояснения для изучающих венгерский язык на базе русского языка: «В венгерском языке существуют гласные звуки, которым нет точного соответствия в русском языке. Это звук А, который произносится как средний между русским А и О. Звук Ё является промежуточным звуком между русским Э и И, иногда похож на Ы!» (<http://myhungary.net/magyaranyelv/141-osnovnyie-foneticheskie-i-grammaticieskie-osobennosti-vengerskogo-yazyka.html>, доступ 23.07.2015).

Довольно широко в рассматриваемом песеннике используются диграфы. Так, сочетание букв **n** и **l** **c** у обозначает соответственно мягкие [n'] и [l']: *Virosznye Prút z Jessovoho korennya szlavneho, Zchtoroho znovu kvétok*; *Barz rozszkosni virosznye* (18); *Dlyá svedomsztva na tento svet on se narodzél, As volyachto bi unyém verél* (23). Мягкий [d'], встречающийся в песеннике крайне редко, так как он практически последовательно отражает восточнословацкую ассимиляцию *d' > dz*, обозначается сочетанием **gy**: *Tebe naso vikupenyé, Nás 'sivotu, drahi Panye, Pitáme brány nasz upádku, i od zloho gyábla faltsu* (7). Буквенные сочетания используются и для обозначения иных звуков: [s] передается сочетанием **sz**, [c] — сочетанием **tz**, [č] — сочетанием **ts** (в единичных случаях **cs**); употребляются также диграфы **dz** и **ch**: *'Sivot vetsni <večni>¹ nám zhotovél, Z hréchu náš vizspravodlyivél <vispravodlivél>*, *Naso dusi z smertzi <šmerci> zbudzél* (49); *Zato prisól v pólném tsase <čaše>*, *Cslovétsenstvó <človéčenstvó> vsál na szebe <sebe>*, *Na kris rozpjati vtém tzele <cele>* (47).

Язык «Голоса набожного пения» представляет собой сложное гетерогенное образование. В нем действительно представлены характерные черты восточнословацкого диалекта и, уже, земплинского говора, особенно в области фонетики. Тем не менее и в фонетической его системе обнаруживается существенное отступление, а именно фиксация долгих гласных, тогда как в земплинском говоре и в восточнословацком диалекте в целом (за исключением окраинного сотацкого говора) фонологическая долгота гласных отсутствует. Интерпретация долгот в рассматриваемых текстах с самого начала изучения их языка вызвала дискуссию. «П. Кирай утверждал, что долгота в кальвинистских книгах восходит к чешской письменности, а ее введение он приписал Г. Ессениусу, чеху по происхождению, за которым последовал и А. Шпацаи. И. Книежа, однако, был убежден, что в кальвинистских книгах сохранились реликты представленных ранее долгих гласных» (Švagrovský 2000: 33). И. Книежу поддержал Э. Паулини, который писал: «В текстах обозначается долгота. До настоящего времени по существу не выяснено, отражает ли это тогдашнее состоя-

¹ В угловых скобках здесь дается транслитерация средствами современной словацкой графики некоторых трудных для прочтения слов.

ние земплинских говоров (мы это считаем вероятным) или речь идет о внешнем влиянии, например, чешского языка» (Pauliny 1971: 86). К противоположной точке зрения присоединяется Ш. Швагровский: «Количество гласных в кальвинистских книгах, его абсолютно хаотическое обозначение, в том числе в одних и тех же словах (*bol* и *ból*, *potoh* и *potóh*), и отсутствие какого-либо общего принципа его записи, однако, говорит о том, что в этих книгах фиксируется не реально существующая долгота земплинского, абовского и ужского говоров середины XVIII в.» (Švagrovský 2000: 33). По нашему мнению, обозначение долготы в кальвинистских текстах является лишь данью иным письменным традициям, чешской и/или венгерской. Против точки зрения И. Книежи свидетельствует прежде всего то, что долгие гласные фиксировались в восточнословацких текстах и позднее, например в «Очерке шарийско-словацкой грамматики» А. Урбана (Urban 1875), не отражая реального состояния в восточнословацком диалекте. Не подтверждают ее и исследования историков словацкого языка. Так, Р. Крайчович отмечает, что утрату количества и закрепление ударения на предпоследнем слоге в восточнословацком диалекте чаще всего датируют периодом до XV–XVI вв. (Krajčovič 2003: 121). Кроме того, долгота гласных в рассматриваемом памятнике обозначается в таких лексемах и словоформах, в которых она практически невозможна: *Evangyelije vetsnej motz, Kristusa szlovo, szvoju Mótz, Buh Oztetz knám velyku Dobrotz, Ukázál Bohatu Milosztz* (1); *Pitámé ô Bose tebe, Potvérđz nász u pravěj vére* (1); *Poszlál z viszokoszti Pán Búh szvoho Poszlá, K Pannye z szvěj Milosztzi* (10); *Abi vtém poselsztve Tsudnú rets dokántszál U tisztem Panensztve, Plód, úród, znak zjevjal, I pevnim oznámjal* (10); *Rozkáz vidál abi se mu tzali svet szpizszál* (20); *Zochabél szvê Krályovstvo, Nyekonyetsné bohasztvó, Vsál na szebe za nász úbosztvó* (26).

Как правило же, фонетические явления точно отражают диалектные особенности, которые могут быть общевосточнословацкими, земплинскими или характеризовать часть земплинских говоров. В подтверждение этого отметим а) практически последовательную восточнословацкую ассибиляцию $t' > c$, $d' > dz$, б) земплинские рефлексы утраты слоговых r , l и в) палатализацию согласных s и z , изменившихся в южных земплинских говорах в $š$ и $ž$:

- a) To nasa *hluposztz*, velyka *zlosztz*, *Bludnosztz* (1); Tsomlyem tis *nádzeja* nasa, Pomotz *préztiv* Satanasa, *Préztiv tzela prevládzenyé*, Oprézt sveta zasztúpenyé (1); Posehnan Pán Izraelszki, Bo ón jeszt *Otztz* lászkavi, Chtori mili Lyúd nastsivél, Prék Szina szvoho vikupél (2);
- б) Zásnyi sztred *sertz*a nasoho, Jeszné svetlo Ducha szvoho (3); Na tretzi dzeny z *mártvich* vsztál, Hréch i klyádbu znász znyál (11); Város se na *pólnyé*l z hosztzami (21); Szvé dzéztátká 'salovalyi, *Zszlizami* jích polyévalyi (41); Pitz 'sádál z velykéj muki, 'Slutsu ho nápájalyi (45);
- в) I do *jesel* zavinutoho polosila (21); Kedz *se* vsitko zpolnilo, Kristovo *sveté* tzelo Do hrobu jeszt vlosono (45); Hadovi kedi *hrosél* (17); 'Sem se doráz rusila, Szlunko *se* barz zatzmilo (45).

Укажем также на г) последовательное восточнословацкое отражение рефлекса краткого **ɛ* в виде *e*, а долгого — в виде *a* с йотацией после губных, д) последовательное земплинское отражение рефлекса **ъ* в виде *o* в суффиксе *-*ьk*- и е) факультативное отражение предлога *v* в виде *u*:

- г) Osvézt Panye *pametz* nasú, Posvetz tzelo, tak i dusu (3); I jomu velymi *dzekujtze* V Duchu joho viznávatze (8); Iz toho *sveté* pizmzo svedomsztvo robi (20); On vetsné *knyise*, z Bohom szútzoho pokoja nasoho (30); Zato onyi se rusilyi, As v Jerusálem sztúpilyi, Noveho Králya *hlyedalyi* (38); *Zjevél*s se nyebetzké szlovo, Visols od Ottza vetsnoho, Krechké tzelo oblyék na *se*, Po *potsátku* v dluhém tsasze (3); Pésnye Kresztzanszke na Rotsné *Svjátki*, i k jinsím Svetim Prilesitosztem szporádane (титульная страница); Tebe *velyebja*, vsadi kdze na tej 'semi 'sijú (37);
- д) Szanováł si sveta toho, Barz velyki *upadok*, z toho Szvú lászku si mu ukázál, Z Panni tzelo na szebe vsál (6); Jessov *prútotsok*, Krászni *Mládnyitsok*, Us se rozvinól (24); Ottam do Meszta svetoho, Jerusálema szlávnoho, Bosí *Baranok* v krotkosztzi, Posól a (!) ponyisenosztzi (43); Nyesme mu vzdetsni *darúnok*, Pravej véri Pálmi *vénok* (44);
- е) Buh tslovek v jednej oszobe, Zjeven nám *u* lyútzkém tzelye (9); Abi vtém poselsztve Tsudnú rets dokántsál *U* tsisztém Panensztve

(10); *U Kreszczanském sztave, Jeszt vodloványé pravé* (10); *Jésus se narodzél U Betleheme szlavném, Városu Dávidovém* (11); *To predrahé narodzenyé Andzeli zjevilyi, Utém Kraju Betlehenském, Chudobnim Pasztirom* (18); *Jésusa u hodzinu Sesztzu na kris rozpjalji* (45) — *Verime v svetoho Ducha: Boha 'sivoho* (11); *Krály se vserdztu szvém barz pobál, Tajnye k szebe Múdrich zazvál* (39); *V tretzu hodzinu Krista Ukrisovatz volalji* (45).

В отличие от фонетической системы, в целом совпадающей с системой земплинского говора, морфология языка рассматриваемого песенника представляет собой оригинальный результат его взаимодействия с чешским языком, поддерживаемым во многих случаях родным западнословацким диалектом переводчика. Естественно, также на уровне морфологии здесь фиксируются типично восточнословацкие явления, к числу которых относятся а) отсутствие специфицированной одушевленной формы им. падежа мн. числа адъективалий и б) широкое употребление флексии предл. падежа ед. числа *-u* в парадигмах существительных мужского и среднего рода с основой на мягкий согласный. Ср. примеры:

- а) *Dál jim motz takej szlávi, Szinami Bozskima, Abi bulji chtoré by vnyém* (19); *Pridzitze (tak pové) Vi Ottza posehnáné, I Szinove poszlusné* (13); *Kresztzáni z Boszkéj lászki, Chtoré sme pravej véri* (13); *Nyebetzké sveté seregi, Vichvalyujú tebe na nyebe, I na 'semi szútzé lyudze, i kásdé sztvorené tvojo* (42);
- б) *Na kontzu sveta sztaroho, Jak mladi, z pokoja szvoho, k nám si prisol z lászki Ottza, Z Pretsisztéj Panni 'sivota* (7); *Verime v Jézusa, Boha 'sivoho Szina, Nasoho posztrednyika, Szaszitzelya (!) Pána vetsnoho, Adámovi u Raju, Davno slyubenohe* (11); *Kristus muki podnyál, Na Krisu za nász umár* (11); *I szliselyi, chvályme i mi tus vtém dnyu svetém* (22). *Pise Ésaías o narodzenyu Krista Králya szvoho* (27); *I ti Efrata Betlehem, U Krályovanyu Judovém, nye jeszt nájmensi Város tvój, Tsom z tebe vídze szlavni Hertzeg mój* (39).

Во многих случаях, однако, восточнословацкие формы выступают наряду с формами, характерными для чешского языка. Среди них отметим в) флексию дат. и предл. падежей ед. числа одуше-

ленных существительных *-ovi*, представленную и в литературном словацком языке, и ее земплинское соответствие *-oj*, г) стяженные формы притяжательных местоимений и их нестяженные восточнословацкие соответствия, включая типичные земплинские формы с флексией *-o¹*, и д) колебания в отражении категории одушевленности в формах вин. падежа мн. числа:

- в) *Ti si szlovo Ottza oné, Adámovi obetzáné, Abrahámoj zvestováné, Dávidoj Kráľyoj zjevené* (3); *Idzme zato mi k Jésumoj, Ku pretsisztej Panni Szinoj* (5); *Nyech se mu mój dár poklonyi, Jak podobno szlávnomu Kráľyovi* (39);
- г) *Bi sme Szlovo tvé prijalyi, Meno tvojo vodlovalyi* (1); *Vijevél knám szvoju Dobrotz, Barz velyiku miloserdnosztz, Vipólnyéľ drahé szlovo szvé, Szvú prisahu, obetzányé* (2); *Potverdzis nász v pravéj vére, nyech vesmem szvojo szpasesnyé* (3); *Szvú krev si za nász rozlyévál Szvim zaszlúsenyem nász vibav* (4); *Chtori nász barz potzesél, iz szvojim narodenyém* (19–20); *Do hréchu szpadli zloho, Z prirodzenyá szvojoho, Rabi gyábľa sztrasnoho* (14); *As bi se vtém nye szklamál: Na tvoj Trun poszadzu, Z tvóho lúna Kralyovszkoho, Barz predrahu ovotz* (18); *Ten budze dobrim Pasztirom, Lyuda moho szlavnim Kráľyom* (39); *Dzétze Jésuma iz Matku, Naslyi pretsisztú Máriu, Padnútz jomu se modlyilyi, Z szvojmi dármi joho potzlyivilyi* (39–40); *Nyechtoré z szvíma Plástami, Zelyenima halúszkami potzlyive drahu sztzylyilyi, Kristusa Kráľya usztzylyi* (44);
- д) *Kôľ Betlehema behalyi, Malé dzetzi zabijalyi, Ottcze Matki zarmutzilyi, Chtoré bárz prehorko narékalyi* (41); *Szlavni August Rimszki Tsászár tedi panováľ, Chtori 'Sidóv pod szvú motzu máľ* (20).

Обнаруживаются и другие генетические богемизмы, выступающие факультативно: е) союз цели с чешской формой 1 лица ед. числа сослагательного наклонения глагола «быть» (*abich*)², ж) усе-

¹ У притяжательного местоимения 1 лица мн. числа была зафиксирована лишь земплинская форма *našo*: *On jeszt naso vikupenyé, Svetosztz, viszpravodlyivenyé* (2); *Viszlisis modlyidbi naso, Tebe mi pitáme na to* (6); *Naso serdza Bose mili, Vpravej vére i nádzeji, Ráts tak pomotzovatz nyech vse, Lyem v tebe számém ufáme* (51).

² Форма 1 лица мн. числа зафиксирована не была: *Prisól aby sme 'silyi, V Ottza lászku vsztúpilyi* (26); *Pitajme právú vérú, Abi sme vnyém vse malyi* (35).

ченная форма 2 лица ед. числа настоящего времени глагола «быть», присоединяющаяся к любому слову, з) «регрессивная перегласовка» *aj > ej* в формах повелительного наклонения, и) формы твор. падежа множественного числа существительных мужского рода с флексией *-i* и др. Ср. примеры:

- е) *Abich tze nye zapominál* (16);
 ж) *Zjevéls se nyebetzké szlovo, Visols od Ottza vetsnoho* (3); *Vszvem 'sivotzes posehnána, Bo vnyém blahá potsnyes Szina* (4); *Chtoris zmilovál nadnámi Vidzátz nász u zahybelyi, Ten svet si z krivu vikupél, K nyomus z szvim ratúnkom sztupél* (7); *O Baranku nyevinnosztzi! Tzeno toho szveta mnosztzi, Potrimatzelyu vsechmôtzi, Pozdravens Krályu nyebetzki* (50); *Lyem tis szám sveta tzaloho, Znásál hréch tseski terh joho, lyem tis nám dosztál spasenyé, V nyebe vetsné prebiványé* (51);
 з) *Tsesztz na viszosztzi, Pánu Jasznosztzi, Ottzu iz Szinom, isvetim Duchom Pésnyitsku chváli spévej mu kásdi* (25); *Chválu vsittzi zdávejme, mi Pánu Bohu, Chtori zszvojim narodzenyim, Nász vislyebodzil* (36);
 и) *Barz rútsé risi iz barankámi vjedno budú bivatz, I krotké voli zdzivima lyevi beszpetsnye szpotsivátz* (28).

У причастия на *-l* глагола 'быть' наблюдается комбинирование генетически восточнословацкой и невостоочнословацкой форм. В земплинском говоре во всех формах этого причастия представлен гласный *u* (*bul, bulo, bul'i*), тогда как в родном для автора трнавском говоре — гласный *o*, который лишь в форме мужского рода является долгим (*ból, bolo, boli*). В языке же песенника обнаруживаем трнавскую форму мужского рода, тогда как все остальные являются земплинскими:

Jak ból Dávidoj obetzál, Prék Prorotzkich úszt zvesztovál (2); *Gábrriel Archandzel v Nazáret ból poszlani, Abi se z tsisztěj Panni Szin narodzél* (11); *Tsom kebi ból on nyeprišól k nám zlászki szvojej, Mi bi bulyi na vek prepadlyi, Do zatratzenyá, Vsitké bi bulyi sme v Boszkém hnyeve zosztalyi* (21); *Bi sme iz kasdej nyevolyi, Z Hréchu vibavené bulyi* (2); *Jak szpályeni tsrep tak viszchlo, Pre hnyév Boszki joho tzelo, Zszvich sztavoch se virusilo, Tak barz bédné bulo* (48).

Чешский язык не только оказывал существенное влияние на язык песенника, но и обогащал его формами, отсутствующими в восточнословацких говорах, придавая ему книжный характер. К числу таких форм относятся а) деепричастия, в том числе прошедшего времени, и б) краткие формы страдательных причастий¹. Ср. примеры:

а) *Szlisátz* Herod se nastrasél, Jerusálem se obrusél, Popov barz szkoro zhromadzél (38); *Dzétze* Jésusa iz Matku, Naslyi pretsisztú Máriu, *Padnútz* jomu se modlyilyi, *Z szvojmi* dárimi joho potzlyivilyi (39–40); *Nye dávalyi* se ukojítz, *Zemdlyévajútz* chtzelyi szami zemrétz (41); *Kris nyész* na 'sem *padajutz* Na meszto muki velykej (45); *Pasztirove* to *szlisevsi* posatovalyi, *Doklyá* do Betlehema doslyi (22); *Bivsi* tsisztu nyevinnosztzu, *Zloretsnikom* tze volaju, *Istse* ti szebe lyem melytsis, *Na taki* falts nyits nye hvaris (51);

б) *Posehnan* Pán Izraelszki, *Bo ón* jeszt *Otzetz* lászkavi, *Chtori mili* Lyúd nastsivél, *Prék Szina* szvoho vikupél (2); *Zapotsnye* se Duchom Svetim, *Budze nazván* Szinom Bosim (4); *Buh tslovek* v jednej oszobe, *Zjeven* nám u lyútzkém tzelye (9); *Podnyán* zas do Otza szvoho, *Sednól* do Tróna Boszkohe (9); *V jeslye* jeszt *polosen*, *od Pasztirov* tam *nájdzen*, *Od Andzelóv* *vichvályen* (11); *Kedz* se vsitko zpolnilo, *Kristovo* sveté tzelo *Do hrobu* jeszt *vlozeno* (45).

Взаимодействие восточнословацкого диалекта с чешским языком или западнословацким диалектом могло приводить в языке песенника к изменениям типологического характера. Так, для восточнословацкого диалекта характерна полная унификация парадигм существительных во множественном числе. Важной составляющей этого процесса было установление омонимии род. и предл. падежей либо путем вытеснения исконных флексий род. падежа существительных всех трех родов флексией предл. падежа мужского рода *-och*, закрепившейся также в соответствующих формах существительных женского и среднего рода, либо в результате проникновения флексии мужского рода *-ov* в формы род. падежа существительных женского

¹ В восточнословацком диалекте хотя и существуют краткие формы страдательных причастий среднего рода, но они употребляются лишь в результативных конструкциях: *Už máme pokošeno*, *pohrabano* i *pozvažano* (*vimláceno*); *Bulo zavreto* (Štolc 1994: 59).

и среднего рода и в формы предл. падежа всех существительных. Первый вариант установления рассматриваемой корреляции является преобладающим в восточнословацком диалекте (Pauliny 1990: 87–106). В языке песенника процесс унификации парадигм находит отражение, но наблюдается его своеобразное преломление: флексия *-och* фиксируется в формах предл. падежа существительных женского и среднего рода, но не проникает в формы род. падежа, в котором доминирует исконная флексия мужского рода *-ov*, вытесняющая иные флексии, хотя и менее интенсивно. Ср. примеры:

Tedi islyi zkasdej sztráni i vsich *Városov*, Z národu, szvojich *Mesztóv*, *Domóv*, I Familii (20); Sztvoritzelyu *hvézdov* jasznych, O vetsné svetlo vsich vernich, Odmeno tzaloho sveta, Jesusu Davtzu 'sivota (7); Jako prék Prorokov zhlásál, Szlávi Králya nám obetzál, Chtori bi nász *múk* pekelnich, Zbavél nyepratzelyov kásdich (8); I do *jesel* zavnutoho polosila (21); Jósefa z Pannu, I povité nemlunvnyátko *vjeslyoch* tam naslyi (22); Na *Pletzoch* joho, jeszt velyké Pánsztvo, Motzni a Rádni jeszt i barz tsudni, Otzetz 'sivota, Szin Dávid Králya (24).

Примечательно также то, что язык изучаемого произведения совершенно не отражает типичную восточнословацкую омонимию форм предл. и твор. падежей ед. числа адъективалий мужского и среднего рода¹ — при типичных для восточнословацкого диалекта а) формах род. и дат. падежа ед. числа этих адъективалий с гласным *-o-* во флексии, б) формах твор. падежа мн. числа с флексией *-ima*, а также при отсутствии одушевленных форм в им. падеже мн. числа². Примеры:

а) Chtore Z *Uharszkoho* (!) Jazika na SZLOVENSZKI prelosil S. A. (титульная страница); Verime v Jézusa, Boha 'sivoho Szina, Nasoho posztrednyika, Szaszitzelya (!) Pána *vetsnoho*, Adámovi u Raju, Davno *slyubenoho* (11); Chtori bi tsloveka podnyál, Hada *zloho* hlavu potar, Peklo smertz vetsnú polámál: Chvála (47); Chvála Ottzu *Nyebetzkomu*, I Szinu joho *milomu*, Chvála i Duchu *Svetomu*, Trojitzí Bohu jednomu (2). 'Sidzi tebe na smertz *idútzomu*, Dalyi znak *chváli*, i tsesztz hodnú (42–43);

¹ Ср. U Betleheme *szlavném* (11), но *szlavnim* Krályom (39) и другие примеры выше.

² См. примеры типа на 'semi *szútzé* lyudze (42) выше.

б) Barz ubohim se posztavél Bi nász *bohatima* szpravél (5); Dál jim motz takej szlávi, Szinami *Bozskima*, Abi bulyi chtoré by vnyém (19); Barz rútsé risi iz barankámi vjedno budú bivatz, I krotké voli *zdzivima* lyevi beszpetsnye szpotsivátz (28); Nyechtoré z szvíma Plástami, *Zelyenima* halúszkami potzlyive drahu sztzelyilyi, Kristusa Králya usztzilyi (44).

Что касается словарного состава данного произведения, то значительную его часть составляет церковная лексика, заимствованная и адаптированная к фонетике восточнословацкого диалекта. Кроме того, Ш. Швагровский обнаружил в нем помимо восточнословацких лексем среднесловацкие, западнословацкие, чешские и «лехитско-украинско-русинские» слова (Švagrovský 2000: 36–37). Отметим также, что в текстах встречаются и мадьяризмы: I ti Efrata Betlehem, U Krályovanyu Judovém, nye jeszt nájmensi *Város* tvój, Tsom z tebe vídze szlavni Hertzeg mój (39); Tés i *seregi* 'Sidóvszké, Z Pálmu se poklonyilyi tebe (42).

Итак, язык поэтического произведения «Голос набожного пения», переведенного с венгерского языка на словацкий, нельзя квалифицировать как земплинский диалект, поскольку он представляет существенные отличия от последнего на всех языковых уровнях. Иноязычные (инодиалектные) элементы заметным образом модифицировали систему языка этого произведения, в результате чего в него проникли генетически чужеродные явления, изменилась типология некоторых структур, возникла дублетность форм, отсутствующая в земплинском диалекте. Несмотря на это, язык песенника является в целом довольно строго нормированным и не представляет собой хаотического нагромождения разнородных элементов, что можно констатировать, например, в отношении языка восточнословацких публикаций в США, издававшихся в конце XIX — начале XX в. (Лифанов 2005). Нормированность одного идиома и отсутствие нормы в другом, разные механизмы возникновения, разная орфография, свидетельствующая о различии в культурной ориентации, и разные сферы употребления не позволяют рассматривать их как варианты одного целого.

Изучение языка кальвинистских книг имеет перспективу. Исследователям предстоит сопоставить язык Г. Ессениуса и А. Шпацаи и установить, насколько он идентичен и не существовало ли различий, обусловленных разным происхождением авторов, а также сравнить первые кальвинистские книги с их последующими изданиями с целью проверки тезиса С. Цамбела о влиянии на них разных вариантов словацкого литературного языка.

Литература

- Дуличенко 1981 — *Дуличенко А. Д.* Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. Таллин, 1981.
- Дуличенко 2005 — *Дуличенко А. Д.* Малые славянские литературные языки (микроязыки) // *Языки мира. Славянские языки.* М., 2005. С. 595–615.
- Лифанов 2005 — *Лифанов К. В.* Язык восточнословацких публикаций в США (конец XIX — начало XX вв.). *LINCOM Studies in Slavic Linguistics* 25. München, 2005.
- Csanda 1982 — *Csanda A.* Slovenské preklady žalmov Alberta Molnára Szencihó z r. 1752 // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae.* XXVIII, 1982. S. 218–228.
- Czambel 1906 — *Czambel S.* Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. 1. oddelenie. Osnovy a iný materiál rečový. 1. čiastka: Východoslovenské nárečie. V Turčianskom sv. Martine, 1906.
- Király 2006 — *Király P.* Vznik a zánik kalvínskej východoslovenčiny // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae,* 51 / 1–2, 2006. S. 31–64.
- Krajčovič 2003 — *Krajčovič R.* Slovenčina a slovanské jazyky II. Fonologický vývin. Bratislava, 2003.
- Pauliny 1971 — *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny I. Od začiatkov až po Ľudovíta Štúra. Bratislava, 1971.
- Pauliny 1990 — *Pauliny E.* Vývin slovenskej deklinácie. Bratislava, 1990.
- Štolc 1994 — *Štolc J.* Slovenská dialektológia. Bratislava, 1994.
- Švagrovský 2000 — *Švagrovský Š.* Z histórie slovenských kalvínskych rituálnych kníh z rokov 1750–1758 // *Slovenská reč,* 65, 2000, č. 5–6. S. 279–294.
- Urban 1875 — *Urban A.* Sárosi tót nyelvten vázлата. Eperjes, 1875.

М. Вашичек (Прага)

ЛЯШСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК УНДРЫ ЛЫСОГОРСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ ДРУГИХ ПИСАТЕЛЕЙ КРУЖКА *LAŠSKO PERSPEKTÝVA*

Ляшский литературный язык (или поэтический идиолект) создан в начале 30-х гг. XX века на основе ляшских (чешско-силезских) верхнеостравицких говоров поэт Ундра Лысогорский (наст. имя Эрвин Гой), использовавший его в своих стихах, в предисловиях и послесловиях к своим поэтическим сборникам и отчасти в личной переписке.

В 1936 г. Лысогорский вместе с рядом других писателей из чешской Силезии основал литературный кружок *Laško perspektýva* («Ляшская перспектива»), ставивший своей целью создание платформы для развития пролетарской литературы на ляшском языке. Из членов кружка известны прозаик Йозеф Шиновский (наст. имя. Йозеф Билан), поэты Ян Стунавский (наст. имя Ян Лисник) и Юра Ганыс (наст. имя Богумил Марек), публицист К. Каван и лингвист Й. Самкова. Лысогорский был его идейным вождем (KESaSM, A–M: 484–485). Деятельность кружка прекратилась в связи с началом Второй мировой войны, которую Лысогорский провел в эмиграции в Советском Союзе (в Москве и Ташкенте). Остальные члены кружка большую часть своих ляшскоязычных произведений опубликовали именно во время войны. По возвращении в Чехословакию Лысогорский был обвинен в буржуазном национализме, и вплоть до 1959 г. его стихи не печатались. Й. Шиновский и Я. Стунавский вскоре после войны выпустили еще ряд текстов на ляшском языке, однако в дальнейшем бывшие члены кружка использовали в своем творчестве литературный чешский язык, хотя и насыщенный диалектизмами. Это относится к Й. Билану и Б. Мареку; о последующем творчестве Я. Лисника нам ничего не известно. Таким образом, Ундра Лысогорский остается единственным автором, который до конца своей жизни писал по-ляшски.

В данной статье мы сосредоточимся на языковом анализе произведений авторов «Ляшской перспективы» Й. Шиновского, Я. Стунавского и Б. Марека, о которых во многих источниках сообщается, что они писали на ляшском языке Лысогорского или на ляшском диалекте, однако их язык до настоящего времени еще не был предметом специального лингвистического исследования. Мы попытаемся охарактеризовать язык трех названных авторов и сравнить его с языком текстов Лысогорского, чтобы ответить на вопрос, в какой мере прежде всего грамматический строй их языка соответствует той системе, которую мы находим в поэзии Лысогорского и которую можно считать его авторской текстовой кодификацией¹. Мы надеемся, что этот анализ поможет уточнить также теоретические вопросы трактовки ляшского языкового феномена.

Язык прозы Йозефа Шиновского

Йозеф Билан родился в 1903 г. в Шенове у Остравы в семье шахтера. Окончив пять классов начальной школы, он работал на шахте и на металлургическом заводе, во время Второй мировой войны участвовал в освободительном движении. После войны он занимал ответственные политические посты, но из-за несогласия с вводом советских войск в Чехословакию в 1968 г. был исключен из коммунистической партии. Умер в 1973 г. в Остраве (KESaSM, A–M: 117–118).

В 1940 г. Шиновский издает сборник рассказов *Černe oranisko* («Черная пашня») с подзаголовком *Slezské povídky v nářečí lašském*, а годом позже выходит его книга *Země vypravuje* («Земля рассказывает») из двух частей, содержащих по пять рассказов, написанных соответственно на литературном чешском языке и «народной речи» (эти части показательно названы по-чешски *Krásou tvořeného slova* и по-ляшски *Šumnotu ludovej mluvy*). В 1945 г. был издан единственный ляшский роман *Halďy na roli. Lašský román z havířské země* («Терриконы в поле. Ляшский роман из шахтерского края»),

¹ При сравнении мы будем опираться в первую очередь на нашу дипломную работу (Vašíček 2011).

причем его жанровое определение, обозначенное в подзаголовке, было сразу же подвергнуто критике. В предисловии Зденек Бары говорится, что учителем Шиновского был Ундра Лысогорский, давший ему, кроме образца художественного творчества, и «прочную форму говора». Бар упоминает также Яна Стунавского и Юру Ганыса, которые «вместе с ним начали писать на ляшском диалекте Ундры Лысогорского» (Šinovsky 1945: 8).

После войны, в 1947 г., появляется книга *Těšínské úsměvy* («Тешинские улыбки»), включающая рассказы Й. Шиновского и стихи Я. Стунавского.

Все названные произведения написаны на одном авторском языке-идиолекте. Далее мы рассмотрим характерные черты этого языка, сосредоточиваясь в особенности на сходствах с языком стихов Ундры Лысогорского и отличиях от него.

Орфография этих текстов на первый взгляд достаточно заметно отличается от орфографии Лысогорского в сторону приближения к фонетическому принципу написания. Шиновский не употребляет графем *ó, é, w*, а для обозначения мягкости *n* перед *e* использует графему *ě*, в чем проявляется его большая зависимость от чешской орфографической системы: *ynum, řyka, chlib, vi, slunskej, tvuj, něbudže* (в языке Лысогорского *éném, řeka, chléb, wjé, slónskej, twój, ňebudže*).

В фонетике у Шиновского находим большую вариативность и параллельное употребление одних и тех же слов в двоякой огласовке. Обратим внимание в первую очередь на фонетические явления, отличающие генетически чешские ляшские говоры, включая верхнеостравицкий, на который опирается поэтический язык Лысогорского, от генетически польских говоров чешско-польской смешанной полосы, которые, по всей вероятности, были родными для Шиновского (их влияние проявляется в языке его текстов на всех уровнях, но больше всего именно в фонетике). Смешение чешских и польских рефлексов нередко находим не просто на одной и той же странице, но и в пределах одного предложения:

1. метатеза плавных с различными результатами даже в одной и той же лексеме: *hlodny, młodšo, młody, hłova, krova, brovka, nahrodži,*

chlodně, mrozým, mroživým, zamročine, prohu, v plumuňach || mladých, mladošci, brađu, zdravim, bravek, mraživu, stranu, prahuv;

2. «ять» имеет чаще всего чешский рефлекс, но встречаются и слова с польским рефлексом *a* или *o* (в результате изменения *á > o*): *jazda, v lasoch, hňozda;*
3. встречаются формы с польской перегласовкой *e > o*, перед носовым сонорным *> u*: *šostra* (у Лысогорского *sestra*), *žunaty* наряду с *ožinić;*
4. следы польского развития носовых гласных представлены в большей мере, чем у Лысогорского: не только *ślunsky*, но и *zominće* (у Лысогорского *zóměć*), *řundzić, mundrok* наряду с *mudrok;*
5. на месте слогообразующих *r, l* в верхнеостравицком говоре выступают сочетания сонорного с сопутствующим гласным типа *y*, в орфографии Лысогорского — *él, ér*, причем смягчение предыдущего согласного не происходит (*stérnisko, wélna, wélk*); у Шиновского такие формы встречаются регулярно: *dyržeć, tyrh, štyrnost*, реже без отражения сопутствующего гласного: *štrnaścodňove*, однако можно найти и формы, имеющие польский фонетический облик: *ścernisko, utarži, utaržuňkym;*
6. изменение *á > o* представлено в большей мере, чем у Лысогорского, что соответствует его распространению в соседних польских говорах (наследие древних различий в дистрибуции долгих гласных): *provda, dooprovdy || opravdovy;*
7. нормой для Шиновского является регрессивное смягчение свистящих перед мягкими согласными (отсутствующее у Лысогорского, кроме позиции перед *ć, dź*: *piasć, lišci, broždze, hwěždze*, но только *spjéwo, sněh, wyjasňo*), хотя Шиновский обозначает его непоследовательно: *vyjaśno, svići, usmichně, śpichaju, myśli, zlił* наряду с *sviço, spivo, smiły śe, pėsničky;*
8. спорадически встречается польская альтернатива *g/h — dz*: *ku śachtovej strudze;*
9. элементом, заимствованным из остравской группы ляшских говоров, являются формы *śe smiły, vzil* (наряду с *vzól*); у Лысогорского — *śe usmiol, wzol.*

В морфологии Шиновский также старался ориентироваться на норму языка Лысогорского. С учетом того, что литературный ляшский язык обладал лишь текстовой кодификацией и автор, который хотел следовать Лысогорскому и писать на его языке, не имел в своем распоряжении какой-либо грамматики, а мог опираться исключительно на тексты Лысогорского и знание собственного говора (в случае Шиновского во многом отличного), интерференции с этим говором не приходится удивляться.

К таким интерференционным явлениям у Шиновского относятся:

а) в склонении существительных

— окончание *-o* у существительных ср. рода бывших *jо-основ и *nt-основ: *ojo, polo, džíco*. В языке Лысогорского существительные *jо-основ имеют окончание *-e*, *nt-основ — *-a*: *pole, džéwča*;

— окончание *-e* в им. падеже мн. числа одушевленных существительных муж. рода с этимологически мягкой основой: *haviře*; у Лысогорского — *hawjěry ze šachet tohnu v bój, hawjěry ostrawšči*;

— окончание *-i/-y* (и лишь спорадически *-uv*) в род. падеже мн. числа одушевленных существительных муж. рода с этимологически мягкой основой: *haviřy*; у Лысогорского — *słowa hawjěrów, řeč slónskych hawjěrów*;

— формы дат. падежа мн. числа характеризует конкуренция окончаний *-um* и *-am*: *tamum, ku svojim krovum, robum* × *kuřam, horam, dževucham, myřlinkam*, форма *ludřam* встречается регулярно; у Лысогорского — только *-óm* во всех родах (окончание *-am* Шиновский, по-видимому, употребляет под влиянием других ляшских говоров);

— в предл. падеже мн. числа существительных всех родов наряду с окончанием *-ach* Шиновский использует также *-och*: *v rukoch, v černych obyrvioch, po kvartyroch, v pecoch*;

б) в формах других склоняемых слов

— окончание форм род., дат. и предл. падежа ед. числа жен. рода прилагательных *-ej*, которое Лысогорский заимствовал из других ляшских говоров, совпадает с окончанием в говоре Шиновского, поэтому у него мы находим здесь лишь небольшое число

отклонений; интересно однако, что у топонимов встречается окончание *-e*: *od Prajske, do Hrabove*;

- притяжательные местоимения в им. падеже ед. числа жен. рода имеют окончание *-o*, как у прилагательных: *mojo Zofka, moja myšlinka, našo Zofka, našo Majdalena*, а в среднем роде встречаются окончания *-e, -i, -o*: *co je tvoji, to je moji, a co je moji, to či nima nic potym (!), chłopi isto še svoji myšlo, pro svojo syrco*, причем формы с *-i* характерны именно для говоров чешско-польской смешанной полосы. У Лысогорского в жен. роде окончание *-a*, а в ср. роде *-e*: *moja harfa, moja radość, moja duša, moja mama, naša zém, wóña waša, moje sérco, moje oko, žiči moje*;
- у числительных заслуживает внимания форма *poru* (с польским окончанием вин. падежа ед. числа жен. рода) в соответствии с *poru* у Лысогорского: *poru kroków, poru słów, poru strun*;
- в склонении некоторых числительных наблюдается вариативность, ср. в твор. падеже *třicećima* при *štyrycećimi*;

в) в спряжении глаголов

- от нормы Лысогорского отличаются формы настоящего времени глагола ‘быть’: в 1 лице ед. числа *jo je*, а не *(jo)ch je*, при отрицании выступает исключительно форма *nima* в соответствии с *nění* у Лысогорского: *Esli eš nima akuratny, esliš nima hlupy, Chvala Bohu, dyž ruky su zdrave a břuch nima paskudny, umirać hev nima potřeba*;
- в 1 лице мн. числа наст. времени изредка наблюдается отверждение согласного в конце основы: *jedytu* (наряду с *jedžimy*), у Лысогорского только *jedžému*;
- глагол ‘читать’ имеет формы *čnuć, čně, čnuł*, у Лысогорского — *čitać, čito/čice, čitoł*;
- формы причастия прош. времени глагола ‘взять’ — *vzil* наряду с *vzól*, глагола ‘смеяться’ — *smil še* наряду с *smioł še*.

В лексике находим целый ряд слов, не встречающихся у Лысогорского, что чаще всего связано не с иной диалектной базой Шинновского, а скорее с иным характером его творчества. В его текстах, имитирующих народную речь, немало экспрессивных лексем: *rabuchu jedyn, co hev še pěčušiš jak chachar; takovych hultaji po*

nocach se došć po Ostravě smyko; отражается и просто шахтерский сленг: *haviře kej zbulnu šichtu, luchaju šichty* (Skulina 1979: 93).

Напротив, у Лысогорского экспрессивные выражения встречаются ограниченно; кроме того, в его текстах отсутствуют заимствованные слова в искаженной народной форме, какими изобилуют тексты Шиновского: *tranvaj, manebry, dochtora, kancynaryje*.

В качестве иллюстрации приведем отрывок из произведения Шиновского *Černe oranisko* (Šinovsky 1940: 8):

Ej, šumne su slunske dzedžiny. Před každymi dveřami uvito mě slunsky člověk zvunivu řeču, něpopsutu, něvinnu, zdzedžinu z matky na matku. U kolybky po našimu džecku roba pěšničky nući, kěre mu spivaju v myšlinkach po celý život. Něchtam něškoři džecko kaj kolvěk do světa idže, ale duma u matky še pořundži aji popěšći slovami zrozynymi s nim v jednej zymi. Šumně po našimu: „Dobry džeň!“ pozdrovi češinsko dževucha a zdrove smichy se švarneho obličo daruje ku pozdravyňu. Ej, šumne su češinske dževuchy, honorne, rozumne, aj dobre roby z nich budu, kej chłopi ich še přykludžo do chalup.

Следующий фрагмент — из романа *Haldy na roli* (Šinovsky 1945, 30–31):

To šelsky norud z okolnich dzedžin nima, co še hev zapřoho do dživnych robot. Gdo vi, skeć ich hev rakusko munarchij nazhuňala. Jak dživně řundžo mezy sebu. Cudzymi jazykami belkoco, ni tak jako dumovi lude. Jedni po prajsku švandrošo, že něviš, či řundžo o chlebu, lebo kamyňu. Druzy zaš, jako by pylne huby měli hahušek načpane, po polsku to mišaju se zdejšu řeču. Tež aji z Čech nězvykło, ale aspuň srozumitelně je slychać ludži. A mezy nimi s pinklim na rbeće polsky žid ež kajši z Boromeje přyvandrovoť hev a tu hledo novy chlebiček.

Všecy še mišaju v kupě. Džeň co džeň ich věcej še schodži, že lude od nas řundžo o staviaňu veže babilunskej. Tam to možne tež inači něvypadało. Je z teho hotovy miškulanc z tela jazykuv věla norodu. Dyć Hebrej še uči nimčině a Polok po česku a Čech zaš še seznumio a kopyrto na měkych slabikach lašskeho nařečo.

В заключение приведем еще выдержку из письма, включенного в текст книги *Haldy na roli*. Автором письма является один из персонажей романа, который пишет своему брату. Шиновский здесь скорее всего подражает языку, который употребляли в личной переписке его земляки; не исключено также, что он использовал реальное письмо:

Dopis Karla Poštulkuv

*Pozdrav tě bůh Bratře
 Mytě Bratře pozdravujeme
 a smůtnům novine ti zdělujeme.
 Jana Šklořa zabilo v něděli
 měl pohřeb popolednů. Takigo pohřebu
 ješče u nas něбыло navoze go
 vizli ze šachty zmuzikům
 ludi bylo na pohřebě tak moc
 že ani na kapinusovým pohřebě
 tela ludi něбыло jenom nas
 je teskno až trochů zapumnimý
 noveho tu neni nic inšiho. Lojza
 Blažkova bedě měť veseli v ponděli
 u Slivý, ale my musime být doma
 Francek Brat zebroł knižke ze
 zarubku. (Šinovsky 1945: 152–153)*

Письмо содержит некоторые элементы говоров чешско-польской смешанной полосы, такие как окончания *-e* (*novine*, *knižke*) в вин. и *-um* (*zmuzikům*) в твор. падеже ед. числа существительных жен. рода, *-um* в вин. падеже ед. числа прилагательных жен. рода (*smutnům*), окончание *-igo* (*takigo*, наряду с *noveho*, *inšiho*) в род. падеже ед. числа прилагательных муж. рода, форма *bed'e* и др. Одновременно оно отражает ориентацию на чешский литературный язык, главным образом в орфографии: отсутствуют диграфы, для обозначения *č*, *dž* употребляются графемы *t'*, *d'* (что подтверждается написанием *podim* вместо *podzim* в конце письма), появляются нефункциональные знаки долготы и т. д.

В остальном прямая речь персонажей в произведениях Шиновского дается автором в стандартизированной ляшской форме. Таким образом, это письмо является свидетельством того, что родной говор Шиновского отличался от верхнеостравицкого диалекта Лысогорского; тем не менее Шиновский в своих текстах не стремился к точному воспроизведению народной речи, какого-то говора конкретной деревни или области, но сознательно ориентировался на языковой эталон Лысогорского.

Язык стихотворений Яна Стунавского

Ян Стунавский, по данным энциклопедии, родился в 1901 г. в Остраве (год смерти не указан); по профессии он был шахтером (KESaSM, N-Ž: 305).

В 1940 г. Стунавский издал стихотворный сборник *Spěv haviřa* («Песня шахтера») с подзаголовком *Slezské verše* («Силезские стихи»). Так как Стунавский, подобно Шиновскому и Мареку, был выходцем из ареала говоров чешско-польской смешанной полосы (родился в Стонавке, в честь которой выбрал свой псевдоним; в настоящее время — часть населенного пункта Коморни Лготка у самого подножия Бескид), в его ляшских текстах присутствуют языковые элементы, отклоняющиеся от нормы языка Лысогорского и от состояния в верхнеостравицких говорах. Вторая книга его стихов *Melodyje z hur* («Мелодии с гор»), вновь с подзаголовком «Силезские стихи», была опубликована в 1945 г. Два года спустя он вместе с Шиновским издает книги *U nás na Trojici* («У нас на Троицу») и *Těšínské úsměvy* («Тешинские улыбки»).

В правописании Стунавский также не во всем придерживался нормы Лысогорского, в большей мере следуя фонетическому принципу: вместо *é* у него везде *i*, *y* — *něvidžil, kvitko, chlib dynni, pozdravyni, pynize, do vyrchu, tyrpi, tyvrdość, v zymi, kamyni*; вместо *ó* везде *u* — *chud života idže v kołu, masyv hur, una, něznumy*. Для обозначения мягкого *n* он использует графему *ě*: *někupiš, něrošće, něni*; мягкие или йотированные губные пишет с *j*: *něpřemluvjo, uvjadle*. В соответствии с нормой Лысогорского он пишет у после *ř*: *zkřyvi, třy*.

Примеры интерференции с его родным говором на уровне фонетики:

1. польские перегласовки $\check{e} > a$ и $e > o$ (перед носовым сонорным $> u$): *pocaľovalo, pocaľuje; naćunka* (ср. *naťonka* «ботва картофеля» на юго-востоке Моравской Силезии¹), но *sestře*;
2. польский результат метатезы плавных: *v bloće, zdrowi, vrubel* (так и у Лысогорского: *wróbli*), *krova*;
3. сохранение взрывного g и другое развитие слогообразующих сонорных: *němurgnulch ani okym, zagarbila še jak psisko*.

Интерференция на морфологическом уровне:

а) в склонении имен

- в предл. падеже ед. числа существительных ср. рода чаще, чем у Лысогорского, выступает окончание *-e*: *v nebě*, у Лысогорского — *na nebu* (9 раз);
- форма им. падежа мн. числа одушевленных существительных муж. рода с мягкой основой имеет окончание *-e*: *vladaře, zbrojnoše*, у существительных твердого типа проникает форма вин. падежа: *duchy vědžo*;
- в дат. падеже мн. числа существительных жен. рода иногда появляется окончание *-am*: *beskidskym horam, šachtam a verkum*;
- у притяжательных местоимений в им. падеже ед. числа жен. рода так же, как и у прилагательных, является нормой окончание *-o*: *mojo pěšnička, dzedžino moja, vira tvojo, loska moja, roba tvojo, barva našo, našo je buducnosť, zym našo, moja tama* × *tamo moja* (ради рифмы со словоформой *pokoja*), иногда *-o* появляется и у притяжательных местоимений ср. рода: *včil je tvojo to kralovstvi černe*;
- у Лысогорского отсутствуют сокращенные формы местоимений после предлогов, как, например, *duň*;
- числительное *jedyn* имеет форму жен. рода *jedno*: *jedno pravda*; числительное *dva* выступает в этой форме не только в мужском, но и в среднем роде: *dva, tři křyve slova*;

¹ <http://cja.ujc.cas.cz/CJA3/files/03-0278.pdf>

б) в спряжении глаголов

- в настоящем времени глагола ‘быть’, как правило, отсутствуют показатели лица: *Undrašovo jo je cera, že my su mudrocy* (× *přylepyni k světu su smy jako ku magnetu, my k sluncu smy su vyněsuni*); при отрицании появляется форма *nima* наряду с *něni*: *nima požehnany, nic na svěće nima stale, něnich gorol hluchy, už ech něni bily*. Отличается и форма повелительного наклонения: *miškym strachu něbyć* (где *u* на месте *i*, а на месте конечного *dž* — чисто графически *ć*);
- у Стунавского встречаются такие чуждые Лысогорскому формы глаголов, как *vezňe, něpto*, причастие *opušćini* (у Лысогорского *wezme, pyse/pyto, opuscéne*).

В лексике также обнаруживаются некоторые отклонения от языка Лысогорского: *počivum pěšničky* (у Лысогорского *posluchóm*), *posalovalo* (× *łosku zhubano*), *zytra* (вероятно, из литературного чешского языка, у Лысогорского *zejtra*), *łoska* (у Лысогорского *lubość*), *džića* — у Лысогорского *džecko*, у Шиновского *džičo*.

Пример стихотворения (Stunavsky 1945: 25–26):

Vylny Ostravice

*Vylny, vylny Ostravice,
jak v kamyňach hłos vaš hyrči,
bilo mhla nad vami lice,
jako šlojř vašej smyrći.*

*V trapu še vy předhuňoče,
jak ovečky na pastvině,
Jedno druhu pochovoče
tu co tyně ku hlybině.*

*A za ňu še druhu zrodži,
dryčno skoči, dalej plyně,
tak aj ludsky život chodži,
jedno rosně, druhe hyně.*

*Vylny, vylny, vody voje,
vy idžeće ež ku mořu.
Zkožće pozdravyni moje
kraju tam přy Raćibořu.*

*Tamej moja starka žili,
Odra pamatuje sobě,
V šlunskym stroju svotky cćili,
křyž už je na jejich hrobě.*

*Vylny, vy v dživokym prudže
odejdzynie Łysej hoře.
Yn zpuminka po vas zbudže,
kej vas pojme velke moře.*

Язык стихотворений Богумила Марека

Богумил Марек родился в 1903 г. в селе Долни Блудовице; работал вначале на почте, после войны занимал ряд высоких политических должностей. Интересовался лужицкими сербами и переводил лужицкую поэзию. Умер в 1982 г. в городе Фридек-Мистек (KESaSM, A — M: 540–541; Šuleř 2005: 129).

В 1936 г. Марек публикует свой первый сборник стихов *Šlunzok špivo* («Силезец поет»), написанных, по всей вероятности, на его родном говоре. Известно, что язык сборника критиковал Лысогорский, требовавший от остальных членов кружка неукоснительно придерживаться введенной им нормы ляшского. В 1941 г. выходит вторая книга Марека *Goralská země* («Горальская земля»), в языковом отношении ориентирующаяся на норму, введенную Лысогорским. Впрочем, во вступительном слове на обложке этой книги, затрагивающем и вопрос о языке автора, подчеркивается, что Марек пишет не на новом литературном языке, а на диалекте, и исключительно в художественных целях:

„Druhý oddíl jeho svazku je sice psán nářečím, ale tato jeho mluva nechce být a také není novou spisovnou řečí. Tam jsou verše,

keré nejjasněji hovoří o srdci slezského goralského kraje, jež zvučí nejintenzivnější melodií slezských hor, venkovských polonin, písní šlonzáckých děvuch, novou vidinou napolo zapomenuté goralštiny. Snad je to země bez jména, kde autor nenalézá svého rodu, ale kde přece jen cítí svou sounáležitost s celým tím územím, skrytým na úbočí hor v povodí říčky Morávky.“

В соответствии с этим в «Культурно-исторической энциклопедии Силезии и Северо-Восточной Моравии» утверждается, что Марек писал на диалекте и ляшский язык Лысогорского не принимал. На основании анализа стихотворений из этой книги мы можем уточнить: язык Лысогорского был образцом для Марека, по сравнению с остальными членами «Ляшской перспективы», самое непродолжительное время: он представлен только в книге *Goralská země*, где на нем написана лишь часть стихотворений.

После войны Марек издает книги стихов *Rodné Laško* («Родной ляшский край», 1945) и *Slunce nad zásekou* («Солнце над засекой», 1948), написанные на чешском языке, впрочем, намеренно насыщенном силезскими диалектизмами (такими как *řundit, ladná, žičit*), в чем Марек продолжал традицию Петра Безруча. Позднее Марек опубликовал еще сборник *Soudružka Ostrava* («Товарищ Острава», 1954), получивший даже в то время отрицательную оценку критики за схематизм, и стихотворение *Bezručovou cestou* («Дорогой Безруча», 1959).

У Марека сильнее, чем у остальных членов кружка, проявляется интерференция с польскими силезскими говорами на всех языковых уровнях.

Орфография Марека также в значительной степени фонетична. Она отражает и такие явления, характерные для польских силезских говоров, как, например, *y* (< *é* и *e* перед *m, n*) после мягких согласных: *havjuře, dzyň, sumjyni*.

Более частотны у Марека, нежели у других членов кружка, польские рефлексy носовых, метатезы плавных, сохранение *g*: *přyndžít, v dunžiňu, zdrove, złoto, žgně z ruže tyrn*.

В морфологии обращают внимание окончания притяжательных местоимений ср. рода: *tvoji žulte kvitko*.

В ляхских текстах Марека встречается большое количество лексем, чуждых языку Лысогорского. В конце книги *Goralská země* даже помещен словарь с переводом малопонятных чехам слов и словоформ на литературный чешский язык.

Пример ляхского стихотворения, ориентированного на норму Лысогорского (Marek 1941: 39):

Tobě

*Tobě, Šlunzočko, pěsničku spivum,
švarno dževucho jak vesno.
Chodžim za tebu, po oku shlidum,
v nocy mi bolno a česno.*

*Tebe obtulum na vlasy, lica,
dlaňu tu tvrdu će hłoskum.
V piatach mi šušći, čuj, Ostravica:
„Šednij na chvílku, će počkum.“*

*Społym pujdymy od Łysej hory,
ślunske obezdřyc předźniva.
Řundžo num hłošno světla obzory,
biju v robotňach kładźiva.*

*Šumio už v polach schyline klasy.
Vidžiš tam chłopa išć s kosu?
Słyšeć v dalavach vesele hlasy —
idu k pyrvšimu pokosu.*

*Šichtu zaš novu faraju mladzi,
třeja podepřyc spěch času.
Dni se mihoco jak rybky v kadži.
Lude, stovojće z marasu!*

Сборник *Goralská země*, кроме чешских и ляхских стихов, содержит также одно стихотворение, целиком написанное на говоре чешско-польской смешанной полосы (Marek 1941: 48).

Taněc

*Stovejće havjyře, stovejće robečki,
pujdymy do poli, na lunki, na gory,
špivejće pěšnički, rychtujće lavečki,
tañcujće odžymek, kovola, do pory.*

*Stovejće gazdově, stovejće gaždžinki,
pujdymy na špacyr do lasa na torki,
zežnymy, skludžimy, zrobimy dožinki,
zařympjum kjelišky, talyře i gorki.*

*Stovejće džouchy, stovejće pacholcy,
pujdymy s džichtami do gojin na kolči.
Še pašće ćelički, napašće še volcy.
Jadvigi, Jankově, něch bida ně korči!*

*Na vodže, na sluńcu, za vjatrým, v nědžeze,
po prundu, ve švitu, do ćicha, do bjola,
žičimy, głoskumy, šidžimy gardžeze,
pěčymy žimjoki v prygaršli popjola.*

Анализ языка этого стихотворения позволяет обнаружить в нем все основные черты тешинских говоров:

- перегласовки $\check{e} > a$ ($> o$) и $e > o$: *za vjatrým, do lasa, do bjola, popjola,*
- «разложенные» носовые гласные: *zařympjum, lunki, po prundu,*
- взрывной *g*: *na gory, v prygaršli, głoskumy, gorki, gojin, gardžeze,*
- мягкие губные и заднеязычные перед *e*: *pěčymy, gazdově, Jankově, kjeliški,*
- отсутствие депалатализации *n'* перед смычными: *tañcujće, sluńcu,*
- формы императива на *-ej*: *stovejće, špivejće,*
- отвердение основы в 1 лице мн. числа глаголов: *pujdymy, zežnymy.*

Из того, что нам известно о Мареке, следует, что это стихотворение написано на его родном говоре. Очевидно, что, используя ляхский язык Лысогорского, Марек был вынужден весьма значительно отойти от собственного диалекта.

Заключение

Язык троих рассмотренных нами литераторов демонстрирует во многом аналогичные черты. Авторы объединяют и сходный путь к использованию ляхского языка в художественном творчестве незадолго до и в течение Второй мировой войны, и отход от него в послевоенное время. Все трое родились в ареале говоров чешско-польской смешанной полосы, т. е. были носителями генетически польских силезских говоров, но ориентировались на ляхский литературный язык Ундры Лысогорского, базирующийся на генетически чешском верхнеостравицком говоре, фонетическая и морфологическая системы которого стали базой для языка этих троих авторов. Однако они не приняли в полной мере орфографические правила, введенные Лысогорским, применяя правописание, приближенное к фонетическому принципу (без графем *é, ó*, а также *w*), и вносили в язык, используемый Лысогорским, по большей части несистематические элементы своего родного говора, в результате чего в их текстах возник особый вариант ляхского литературного языка-идиолекта.

В предисловиях к некоторым изданиям говорится о том, что их авторы не стремятся создать новый литературный язык, а пишут на диалекте, выполняющем чисто художественную функцию. Если бы это действительно было так, было бы трудно объяснить, почему они не писали на своем родном говоре, а приняли в качестве основы соседний (верхнеостравицкий) диалект. Подобные декларации, вероятно, следует рассматривать как результат более позднего пересмотра ими своих позиций или, возможно, как уступку, вызванную политическим давлением. От первоначальной идеи литературного ляхского языка все они, кроме самого Лысогорского, в конце концов отказались. Йозеф Билан-Шиновский и Богумил Марек продолжали свое литературное творчество уже на чешском языке, хотя и сознательно насыщенном диалектизмами.

Для иллюстрации идейных расхождений внутри группы обратим внимание на различия в лексике, при помощи которой авторы идентифицируют себя и воспеваемую ими землю: ключевые для Лысогорского понятия *Lach*, *Lašsko*, *lašsky* (лях, Ляшская земля, ляшский)¹ стоят у них на втором месте после *Šlunzok*, *Šlunsko*, *šlunsky* (силезец, Силезия, силезский). Ян Стунавский и Богумил Марек используют также лексемы *gorol*, *gorolsky* (гораль, горальский), причем для Марека это обозначение — главное.

Однако, несмотря на частичные идейные и языковые расхождения между членами «Ляшской перспективы», их творчество можно считать попыткой создания самостоятельного (регионального) литературного языка, на котором четыре автора писали тексты разного художественного уровня. Творчество троих проанализированных нами авторов еще ждет компетентного суждения современных литературоведов; тем не менее кажется несомненным, что ни один из членов кружка, кроме Лысогорского, не вышел за рамки региональной литературы. Впрочем, литературные достоинства их ляшских произведений не должны быть критерием их языковой оценки. С точки зрения лингвиста можно сказать, что ляшские тексты всех четырех авторов написаны на одном языке, созданном Ундрой Лысогорским, который его последователи приняли с определенными отступлениями, особенно в орфографии, внося в него, более или менее сознательно, фонетические, морфологические и лексические элементы собственных говоров.

Литература

Источники

Łysohorsky Ó. Lašsko poezyja, 1931–1997. Herausgegeben von Jiří Marvan und Pavel Gan. Köln — Wien, 1988.

Marek B. Goralská země. Moravská Ostrava, 1941.

Marek B. Slunce na zásekou. Opava, 1948.

Stunavsky J. Spěv haviřa. Slezské verše. Ostrava, 1940.

Stunavsky J. Melodyje z hur. Slezské verše. Ostrava, 1945.

¹ В корпусе ляшских текстов Лысогорского лексемы *lašsky*, *Lašsko*, *Lach* встречаются 284 раза, а *ślónsky*, *Ślónsko*, *Ślónzok* — лишь 61 раз.

- Štunavský J., Šinovsky J.* Těšínské úsměvy. Ostrava, 1947.
Šinovsky J. Černe oranisko. Slezské povídky v nářečí lašském. Ostrava, 1940.
Šinovsky J. Haľdy na roli. Lašský román z havířské země. Ostrava, 1945.
Šinovsky J. Země vypravuje. Dvě hrsti slezské prózy. Moravská Ostrava, 1941.

И с с л е д о в а н и я

- KESaSM — Kulturněhistorická encyklopedie Slezska a severovýchodní Moravy. A–M, N–Ž. Ostrava, 2005.
Skulina 1979 — *Skulina J.* Ostravská mluva. Ostrava, 1979.
Šuleř 2005 — *Šuleř O.* Laskavé podobizny. Zapomínání a zapomenutí literátů ze Slezska a severní Moravy. Ostrava, 2005.
Vašíček 2011 — *Vašíček M.* Laština Ondry Lysohorského jako mikrojazyk: morfologická analýza (Magisterská diplomová práce- Filozofická fakulta Univerzity Karlovy v Praze. Praha, 2011. — 182 s. Vedoucí práce Prof. PhDr. Jiří Marvan, Ph.D.).

М. Фейса (Нови Сад)

РУСИНСКИЙ КАК ЯЗЫК НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА В СЕРБИИ¹

Русины (самоназвание — Руснаци) в Бачке и Среме представляют собой часть карпаторусинского народа, автохтонного славянского населения центральноевропейско-карпатского региона, разделенного границами Украины, Польши, Словакии, Венгрии, Румынии, Чешской Республики и Молдавии. Этноним связывает их с востоком, поскольку наименование Русь относилось к территории крупного средневекового государства с центром в Киеве. Иные названия, которыми карпатские русины сами именовали себя или которыми их именовали другие — например, карпаторусины, карпаторусы, угрорусы, рутены, руснаки, рушняки и т. д., — также сплошь указывают на их традиционную коренную связь с восточнославянской народностью Руси.

Веками русины жили в границах Венгерского королевства, в северо-восточных венгерских комитатах Абауй-Торна, Боршод, Гемер, Земплин, Марамарош, Сабольч, Угоча, Унг и Шариш. В наши дни их территория расположена большей частью в Восточной Словакии, отчасти в Венгрии, Украине и Румынии. Около 260 лет назад группы русин начали переселяться со своей родины в Карпатских горах на юг, в Срем и Бачку, ныне находящиеся в Воеводине (Сербия) и Восточной Славонии (Хорватия).

После поражения Османской империи и ее вытеснения из Бачки, Срема и Баната в 1699 г. австро-венгерские власти были за-

¹ На южнорусинском языке работа опубликована в Ежегоднике философского факультета Новосадского университета за 2012 г. (Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. Књ. XXXVII/2012. С. 231–251). В оригинале автор терминологически различает понятия *руски јазик* и *русински јазик*: первым лингвонимом обозначается идиом, распространенный в Сербии и Хорватии, а второй употребляется в более широком смысле. В переводе там, где это различие значимо, название «руски язык» передается термином «южнорусинский язык», а автorskое сокращение *рус.* — как *ю.-р.* — *Прим. перев.*

интересованы в увеличении численности населения на юге своей страны и побуждали к колонизации немцев, венгров, словаков и другие народы, в том числе и русин (Gavrilović 1977: 153). Поэтому и предкам воеводинских русин, имевшим в Габсбургской монархии статус свободных людей (Ruthenus Libertinus) и исповедовавшим греко-католическую (униатскую) веру, общим числом около 2000 чел., в середине XVIII в. было разрешено на основании договора с властями поселиться в *dessolata possessio Keresztur* и близлежащем городе Коцур в центральной части Бачки (Хорњак 2006: 25).

Переселение на новое место началось приблизительно между 1743 и 1746 г. Год 1745 считается годом санкционированного властями поселения русин в Бачке: 17 января 1745 г. Франц Йозеф де Редл, советник императрицы Марии Терезии и администратор Бачского округа в Сомборе, подписал первый официальный документ — договор о водворении 200 русинских греко-католических семей в «опустевшее владение» Вельки Керестур. Договор о поселении русин в Коцуре был подписан в 1763 г. (Лабош 1979: 77). Очевидно, русины были поселены в этих краях на тех же или подобных условиях, что и другие народы (кроме немцев, для которых условия поселения были наиболее выгодными). Важно подчеркнуть, что русины были греко-католиками, и это являлось одной из причин, почему им было дозволено поселиться в южных частях Габсбургской монархии. Если бы они были православными, переселиться из северных комитатов им бы не разрешили.

На новом месте переселенцы строили дома, хозяйственные объекты, церкви, школы и другие общественные учреждения.

Руско-керестурский приход был создан в 1751, а начальная школа в Керестуре открылась в 1753 г. Первая греко-католическая церковь в Коцуре построена в 1765 г. В 1777 г. руско-керестурский и коцурский приходы были подчинены Крижевецкой епархии для греко-католиков. До того они относились к Калочскому католическому архиепископству. Русины стали униатами (с 1772 г. — греко-католики) после Брестской (1596) и Ужгородской (1646) унии.

Так как численность русинского населения со временем возрас- тала, с конца XIX в. увеличивалось количество переселявшихся

в поисках работы и лучшей жизни из Руского Керестура и Коцура в Кулу, Врбас, Нови Сад и Джурджево в Бачке, в Шид и Сремскую Митровицу в Среме (ныне в Сербии), в Славонию и населенные пункты, расположенные вокруг Вуковара и в бассейне реки Савы (ныне в Хорватии), а также в США и Канаду.

Со времени переселения в эти края вплоть до Первой мировой войны русины были преимущественно крестьянами. Их ремесленники объединялись в цеха, а священников и учителей было очень мало. Постепенно русины значительно продвинулись в своей экономической, национальной и культурной жизни. Им удалось сохранить свою идентичность; они развивали свой язык и подняли его на такой уровень, что он мог использоваться в печатных изданиях. Первая книга на южнорусинском языке — идилический веноч *З мойого валалу* «Из моего села» Гавриила Костельника — была опубликована в 1904 г.

В конце Первой мировой войны Австро-Венгерская монархия распалась. Отдельные ветви русинского народа, которые до 1918 г. существовали и развивались в рамках одного государства, Габсбургской монархии, оказались разделены. Русинам в Бачке пришлось искать собственный путь.

В Сербии (или в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, позднее — в королевской Югославии) русинам разрешено было создавать национальные культурные учреждения на основе коллективных прав национальных меньшинств, что было невозможно в прежней стране. В 1919 г., первые и в течение многих лет единственные среди своих соплеменников из Карпатского ареала, они получили статус славянского национального меньшинства. Это было в высшей степени значительное событие, которое открывало путь их национальному и культурному развитию. При таких обстоятельствах русины создавали, что, учреждая свое Русинское национальное просветительское общество под названием «Просвита», они совершают первый шаг, демонстрирующий их волю к самостоятельной национальной и культурной жизни. На учредительном собрании, состоявшемся 2 июля 1919 г. в Новом Саде, русинская община приняла решение возвысить свой национальный язык (не русский или украинский) до уровня литературного.

В последние годы Республика Сербия приняла ряд мер, которые, несомненно, свидетельствуют о стремлении укрепить статус русинского меньшинства. В 2002 г. Секретариатом по делам образования, нормативных актов, управления и национальных меньшинств Автономного края Воеводина были учреждены Национальные советы каждого меньшинства. Будучи высшими органами самоуправления меньшинств в Республике Сербия, Национальные советы сформированы на основании Закона 2002 г. о защите прав и свобод национальных меньшинств тогдашней Союзной Республики Югославия, ратифицированного Скупщиной, при организационной и иной поддержке Министерства по правам человека и меньшинств (Руснаци 2009: 17). Основные сферы деятельности Национального совета русинского национального меньшинства — культура, образование, СМИ и в широком смысле все, что имеет значение для русинского меньшинства. НСРНМ является единственным законным представителем русинского меньшинства. Все русинские учреждения и организации конкурируют между собой, предлагая свои проекты различным краевым секретариатам (по делам национальных меньшинств, образования, науки и развития технологий, культуры, конфессиональных общин, экономики и др.), а НСРНМ поддерживает или отклоняет их финансирование краевыми властями. НСРНМ также периодически получает от министерств Республики Сербия в Белграде и воеводинских краевых секретариатов бюджетные средства на финансирование, в разумной мере, всей своей культурной деятельности.

В 2006 г. с принятием новой Конституции право на выборы национальных советов было конституционно закреплено. Конституция Республики Сербия 2006 г. в статье 75 гарантирует коллективные права меньшинств; на этой основе представители национальных меньшинств, напрямую или через уполномоченных лиц, участвуют в принятии решений или сами принимают решения по отдельным вопросам, касающимся их культуры, образования, массовой информации и официального использования их языков и письменности в соответствии с Законом. Конституция учитывает все релевантные международные документы, относящиеся к меньшинствам.

Представители русинского меньшинства вправе получать образование на родном языке и посещать занятия по истории и культуре

своего меньшинства; в то же время обязательным является параллельное обучение на сербском языке.

Представители русинского меньшинства имеют возможность официально использовать свой язык в муниципалитете или в населенном пункте, где они составляют 15% жителей. Конституция гарантирует также официальное использование русинского языка в судопроизводстве и в предвыборных материалах. Русинскому меньшинству предоставлено право писать на своем языке названия улиц и других географических объектов. В тех областях, где русинское меньшинство составляет 15% населения, на южнорусинском языке публикуются также законные акты.

Из положений Конституции особого внимания заслуживает положение, обеспечивающее представителям национальных меньшинств возможность свободно устанавливать и поддерживать отношения с теми правовыми субъектами в иностранных государствах, с которыми они связаны коллективной, культурной, языковой или конфессиональной общностью.

Государство обязуется финансировать основные культурные мероприятия, которые организуют представители национального меньшинства. Для финансирования культурных проектов организаторам предлагается также привлекать финансовые средства от частных и государственных организаций и учреждений, находящихся за рубежом.

В наши дни широкую культурную деятельность русинской национальной общины ведет около двадцати неполитических культурно-просветительных и творческих организаций и учреждений. В остальном проводится около двадцати пяти традиционных культурных фестивалей и других мероприятий.

Подводя итоги периода до начала 90-х гг. прошлого века, М. Жирош называет 14 факторов, которые, по его мнению, обусловили нынешнее положение вещей: существование небольшого, национально сознательного русинского народа, утверждение его национального языка и закрепление русинского в качестве 14-го славянского языка, зрелость русинской литературы, журналистики, фольклора и театра. Это следующие факторы (Жирош 1998: 463):
1. существование двух русинских центров — Керестура и Коцура;

2. отчетливое осознание принадлежности русин к Закарпатской области; 3. сильное стремление «держаться вместе» среди чужих; 4. греко-католическая церковь и чувство национальной идентичности; 5. русинская школа; 6. постоянные контакты с «Горницей» (карпатской родиной — бывшими Верхними землями Австро-Венгрии); 7. обеспечение книгами и печатной продукцией из «Горницы»; 8. возникновение русинской интеллигенции; 9. поддержание традиций и национальных обычаев, например церковных (Пасха, рождественский Крачун, престольный праздник Кирбай), русинской свадьбы и общественной жизни; 10. учреждение Русинского национального просветительского общества; 11. второе возрождение, послевоенное развитие с 1945 по 1990 г.; 12. роль Общества русинского языка и литературы; 13. Фестиваль культуры «Червена ружа»; 14. смотр театрального творчества «Драматический мемориал Петра Ризнича Дяди» и Русинский любительский театр «Дядя».

С учетом изменений, наступивших в жизни русинской национальной общины в конце первого десятилетия XXI в., перечень Жироша мог бы быть дополнен по меньшей мере еще десятью факторами, которые, несомненно, способствуют существованию небольшого, национально сознательного русинского народа. Мы выделяем следующие факторы: 1. Национальный совет русинского национального меньшинства; 2. Институт культуры воеводинских русин; 3. Русинский народный театр «Петро Ризнич Дядя»; 4. Апостольский экзархат по делам греко-католиков Сербии и Черногории; 5. «вертикаль образования» на южнорусинском языке; 6. разнообразная издательская деятельность; 7. электронные СМИ; 8. новые культурные организации и мероприятия; 9. революционные изменения в Карпатском ареале; 10. благоприятная международная обстановка. Каждый из приведенных факторов подробно охарактеризован в монографии (Фейса 2010); здесь остановимся лишь на пятом факторе — «образовательной вертикали».

Детский сад с продленным днем и группы по подготовке детей к школе существуют в Руском Керестуре. Группы по подготовке к школе на русинском языке и продленный день для детей дошкольного возраста имеются также в Коцуре и Джурджеве. В тех детских учреждениях, где нет возможности организовать регулярные груп-

пы с русинским языком, он изучается в рамках отдельного предмета под названием «Преподавание русинского языка с элементами национальной культуры». Такие группы созданы в Куле, Новом Саде и Врбасе; кроме того, планируется ввести этот предмет в дошкольных учреждениях в Бачинцах, Беркасове, Бикич-Доле и Шиде (Руснаци 2009: 25–26).

Закон предоставляет русинским детям, посещающим неполные средние школы в этих муниципалитетах и населенных пунктах Воеводины, где русины составляют не менее 15% населения, возможность обучения на родном языке в объеме трех часов в неделю. При этом сербский язык (три часа в неделю) и два иностранных языка (один с первого, второй с пятого класса — два часа в неделю) обязательны.

При регулярном преподавании (все предметы) на русинском языке с 1 по 8 класс, какое существует в Руском Керестуре, Коцуре и Джурджеве, в других русинских центрах, где из-за небольшого числа школьников регулярное обучение на русинском языке невозможно, организуется преподавание русинского языка с элементами национальной культуры. Этот факультативный предмет объемом два часа в неделю представлен в Бачка-Тополе, Господинцах, Коцуре, Куле, Новом Саде, Новом Орахове, Петроварадине, Савином Селе, Сремской Каменице, Сремской Митровице, Суботице, Ветернике, Врбасе и Шиде с отделениями в Бачинцах, Беркасове и Бикич-Доле. Суммарно количество охваченных им мест достигает 16, и эти занятия посещает более 330 школьников (Руснаци 2009: 27). Общая тенденция такова, что число учащихся в школах с регулярным преподаванием уменьшается, а число учащихся в школах с факультативным обучением — возрастает.

Неполное среднее образование на русинском языке является бесплатным. Необходимое минимальное число учащихся для создания класса — 15, однако с разрешения Министерства просвещения можно создать класс и для меньшего числа школьников.

В настоящее время в Воеводине нет ни одной частной школы того или иного уровня с преподаванием на русинском языке.

Гимназия «Петро Кузмяк» в Руском Керестуре с 1970 г. обеспечивает полное среднее образование на южнорусинском языке. Это

единственная в мире русинская полная средняя школа. Для учащихся предусмотрено общежитие, поэтому поступить сюда могут дети не только из Сербии, но и из других стран, где живут русины. Важно подчеркнуть, что и русины из Карпатского ареала воспринимают эту гимназию как свою, особенно дети русин из Украины, у которых нет практически ни одного элемента той «образовательной вертикали», какая имеется в Сербии.

В случае как неполного, так и полного среднего образования соответствующие органы могут разрешить открыть класс с преподаванием на русинском языке (и на языках других национальных меньшинств), даже если в нем будет менее 15 учащихся — коренных говорящих. Факт тот, что общее число учащихся в классах с русинским языком обучения заметно уменьшается.

Отделение русинистики на философском факультете в Новосадского университета, начало которому положил основанный в 1972 г. лекторат русинского языка (с 1981 г. — кафедра русинского языка и литературы), представляет собой высшее звено в системе русинского образования. Его новый учебный план базируется на Болонской декларации. Поскольку русинское население в Воеводине/Сербии немногочисленно, Отделение русинистики находится на особом положении ввиду довольно небольшого числа студентов. Всего на Отделении обучается около 25 студентов; в каждом очередном учебном году поступает в среднем по пять человек.

До сих пор Отделение русинистики выпустило 35 студентов. От них ожидается, что они станут лидерами русинской культурной жизни и образования в Сербии в первой половине XXI в. Большинство из них ориентировано на лингвистические исследования.

Курс русинского языка можно посещать и на Отделении СМИ, где на бюджетные места вправе претендовать каждый год двое. Студенты некоторых других отделений философского факультета могут изучать русинский язык факультативно.

На сей день были опубликованы три южнорусинские грамматики: «Грамматика бачванско-рускей бешеди» Г. Костельника 1923 г. (см. Костельник 1975), «Грамматика руского языка: Фонетика — Морфология — Лексика I» М. М. Кочиша (Кочиш 1977) и «Грамматика руского языка» Ю. Рамача (Рамач 2002). В первых двух,

появившихся в XX в., в большей степени ввиду общественно-политических условий, в которых жили их авторы, нежели с учетом лингвистических фактов, южнорусинский язык рассматривался как диалект украинского. В последней южнорусинский язык помещен между западно- и восточнославянскими языками.

Автор этих строк, экстраординарный профессор русинского языка Отделения русинистики и представитель воеводинских русин в Межрегиональной комиссии по кодификации русинского языка, выступая на многочисленных научных форумах по всему миру, представлял южнорусинский язык в разных аспектах. Помимо докладов мною был также написан ряд статей, касающихся статуса южнорусинского языка: в частности (Фейса 2007), (Фейса 2008), (Фейса 2009). Ввиду этого изложу здесь лишь главные результаты моих исследований. Обращая внимание на общие фонетические и морфологические признаки, по которым различаются восточно-, западно- и южнославянские языки, я сравниваю их с характеристиками южнорусинского языка.

Р. Бошкович в «Основах сравнительной грамматики славянских языков» в качестве основных характеристик названных подгрупп славянских языков выделяет следующие (Бошкович 1990: 15–17):

А) признаки только восточнославянской подгруппы:

1. изменение праславянских редуцированных *ъ, ь* перед сонантами *r, l* в *o, e* (русск., укр. *горло, зерно* — ю.-р. *гарло, зарно*);
2. специфическое развитие праславянских групп *TORT, TERT, TOLT, TELT* в *TOROT, TERET, TOLOT* с так наз. восточнославянским полногласием (русск., укр. *ворона, молоко* — ю.-р. *врана, млеко*);
3. изменение праславянских групп *tj, dj* в *č, ž* (русск. *свеча, межа*; укр. *свіча, межа* — ю.-р. *швичка, меджа*);
4. специфическое изменение *je* в начале слова в *o* (русск., укр. *один*; укр. *Олена*; серб. *jedan, Jelena* — ю.-р. *еден, Гелена/Єлена*);

Б) признаки западнославянской подгруппы:

1. изменение праславянских групп *tj, dj* в *s, dz* (или *z*) (польск. *świeca, miedza*; чешск. *svíce, meze/mez* — ю.-р. *швичка, меджа*);

2. *š* (а не *s*) как результат второй и третьей палатализации *x* (чешск. *muše*, *Šeši*, *všesek* — ю.-р. *мухи*, *Чехи*, *шицко*);
3. отсутствие так наз. эпентетического *l* после губных согласных (польск. *ziemia*, словацк. *zem*; русск. и укр. *земля* — ю.-р. *жем*; русск. и укр. *люблю* — ю.-р. *любим*);
4. сохранение праславянских групп *tl*, *dl* (словацк. *kridlo*, *vidly* — серб. *крило*, *виле*; русск. *крыло*, *вилы*; укр. *крило*, *вила/вилки* — ю.-р. *кридло*, *видли*);
5. отсутствие палатализации в праславянских группах *kvě-*, *gvě-* (польск. *kwiat*, *gwiazda*; словацк. *kvet*, *hviezda* — серб. *цвет*, *звезда*; русск. *цветок*, *звезда*; укр. *цвіт/квіт* — ю.-р. *квет/квиток*, *гвизда*).

В) *признаки южнославянской подгруппы:*

1. прасл. *t^e*, *n^e* > *te*, *ne*; т. е. праславянские палатализованные согласные не переходят в палатальные (серб. *породити*, *косити*, *топао* — укр. *породити*, *косити*, *теплий* — ю.-р. *породзиц*, *кошиц*, *цепли*);
2. праславянские начальные группы *ǪRT*, *ǪLT* > *RAT*, *LAT* (серб. *раван*, *расти*, *лакат* — ю.-р. *ровни*, *роснуц*, *локец*);
3. праславянские группы *TORT*, *TERT*, *TOLT*, *TELT* > *TRAT*, *TRĚT*, *TLAT*, *TLĚT* (серб. *врана*, *бр(и)ег*, *мл(и)еко*; этот признак выступает и в чешском и словацком — ю.-р. *врана*, *брег*, *млеко*);
4. праславянский *ę* > *e* (серб. *пет*, *десет* — русск. *пять*, *десять*; укр. *п'ять*, *десять*; словацк. *pät'*, *desat'*, вост.-словацк. *pejs*, *dzešec* — ю.-р. *пейц*, *дзешец*);
5. праславянский *x* по второй и третьей палатализации дал *s* (а не *š*, как в западнославянских языках) (ст.-сл. *моуѣѣ*, *вьсь*; серб. *муви/муци*, *све* — чешск. *muše*, *vše*; польск. *musze*, *zawsze*; н.-луж. *тише*, *вшен* — ю.-р. *мухи*, *шицко*).

Следует иметь в виду, что границы распространения этих основных характеристик трех подгрупп славянских языков не могут быть проведены абсолютно четко. Если попытаться представить их графически, мы получим не три отдельных, но скорее, в математической терминологии, три пересекающихся множества. Или, как

некогда представлял отношения между индоевропейскими языками Й. Шмидт, иллюстрируя свою «теорию волн» (он говорил о четырех «волнах»: кельтской, германской, греко-италийской и балто-славянско-индо-иранской), три волны, подобные соединенным между собой кольцам, что означает, что каждая из них характеризуется некоторыми общими с другими и некоторыми специфическими признаками.

Пересечение множеств важнейших признаков южно- и восточнославянской подгруппы отражают следующие характеристики:

1. прасл. группы *kvě-, gvě- > cvě-, dzvě-* (> *zvě-*) (например, русск. и серб. *цвет, звезда* с различиями в ударении и произношении — ю.-р. *квет/квиток, гвизда*);
2. прасл. группы *tl, dl* упростились в *l* в южно- и восточнославянских языках, а в западнославянских и в русинском сохранились (русск. *сало, плела, молить*; серб. *сало, плела, молити* — словацк. *sadlo, plietla, modlit' (sa)*; руске *садло, плетла, модліц*);
3. наличие так наз. эпентетического *l'* после губных согласных (русск. *земля, люблю*; серб. *земља, љубљен* — ю.-р. *жем, любим, любени*).

Пересечение множеств важнейших признаков восточно- и западнославянской подгруппы отражают следующие характеристики:

1. давнее окончание форм твор. падежа ед. числа существительных с основой на *-o* мужского и среднего рода *-тъь* (> *-om, -em*), в отличие от *-омь* в южнославянских языках;
2. давнее окончание *-ě* в формах род. падежа ед. числа и им.-вин. падежа мн. числа существительных с основой на *ja*, а также вин. падежа мн. числа существительных мужского рода с основой на *-jo* (южнославянские языки в соответствующих формах некогда имели окончание *-e*);
3. давнее окончание форм им. падежа ед. числа причастий настоящего времени *-a* (южнославянские языки здесь имели *-у*: например, *tresy*).

Рассмотрим теперь, по каким из указанных признаков с какой подгруппой объединяется русинский язык. Примеры, взятые из

грамматики Ю. Рамача (Рамач 2002: 501–525), укажут на степень представленности или отсутствия в нем той или иной характеристики.

Основные признаки, характеризующие три подгруппы славянских языков, можно свести к одиннадцати.

1. Результаты изменения праславянских редуцированных ъ, ь перед сонантами *r, l* в южнорусинском языке следующие:

а) Сочетание ъ + *r* дало *ar*: *гарло, кармиц, гарсц, мархва, тарг-, таргац ше, карчма*. Этот рефлекс встречается и в западнославянских языках — в польском. Восточнославянский рефлекс *or* находим в словах *горбати, запорсток* и, возможно, *горди*.

Сочетание ъ + *l* после *d, t, s* дало *lu*, например: *слунко, слуп, тлусти* (коцурск. *клусти*), *тлучиц, длуги*. Восточнославянский рефлекс *ol* в южнорусинском языке не встречается.

б) Сочетание ь + *r* также дало *ar* в позиции перед твердыми согласными *d, t, z, s, l, n*: *тварди, чарніца, умарти, зарно, итварти, сарня, марзнуц*. Встречается, однако, и рефлекс *er* (*черніца, итверністи, мертви*), регулярно — перед мягкими согласными, например: *верх, верба, верциц, церциц, шерцо, змеркнуц ше, шерп, червоточ, перши, червени, черпац, церква*.

На месте сочетания ь + *l* находим и *лу* (*тлучиц, длужен*), и, как в восточнославянских языках, *ол* (*чолнок, полни, волна, жолти*), и *ов* (в керестурск. *жовти, вовк*).

Таким образом, праславянские ъ, ь в данной позиции изменялись в *a* и *y*, что является западнославянской чертой, но отмечается и восточнославянское изменение в *o, e*.

2. Праславянские группы TORT, TOLT, TERT, TELT дали в южнорусинском языке TRAT, TLAT, TRET, TLET. Восточнославянские языки характеризует полногласие, т. е. изменение в TOROT, TOLOT, TERET, TELET (ср. русск. *дорога, борода, золото, болото, берег, перед, молоко, полова*). Примеры:

TRAT — *брада, бразда, брана, драга, драги, ограда, грацок*, устар. *враг, прах, мраз, праг, крава, врана, врациц*, устар. *врабец*, устар. *врата, празни, праше, храниц, здрави, страна, замрациц, хроста, кратки, краль, грамушка*;

TROT (как в польском) — *сморд*; TOROT — *норов, дороги, город* (восточнославянские заимствования);

TLAT — *глад, злато, власи, глас, влакно, млаток, блато, слама, хладни, глад, глава, класка, устар. владни, влага, длань, клац, млади, плязом, платно, плашиц, сладки, слани, тлачиц, хлапец* и др.;

TLOT (как в польском) — *плокац, хлоп, млоди*; TOLOT — *соловей* (устар. *славик*);

TRET — *брег, вред, пред, вреценко, требиц, стрежиц, мрец*;

TOROT (как в восточнославянских языках) — *черенови, чересло, черево, череп, черешня* (так и в польском), *смерек*;

TLJET — *млеко, плсц, плсва*.

Развитие этих праславянских групп в южнорусинском намного ближе к развитию в западнославянских (и южнославянских) языках.

3. Изменения праславянских групп *dj, tj* — следующие. Группа *dj* дала рефлекс *дз* (*цудзи, ардза, предза, медзи*), как в западнославянских языках, и только в редких случаях находим *дж* (*меджа, разг. дублет меджи*). Группа *tj* дала рефлекс *ц*, являющийся западнославянским (*плюца, плсцо*), и *ч*, совпадающий с восточнославянским (*швичка, онучка, тысяч*). Эти признаки находятся действительно *медзи меджами* («между границами»), и в литературе их считают проливающими *шветло* («свет») то на восточно-, то на западнославянские корни южнорусинского языка. Присмотревшись внимательнее к результатам развития этих групп в лексемах *меджа* (словацк. *medza*, польск. *miedza*, чешск. *meze/mez*; укр. и русск. *межа*; серб. *међа*) и *швичка* (словацк. *svieca/sviečka*, польск. *świeca*, чешск. *svíce*; укр. *свіча*, русск. *свеча*; серб. *свећа*), мы заметим разнообразие их рефлексов в литературных славянских языках двух или даже трех подгрупп. При зондировании дальнейшей литературы мы найдем параллели южнорусинским словам в лексике Карпатского ареала, характеризующей по-разному в соответствии с лингвистической ориентацией авторов. Например, параллель слову *меджа* встречаем в атласе В. Латты в виде *medža/međa* — в украинских, как он их

называет, говорах Восточной Словакии (Латта 1991: K111), а параллель слову *швичка* — а словаре О. Р. Галаги среди той же лексики, в данном случае именуемой восточнословацкой (Halaga 2002: II, 1003).

4. Праславянский *e*- в начале слова в основном сохранился с развитием перед ним протетического *j*, например: *єден, слень, сшень*. Восточнославянский рефлекс находим в заимствованиях *озеро* (устар. *єзеро*) и *Олена* (наряду с *Гелена* и *Єлена*).
5. Вторая палатализация, т. е. переход *k, g, x* в *c, dz, s/š* перед *ě* и *i* дифтонгического происхождения, в южнорусинском языке отражена лишь частично, в виде чередования *к > ц*: *гудак — гудаци, дурак — дураци, буюк — буюци*. Любопытно, что согласный *x* не охвачен этим чередованием: *Влахи, Чехи, кожухи* (ср., например, серб. *Власи, кожуси*). Результаты третьей палатализации, т. е. изменения *k, g, x* после *ь, i, е*, аналогичны. Согласный *x* в южнославянских и восточнославянских языках переходил в *s*, а в западнославянских в *š*. Примеры *вше* и *шицко* указывают на большую степень близости южнорусинского западнославянским языкам (чешск., словацк. *vše*, но русск., укр. *весь*).
6. Отсутствие так наз. эпентетического *l'* на месте праславянских сочетаний губных согласных с *j* характеризует западнославянские языки и южнорусинский (*натопени, направени, опремени, жем, забавяц ше, явяц, любени, купя* и многие другие примеры).
7. Южнорусинский, как и западнославянские языки, сохраняет праславянские группы *tl, dl*. Яркие примеры сохранения группы *dl* — *видли, мидло, шидло, модліц (ше), кридло, садло, брадло, страшидло, шкерепадло, мотовидло, фуркадло, кладл-, ведл-*; находим ее и в заимствованиях из сербского (*мерадло, ліпкадло*) и латыни (*Русадля*). Упрощение *dl* представлено в заимствованиях из церковнославянского (*молитва, кадило*) и сербского (*правило*). Примеры сохранения группы *tl* встречаются реже: *гротло, плетл-*.
8. Отсутствие палатализации (второй, но опосредованной, так как *k, g* не подвергались воздействию *ě* непосредственно, а через *v*)

в праславянских группах *kvě-*, *gvě-* характеризует западнославянские языки и южнорусинский. В отличие от восточно- и южнославянских языков, согласные *k*, *g* здесь сохранились без изменения (русск. *цвет*, *звезда*; укр. *цвіт*, *звізда*; серб. *цвет*, *звезда* — польск. *kwiat*, *gwiazda*; словацк. *kvet*, *hviezda*; рус. *квет/квиток*, *гвизда*).

9. Праславянские *t^e*, *n^e* > *t`e*, *n`e*, т. е. праславянские палатализованные согласные, в южнорусинском языке регулярно переходят в палатальные (смягчаются). Палатализованные согласные (перед *ь*, *i*, *e*, *ě*, *ę*) изменились в палатальные также в польском и русском языках, частично и в белорусском (в XVI в. развилось белорусское «цеканье-дзеканье», ср. *дзень*, *дзеці*, *цень*, *ціхі* и инфинитивы глаголов на -ць: *жыць*, *пісаць*, *чытаць*). В других языках в период с XII по XV в. произошла диспалатализация, т. е. отверждение ранее палатализованных согласных. Что касается южнорусинского языка, в нем согласные *d*, *t*, *z*, *s*, *l*, *n* перешли в *дз*, *ц*, *ж*, *ш*, *ль*, *нь*. Множество примеров иллюстрирует это явление:

дз — *дзело*, *дзень*, *дзівка*, *дзецко*, *родзиц*, *садзиц*, *видзиц*, *гладзиц*, и др. (но восточносл. *дідо*, *діло*, *дія*; с твердым согласным *седем*);

ц — *коц*, *коциц*, *цепли*, *цесни*, *цесто*, *цело*, *печац*, *цихи*, *цма*, *цемни*, *цешиц*, *ценки*, *зацац*, *сцец*, *корциц*, *церпиц*; *чежки*, и др. (но восточносл. *потіха*, *тіло*; с твердым согласным *котел*);

ж — *жем*, *желени*, *жец*, *живкац*, *жима* и др.;

ш — *кошиц*, *мешац*, *мишиц*, *ешень*, *праше*, *шедло*, *шестра*, *шедзиц*, *шац*, *шено*, *шеменец*, *ширка*, *шитко*, *шиви* и др. (но *осем*, *сивер*, *сила* и *весели* наряду с *вешелє*, *вешеліц ше*);

ль — *гледац*, *хліста*, *гліна*, *хлеб*, *хлів*, *клітка*, *клінок*, *кліш*, *приклет*, *лежац/лежиц*, *клучац/клучиц*, *клен*, *лік*, *леніви*, *ліпа*, *лісце*, *лев*, *млін*, *палец*, *плєсц* и др. (но *елень*);

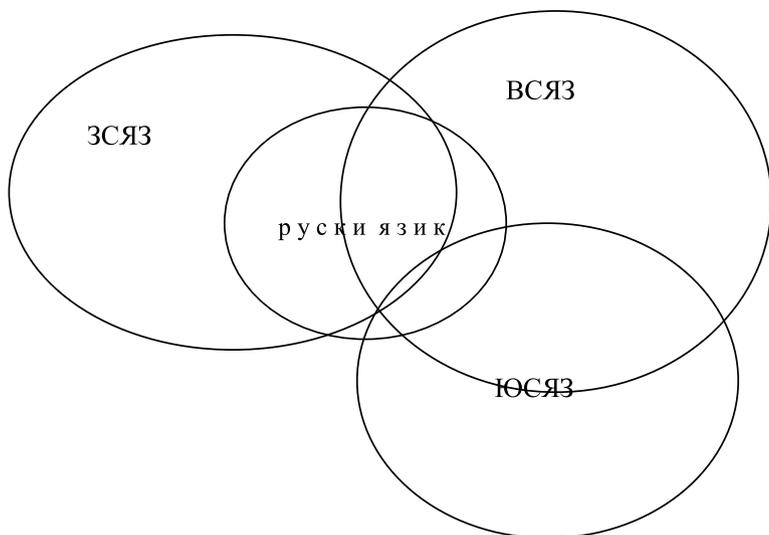
нь — *гнесц*, *гнів*, *гніздо*, *гоніц*, *конєц*, *несц*, *невеста*, *неми*, *нітка*, *нізки* и др.

С точки зрения палатализации согласных южнорусинский язык находится между западно- (польский) и восточнославянскими языками (русский, белорусский). Важно подчеркнуть,

что южнорусинский хорошо отражает более раннее состояние, характеризовавшееся наличием палатализованных согласных.

10. Праславянская начальная группа $\check{O}RT$ в южнорусинском языке дала ROT (*ровни, роснуц, робота* при церковнославянском *раб*); группа $\check{O}LT$ дала LOT (*влоні, локец*). В сербском здесь последовательно представлены сочетания RAT , LAT : *раван, расти, лакат*. Южнорусинские рефлексы находят параллели как в западнославянских, так и в восточнославянских языках.
11. Рефлекс праславянского носового ϵ подобен восточнословацким, что сближает южнорусинский с западнославянской подгруппой:
- e* — чаще всего на месте краткого ϵ (*нета, дзешец, месо, греда, пресец, тресец, мегки, дзевец, щесеце, месц, песц, прашие, злкнуцше, чежки, жец, клкнуц*); этот рефлекс характерен и для сербского языка, тогда как в восточнославянских языках выступает рефлекс *я*;
- a* — чаще всего на месте долгого ϵ (*жац, жадни, жадло, жадац, часц, часто, прагац, зацац, вжац, пришага, дзешати, мешац, зацагнуц, заяц, ясна, кляц, зняц*); двоякий рефлекс находим даже в одном и том же корне: *оглядацше* и *гледац*;
- я* — *вязац*, 3-е л. мн. ч. наст. вр. *робя, любя, правя, веря*; слово *тисяч* относится к новой лексике в южнорусинском языке;
- ия* — *пяток, пияти*;
- ей* — *пейц, пейдзешат*.

На основании рассмотренных критериев определения принадлежности славянских языков к восточной, западной и южной подгруппам можно заключить, что южнорусинский язык в несколько большей степени разделяет основные характеристики с западнославянскими языками, в первую очередь со словацким, или восточнословацкими говорами. Место южнорусинского языка (*руски язык*) в группе славянских языков с учетом изложенного можно представить графически:

Этот вывод, не раз выносившийся на славистические научные форумы в Сербии и за ее пределами (Фейса 2007), до сих пор никем не был оспорен.

К выводу о большей близости южнорусинского западнославянским языкам пришел также Вячеслав Чарский (Чарский 2011). Он не проводит традиционное сравнение русинского языка с литературным словацким, польским и украинским, а вырабатывает оригинальный контактологический метод изучения идиома неясного происхождения, существующего в соприкосновении с родственными языками и диалектами данной группы. Этот метод был создан с опорой на исследования американских ученых С. Томсона и К. Кауфмана, российских В. И. Беликова, В. П. Нерознака, А. Ю. Русакова и др., а также сербского контактолога Й. Айдуковича. В своей монографии автор детально сопоставляет фонетику, морфологию, словообразование, лексику и синтаксис входящих в рассмотрение диалектов и говоров, характеризуя каждое языковое явление как релевантное или нерелевантное. Если какая-либо характеристика южнорусинского языка объединяет его как со словацкими, так и с карпаторусинскими диалектами Шариша и Земплина, она нерелевантна, т. е. не значима для определения происхождения

южнорусинского языка. Это, например, фиксированное ударение на предпоследнем слоге, окончание *-има* в формах творительного падежа множественного числа прилагательных, окончание глагольных форм 1-го л. мн. ч. настоящего времени *-ме*, образование форм перфекта, сослагательного наклонения и т. д. — всего 18 нерелевантных признаков. Если же то или иное явление южнорусинского языка объединяет его только с одним из карпатских идиомов, восточнословацким или карпаторусинским, оно релевантно, т. е. указывает на генезис южнорусинского языка. Принимаются во внимание и черты, характерные для восточнословацкого диалекта в целом: рефлексы праславянского *ǣ* и праславянских групп *tj*, *dj*, а также образование форм повелительного наклонения и окончания *-ом* в дат. падеже мн. числа всех существительных и т. д. — всего 30 признаков. Лишь с шаришскими и/или земплинскими восточнословацкими говорами южнорусинский язык объединяют следующие характеристики: рефлекс праславянского *ъ*, окончание *-ох* в формах род. падежа мн. числа всех существительных, окончания *-е* и *-у* в формах местн. падежа ед. числа существительных мужского и среднего рода, окончание *-м* в 1-м л. ед. ч. настоящего времени глаголов, окончание *-о* в им. падеже мн. числа притяжательных прилагательных. Восемь признаков связывает южнорусинский язык только с восточнословацкими земплинскими говорами окрестностей Требишова (например, рефлекс праславянских $\bar{o}/\bar{\bar{o}} > o$ и $\bar{e}/\bar{\bar{e}} > e$, o, i, u, a , изменение $s > \check{s}$ и $z > \check{z}$, формы инфинитива на *-чиц* и т. д.). Две черты указывают только на шаришские прешовские говоры (формы вспомогательного глагола *буц* и образование форм действительного причастия).

С учетом всего вышеизложенного южнорусинский можно поместить между восточно- и западнославянскими языками, или, если использовать существующий в славистике термин А. Д. Дуличенко, микроязыками (Дуличенко 2009: 8).

После опубликования монографии *Русиньский язык* под редакцией акад. П. Р. Магочи (Magocsi 2004) в известной серии Опольского университета *Najnowsze dzieje języków słowiańskich* русинский фактически получил признание в качестве 14-го славянского языка. Южнорусинский язык здесь трактуется как один из четырех

вариантов русинского языка. Этот вариант в монографии представляют проф. Ю. Рамач и проф. М. Фейса. Первый автор рассматривает литературный язык воеводинских русин прежде всего в плане морфологии (Рамач 2004), а второй — в социолингвистическом аспекте (Фейса 2004). На международном уровне вразрез с этой научно обоснованной точкой зрения еще восемь лет после выхода в свет названной монографии шла политика Украины, где только в 2012 г. также был признан русинский язык. Добавим, что русинский / южнорусинский / лемковский язык находится в выигрышном положении, так как его варианты изучаются в нескольких русинистических центрах — в Новом Саде (Сербия), Прешове (Словакия), Кракове (Польша), Ньиредьхазе (Венгрия), Ужгороде (Украина) и Торонто (Канада). Результатом этого в наши дни стал ряд международных русинистических проектов, в том числе особенно важный проект, который привел к публикации первой русинской энциклопедии (Magocsi, Pop 2002).

Автор этих строк оптимистически смотрит на перспективы развития русинского языка. В Отделении русинистики философского факультета Новосадского университета обучаются способные и подающие надежды студенты. Четверо из них, например, активно участвуют в создании орфографического словаря южнорусинского языка, который представляет собой первый этап подготовки нового издания правил южнорусинской орфографии («*Правопис руского языка*»). Первые правила опубликовал М. М. Кочиш четыре десятилетия тому назад (Кочиш 1971).

Воеводинские русины в Сербии, как и представители других национальных меньшинств, имеют возможность сохранять и развивать свою национальную идентичность в пределах, гарантированных Конституцией и законами государства. Новый правовой статус позволил русинской общине создать два очень важных института: Национальный совет русинского национального меньшинства и Институт культуры воеводинских русин. Если Институт занимается культурой в самом широком смысле, то к компетенции Национального совета русинского национального меньшинства относятся все четыре области, в которых русинская община имеет гарантированные права: культура, образование, средства массовой информации

и официальное употребление языка и письменности. С основанием Национального совета русинского национального меньшинства последнее имеет возможность, с одной стороны, поддерживать и развивать элементы своей идентичности, т. е. сохранять и культивировать свои культурные, языковые, конфессиональные и другие особенности, а с другой, принимать участие в общественной жизни и в органах административного управления.

Статус южнорусинского языка, который в течение нескольких десятилетий официально используется как на уровне краевых органов, так и на территории шести муниципалитетов, где проживает значительное число русин, в любом случае может быть предметом гордости русин перед многими развитыми европейскими обществами и государствами.

Литература

- Бошкович 1977 — *Бошкович Р.* Основи упоредне граматике словенских језика: фонетика и морфологија. Никшић, 1990.
- Дуличенко 2009 — *Дуличенко А. Д.* Jugoslavo Ruthenica II. Роботи з рускеј филологије и историје. Нови Сад, 2009.
- Жирош 1998 — *Жирош М.* Бачванско-сримски Руснаци дома и у швецe 1745–1991, II. Нови Сад, 1998.
- Костельник 1975 — *Костельник Г.* Проза. Нови Сад, 1975.
- Кочиш 1971 — *Кочиш М. М.* Правопис руского језика. Нови Сад, 1971.
- Кочиш 1977 — *Кочиш М. М.* Граматика руского језика: Фонетика — морфологија — лексика I. Нови Сад, 1977.
- Лабош 1979 — *Лабош Ф.* Историја Русинох Бачкеј, Сриму и Славоније 1745–1918. Вуковар, 1979.
- Латта 1991 — *Латта В. П.* Атлас украјинських говорів східної Словаччини. Bratislava, 1991.
- Рамач 2002 — *Рамач Ю.* Граматика руского језика. Београд, 2002.
- Рамач 2004 — *Рамач Ю.* Літературний јазик: Войводина // Русинський јазик / Ed. P. R. Magosci. Opole, 2004. С. 277–304.
- Руснаци 2009 — Руснаци у Србији. Информатор. Руски Керестур, 2009.
- Фейса 2004 — *Фейса М.* Социолінгвистични аспект руского језика: Войводина // Русинський јазик / Ed. P. R. Magosci. Opole, 2004. С. 373–383.

- Фейса 2007 — *Фейса М.* Основни характеристики руского языка у поровнаню зоз другима славянскими языками // Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Тарту, 2007. С. 90–100.
- Фейса 2008 — *Фейса М.* Руски язык у урядовой сфери // Русиньский язык меджі двома конгресами. Пряшів, 2008. С. 92–95.
- Фейса 2009 — *Фейса М.* Найвисши ступень меншинского образования // Карпатские русины в славянском мире. Москва — Братислава, 2009. С. 257–269.
- Фейса 2010 — *Фейса М.* Нова Србија и њена русинска мањина / Нова Сербия и ей руска меншина / The New Serbia And Its Ruthenian Minority. Нови Сад, 2010.
- Хорњак 2006 — *Хорњак М.* Бачко-сремски Русини // Русини / Руснаци / Ruthenians (1745–2005) I. Нови Сад, 2006. С. 25.
- Чарский 2011 — *Чарский В. В.* Русинский язык Сербии и Хорватии в свете языковых контактов: лингвогенетический аспект. Щёлково, 2011.
- Gavrilović 1977 — *Gavrilović S.* Rusini u Bačkoj i Sremu od sredine XVIII do sredine XIX veka // Godišnjak Društva istoričara Vojvodine. Novi Sad, 1977.
- Halaga 2002 — *Halaga O. R.* Východoslovenský slovník, I-II. Košice — Prešov, 2002.
- Magocsi, Pop 2002 — *Magocsi P. R., Pop I.* (eds.) Encyclopedia of Rusyn History and Culture/ Toronto — Buffalo — London, 2002.
- Magocsi 2004 — *Magocsi P. R.* (ed.) Русиньский язык. Opole, 2004.

М. Вашичек (Прага)

К ПРОБЛЕМЕ ПРИНЯТИЯ КОДИФИЦИРОВАННОГО РУСИНСКОГО ЯЗЫКА НОСИТЕЛЯМИ КАРПАТО- РУСИНСКИХ ДИАЛЕКТОВ В СЛОВАКИИ

В 1995 г. в Словакии был официально кодифицирован русинский язык (*русиньський язык*) как стандартизированная языковая форма, призванная стать литературным языком для носителей местных карпаторусинских диалектов¹. Эта кодификация стала естественным следствием новой волны роста национального самосознания русин после 1989 г. — так наз. нового русинского национального возрождения². Теоретические принципы стандартизации карпаторусинских диалектов были выработаны представителями русинской интеллигенции из разных стран с русинским меньшинством. На Международном конгрессе русинского языка в 1992 г. было принято решение на первом этапе создать литературные нормы для отдельных стран с русинским населением, а на втором — общую для всех русин языковую норму (по так наз. романшской модели)³. Среди изданий, послуживших основой кодификации, А. Плишкова перечисляет правила правописания, орфографический словарь, букварь, хрестоматию для школьников и словарь лингвистических терминов, авторами которых были В. Ябур, Ю. Панько и Я. Гриб⁴.

¹ Восточнославянские говоры на территории бывшего Венгерского королевства и Западной Галиции традиционно причисляли к говорам украинского языка (например, В. Ганцов, И. Зилинский, И. Панькевич). В первых посвященных им работах они именуются угрорусскими (Верхратский I, II; Брок 1899). И. Панькевич все украинские говоры на территории существовавшей тогда Чехословакии называл южнокарпатскими, разделяя их на три группы: лемковскую, бойковскую и гуцульскую (Раїкевуґ 1938: 15). Говоры первых двух групп мы в данной статье будем называть карпаторусинскими.

² Ср. название главы «Нові народні возроджіня Русинів по році 1989» в книге (Плішкова 2008: 65).

³ Плішкова 2008: 71–72; Magocsi 2004: 147–148, 332–335.

⁴ Плішкова 2008: 73.

В основу кодифицированного русинского языка в Словакии (далее КРЯС) легли говоры сел, локализующихся на сравнительно небольшой территории Северного Земплина между реками Цирохой и Выравой, в западной части района Снина, на северо-востоке района Гуменне и юго-востоке района Медзилаборце¹. С точки зрения их основных дифференциальных признаков (фонетических) это говоры: 1) йкающие по характеру отражения *o* в новозакрытом слоге; 2) со свободным подвижным ударением. Выбор диалектной базы для кодификации русинского языка кодификаторами аргументируется тем, что именно эти говоры наиболее распространены и в то же время являются переходными между лемковскими и среднезакарпатскими говорами². Ю. Ванько решающим фактором при выборе диалектной базы КРЯС считает тот факт, что большинство представителей русинской интеллигенции, участвовавших в кодификации, происходит как раз из Северного Земплина, и они как носители этих говоров могли сразу же после кодификации реализовать этот язык на практике³. Некоторые характеристики КРЯС, отличающие его от базового говора, перечисляет В. Ябур: все они отражают стремление приблизить КРЯС к другим вариантам русинского языка (Ябур 2008).

Сферы применения КРЯС были описаны главным образом самими создателями и распространителями этого языка, в первую очередь А. Плишковой⁴. В этих работах не всегда четко разграничиваются разные по своей природе понятия — кодифицированный русинский язык и местные карпаторусинские диалекты: то и другое иногда именуется русинским языком. Из этих работ можно сделать вывод, что КРЯС используется в художественной литературе, публицистике (в периодических изданиях «Народны Новинкы»,

¹ «Їго (КРЯС — М. В.) основу творять говоры із граніці міжді западоземплінськыма і выходоземплінськыма діалектамы по лінії сел: Осадне, Гостовіці, Паризівці, Чукалівці, Пчолине, Пыхні, Нехваль, Полянка, Зубне, Нижня і Вышня Яблінка, Светліці, Збійне і дакотры далшы» (Ябур, Плішкова 2009: 4).

² Magocsi 2004: 148.

³ Ванько 2008: 17–18.

⁴ См., например: Плішкова 2008; Magocsi 2004: 331–345.

«Русин» и «Артос»), в программах Словацкого радио и Словацкого телевидения для национальных меньшинств; переводы на КРЯС Священного Писания и других религиозных текстов используются некоторыми греко-католическими священниками во время богослужения (по нашим наблюдениям, проповеди обычно произносятся на местном диалекте или на словацком языке); в ограниченной мере русинский язык преподается в школах — при этом в Прешовском университете существует отдельный Институт русинского языка и культуры, где ведется преподавание по программам бакалавриата, магистратуры и докторантуры с профилизацией «Русинский язык и литература»¹. Самой слабой с точки зрения употребления КРЯС, по оценке А. Плишковой, является официально-деловая сфера, хотя в соответствии с действующим словацким законодательством жители населенных пунктов, по меньшей мере 20% населения которых принадлежат к национальному меньшинству, вправе пользоваться своим языком в официальном общении². Не вполне ясно, используют ли КРЯС актеры Театра Александра Духновича в Прешове³.

Создатели КРЯС ставят перед собой однозначно формулируемую цель добиться превращения этой языковой формы в полноценный литературный язык русинского национального меньшинства в Словакии⁴. По данным переписи населения 2011 г., в Словакии насчитываются 33 482 чел. русинской национальности⁵. По сравнению с предыдущей переписью (2001) численность русин несколько возросла: тогда их насчитывалось 24 201 чел. Заметно выросло при последней переписи число людей, назвавших русинский родным языком (55 469 чел., в то время как украинский родным языком на-

¹ <http://www.unipo.sk/pracoviska/urjk>

² Плішкова 2008: 80.

³ Плішкова 2008: 87–88. В цитируемой работе сообщается, что в середине 90-х гг. XX в. театр перешел с украинского языка на «говорный язык Русинів»; в настоящее время (2008 г.) в нем ставятся пьесы местных авторов и мировая классика.

⁴ См., например, Jabur 2000, 191–192.

⁵ <http://portal.statistics.sk/files/obce-narodnost.pdf>

звали только 5 689чел.)¹. В качестве основного языка домашнего общения русинский указало 49 860 чел.² В действительности число носителей карпаторусинских говоров, которые сами себя называют «руснаками», а свой язык — «руснацким», по-видимому, в несколько раз выше³. Статистические данные по национальному составу отдельных населенных пунктов с преобладанием восточнославянского этноса⁴ убеждают в том, что большинство носителей карпаторусинских говоров при переписи указывает словацкую национальность.

В ходе полевых исследований карпаторусинских говоров в Восточной Словакии, проводимых с 2011 г., мы посетили несколько десятков населенных пунктов, в которых проинтервьюировали более сотни диалектоносителей. В беседах с ними мы обычно задавали вопросы, касающиеся национальной самоидентификации, владения литературными языками и, среди прочего, отношения к КРЯС. Помимо записи диалектоносителей мы также беседовали с представителями русинской и украинской интеллигенции, писателями, поэтами, журналистами, членами русинских и украинских организаций. Их взгляды достаточно известны и широко отражены в прессе, издаваемой этими организациями, в программах национального радио- и телевидения обоих названных меньшинств и в ряде научных работ. В настоящей статье мы сосредоточимся преимущественно на взглядах людей, не связанных напрямую с деятельностью национальных организаций.

Вначале попытаемся охарактеризовать в общих чертах языковую ситуацию на северо-востоке Словакии. В настоящее время местные говоры являются основным средством общения большинства жителей сел с генетически восточнославянским населением. При этом функцию литературного языка у них выполняет словацкий язык,

¹ <http://portal.statistics.sk/files/obce-v1materinskeho-jazyka.pdf>

² <http://portal.statistics.sk/files/obce-v1-domacnost.pdf>

³ П. Р. Магочи на основании неофициальной статистики оценивает число русин в Словакии в 130 000 чел. (Magocsi 2004: 16).

⁴ Границу между словацкими и восточнославянскими диалектами на территории Словакии точнее всего отражает атлас (Латта 1991).

которым владеют (по крайней мере в устной форме) все поколения местных жителей. У части молодого поколения (преимущественно городского, но нередко и в селах) словацкий язык выполняет функцию основного кода коммуникации даже в семье, тогда как говор вытесняется в сферу пассивной компетенции. Мы не раз лично наблюдали такое «угасание» говора; описано оно и в научной литературе¹. Кроме того, словацкий язык является основным источником обогащения словарного состава местных говоров, из него заимствуются названия всех новых реалий, вся терминология, некоторое влияние он оказывает также на фонетический и грамматический строй диалекта. Словацкий язык, таким образом, является социально доминирующим языком, так наз. *Abstandsprache* по отношению к местным карпаторусинским говорам.

Что касается отношения носителей диалекта к стандартизации русинского языка, то в целом можно сказать, что КРЯС — или, в более общем смысле, идея создания русинского литературного языка — наиболее положительно воспринимается жителями регионов, говоры которых совпадают с его диалектной базой или близки к ней (особенно в районах Медзилаборце, Гуменне и в западной части района Снина). Из районов с восточнославянским населением, расположенных к западу от этой области, мы, к сожалению, пока не имеем достаточного материала. Заметим, что КРЯС уже подвергался научной критике — именно за то, что при его кодификации не были учтены языковые особенности западного ареала, вследствие чего носители лемковских говоров, составляющие большинство восточнославянского населения Словакии, могут оценивать его как чужой².

¹ Плішкова 2008: 78–80.

² Чрезмерную строгость нормы и нетолерантность к инодиалектным элементам (прежде всего западного, лемковского ареала) критиковал, в частности, Ю. Ванько: «Кодифікація РЛАС не бере ніякий огляд на мовні особливості територіально вельми широкого західного русинського регіону на вихідній Словенській, а так фактично ігнорує живий, реальний мовний матеріал. Виходословенські Лемки є таким способом з русинського мовного процесу виключені і знову мають відчуття чужості, а то в тім змислі, же мовний матеріал, який ся їм предлагати як літературний, чують як чужий, не їх, бо скоро ніч у нім зо свого мовного матеріалу не знайдуть; то припоминаять часи, кідь ся їм як їх літературний мовний матеріал предлагав український» (Ванько 2008: 18).

Мы попытаемся установить, насколько приемлем КРЯС для носителей говоров, локализующихся к востоку от области говоров, легших в основу кодификации. В связи с этим при анализе конкретного материала мы сосредоточимся на оценках носителей укающих говоров в восточной части района Снина. Большая часть приводимых здесь записей сделана нами в селе Убля, где мы многократно бывали и затрагивали языковой вопрос в беседах с представителями разных поколений, национальностей и вероисповеданий. Сам говор Убли хорошо описан, так как он издавна привлекал внимание видных языковедов (Брок 1899; Leška 1973).

Вначале приведем статистические данные по национальной самоидентификации и родному языку в выбранном нами селе. В самой Убле в 2011 г. большинство населения указало словацкую национальность — 485 чел. (60%), в то время как русинскую национальность указало 223 чел. (27,6%), а украинскую — 60 (7,4%)¹. Однако родным языком большинство жителей Убли назвало русинский — 581 чел. (72%); словацкий назвало 170 чел. (21%), а украинский всего 17 (2,1%)².

Процитируем здесь несколько фрагментов интервью, в ходе которых жителям села задавались вопросы об их национальной самоидентификации и о языковой ситуации, в том числе также об их отношении к КРЯС. Предлагаемые фрагменты, по нашему мнению, отражают отношение носителей карпаторусинских диалектов к проблематике литературного языка.

Сначала представим взгляды информантов, считающих себя русинами и оценивающих русинский язык или идею его создания положительно. К таким относится, например, семья Федурцо. В 2011 г. мы беседовали с М. Федурцо (род. в 1956 г. в Ладомирове, Снинский район), его женой Э. Федурцовой (род. в 1963 г. в Убле) и ее матерью М. Вейхпартовой (урожд. Демьяновой, род. в 1941 г. в Убле).

¹ <http://portal.statistics.sk/files/obce-narodnost.pdf>

² <http://portal.statistics.sk/files/obce-v1materinskeho-jazyka.pdf> (при этом 20 чел. указало другие языки и 21 чел. — ни одного).

Семья Федурцо долгое время жила в г. Снина. Растя детей в словацкоязычном районном центре, родители говорили с ними на словацком языке, тогда как друг с другом супруги, по их словам, никогда не переставали общаться «по-русначки», т. е. на говоре. Их дети выучили говор от бабушки и дедушки, к которым часто ездили в село в гости. В настоящее время семья живет в селе Убля, М. Федурцо ездит на работу в поселок Стакчин, его жена работает в близлежащем селе Кленова на почте. Все три члена семьи, с которыми мы беседовали, положительно относятся к родному говору. При этом у всех одним из языков преподавания в начальной или средней школе был украинский. Преподавание на нем в школах всеми тремя информантами оценивается отрицательно.

М. Вейхпартова посещала вначале словацкую школу, но позже в селе открылась школа с русским языком преподавания. Информантка вспоминает об обстоятельствах введения русского языка в местной школе:

no v s'emuj 'trjed'ím 'byla | no to vže 'byla 'rus'ka 'škola || a 'tag naz do 'toji 'školy du'stali | nor'malno zača'li sa pud'pisovati dako'trí 'ľúde ta'kí šo | ne 'znavu ta'kij 'biruv abo 'šo ja 'znav | v va'lal'i šo 'byv no | pred'seda 'biruv | 'tagže ve'čina ľu'dej sa popi'salo d'i'tej (...) tagže z'me ne mali ji'nakšoj vixo'd'isko | 'musili z'me 'jti do 'toji ruš'tiny | ale 'ja za 'rug apso'lutno ne 'znelam 'niž ani pi'sati | 'niž ani či'tati | (...) tu'to 'vece d'i'tej ne 'znali s'me no | tu'tu 'azbuku jix 'rus'ku | no 'ale po'tomu vže z'me sa 'musili nav'čiti

В 1953/54 учебном году по распоряжению властей языком преподавания в бывших русских школах в Словакии стал украинский¹. М. Вейхпартова рассказывает, каким непростым был для учеников столь резкий переход на другой язык:

'perša bijo'logija 'vobež'me 'tomu tuj bijo'logiji ne rozu'mîli | 'prirodo'pis 'vobežez'me 'nič ne 'znali | ta'kí z'me 'byli | hej to 'duže

¹ Čizmárová 2014: 63.

'bylo 'naras | to 'spužalo (...) a š'e ta'kî včite'l'i 'byli ta'kî 'dosta 'byli na ti 'd'iti ta'kî ne'dobr'î | po ukra'jînski tu'to poč'i'tati | 'ježiž 'my tu'to ne 'znali jak sa 'kliče | 'tire | 'kapka | a'ja 'krapka 'vlasno | a'bo v tu'tyx 'počtax | 'joj to 'byla katas'trofa 'speršu | ale 'pak to pu'šlo no

Информантка также описывает трудности, с которыми она столкнулась при поступлении в словацкое медицинское училище:

pu'šli z'me do pre'šova do 'školy na zdra'votnu 'školu | a 'tam mate'matika 'byla 'n'e | no to'to 'všyto 'bylo po ukra'jînski | 'droby no ta'kî tu'ty no po ukra'jînski 'všyto'joj to 'bylo | a 'tod nam 'hvarit' tot profesor jak vže | 'tam vže nas sku'šav zo sloven'činy a s 'počtu | a 'my | no ale 'tag že 'byz'me bîsîdo'vali 'naholosno 'jak sa poč'i'talo 'n'e | 'my ne 'znali | zača'li my po ukra'jînski a i's'e z 'mojov sester'nicov | a 'vun 'slûxad' | 'hvarid' 'joj 'vje'e 'čo | 'prepiš'e si to 'na papjer | 'vipočítaj'e to | lebo 'já tomu 'vuobez n'iz 'n'erozumjem' | no 'my tag 'musili si napi'sati | (...) pro 'tyx d'í'tej šo z'me pere'šli do tyx 'škol 'duže 't'aško 'bylo 'jakiz'me sa tu'to na'včili.

М. Федурцо обращает внимание на факт, что в Восточной Словакии действовали также средние специальные учебные заведения с украинским языком преподавания. Ученикам украинских училищ, по его мнению, приходилось намного сложнее, чем ученикам со словацким языком преподавания.

a 'priklad si zo'bêr' že 'všyto | stav'barka bo 'ja sam 'mav prjemi'slovku | to 'byli 'všyto 'byli i 'ekonomickî 'stredn'î 'školy (...) to 'ne lem že sa 'včila ukra'jînska 'mova ale to 'všyto od'born'î 'predmeti 'byli v 'ukrajínšt'ín'î | ty 'znaješ šo to'ty 'd'iti ter'pili bo kot'r'î xo'dili do slo'ven'skoji 'stredn'o'ji 'školy tak tu'ty 'byli | rozu'miješ | 'smíjali sa | a tu'ty xu'dací | 'lebo ki'by | ki'by to 'bylo v rusín'čin'î | to zna'menať ta jak bîsî'duvu | že by to 'šlo | ale po ukra'jînsky? | 'mana 'mana

¹ Информантка переключает языковой код, цитируя чужое словацкоязычное высказывание.

Э. Федурцова уточняет, что сложность освоения украинского языка местным населением заключается главным образом в неизвестной здесь лексике, а именно в специальной терминологии:

a od'born'e ukra'jïnski kid' sa 'vučite 'tak to je 'raže 'hej | tu'ty slo'vička sa tu 'vobez ne použy'vavut' | ne 'čujete o 'nix 'hej | a 'naras sa to 'müsite 'včiti.

В так называемой украинизации М. Федурцо даже усматривает причину вытеснения диалектов и перехода многих носителей местных говоров на словацкий язык:

tota ukrajïn'čina tomuto severo'vïxodu lem uš'kodila ja si do'voľu po'vïsti 'lebo | 'vytratilo sa to'to z 'nas 'šom ti po'vïv | že na 'rusinskix 'selax 'rodiči 'vučat' 'dïti po slo'ven'ski | a z 'nima i bïsi'duvut' po slo'ven'ski | s 'tyma d'ït'mi (...) ja na 'každum 'kroc'ï 'vižu že nam tota ukrajïn'čina s 'toho 'dlhodoboho 'hľad'ïška tag nam u'škodila | to znamenad' že v nas sa 'vytratila ma'ërinčina

В дальнейшем М. Федурцо высказал мнение, что русинский язык следует кодифицировать, так как каждая национальность нуждается в своем литературном языке. Оказалось, что о кодификации русинского языка в 1995 г. — за 16 лет до нашей беседы — он вообще не знал. Из этого можно сделать вывод, что язык недостаточно официально кодифицировать, следует также принимать меры по его распространению, чтобы знание о нем дошло до потенциальных пользователей этого языка, чего в Словакии по разным причинам не наблюдается.

Взгляды молодого поколения жителей Убли на языковую проблематику отражает интервью с М. Голубковой (род. в Убле в 1989 г., изучает русинский и русский языки в Прешовском университете). При общении с родителями и односельчанами она использует местный говор, тогда как с другими изучающими русинский язык обычно говорит по-словацки. Базовые знания русского и украинского языков информантка приобрела в школе, где они преподавались

в качестве факультативных предметов. Выбор русинского и русского языков в университете она комментирует так:

*'ma to furd 'bavilo | sa mi 'Tobit' ru'st'ina a g rusin'čin 'i jem sa du-
stala lem 'nahodov (...) 'ja jem študo'vala zo za'čatku 'etiku ale 'mn' a
to ne 'bavilo tag jem si xo't'ila zmi'niti 'odbor | a roz'dumovala jem
aj nad 'drohima | nad ukrajin'činov na'preklad | ale 'potom jem si to
roz'dūmala lebo 'dva ču'ž' i jazy'ke sa 'včiti to je 'dosta nama'havoj
— a ukrajinčina je čužij jazyk?
hej | ukrajin'čina je pro 'mene ču'žij a jem si 'dumala že by sa mi
to zoz ru'st'inov 'dosta ple'lo
— a rusinčina sa ne bude plesti?
'n'e | rusin'čina 'n'e | to je 'muj ja'zyk*

Дальше мы пытались узнать мнение информантки о кодифицированной норме русинского языка:

*tak ur'čit'e by jem tam da'so zmi'nela | kon'covki 'mavut' 'jenšakī
jag 'my | 'ale ke' sa čolo'v'ik na'vučit' tu'ty pra'vídla tak | vže to je
lax'koj*

При попытке уточнить, какие именно окончания в кодифицированном русинском языке отличаются от окончаний в ее говоре, мы получили ответ, что больше всего отличаются окончания глаголов. Далее мы спросили, насколько существенными информантка считает эти отличия:

*tak 'byv to 'roz'd'il pro 'mene ale ked' vže je kodifiko'vana ta'ka
vari'janta ta ta'ku 'treba použy'vati | 'ja s 'tym vže 'asi 'niž ne 'zrob'l'u
| ale 'furd je to pro 'mene 'bliže | ta'kij 'vece blis'kij ja'zyk jak ukraji-
n'čina | 'lebo ako rozu'mīvu ukrajn'činu bo tu neda'leko by'vavu ale
komuniko'vati v 'n'uj by jem 'asi ne 'znala*

Из этой и других бесед с представителями молодого поколения складывается впечатление, что для молодых жителей села отличия кодифицированного языка от их диалекта не являются настоль-

ко существенными, чтобы этот язык казался им чужим. Конечно, и среди молодых людей есть такие, которые далеко не так толерантно относятся к инодиалектным чертам. Например, в селе Колоница мы говорили с двумя молодыми людьми в возрасте около двадцати лет, которые утверждали, что единственно «правильный руснацкий язык» используется именно в их населенном пункте.

Далее мы представим точку зрения А. Голубовой (урожд. Яночкова, род. в Убле в 1953 г.), работающей в сельской библиотеке и руководящей народным ансамблем «Ублянка». Разговор о языковой проблематике А. Голубова начинает с того, что ее родители, посещавшие школу во времена первой Чехословацкой Республики, учились языку, который тогда официально назывался «(под)карпаторусским»; ее родители отождествляли его с местным диалектом:

'naš'î rus'naki 'aspon' ta'ku vymo'ženost' ('mali) | 'ne že da'jak sa jim až 'dobr'î 'žylo bo sa ne 'žylo 'dobr'î | ale 'aspon' 'mali tu'to že mo'hli so'bî 'svuj ja'zyk použy'vati aj u'r'adno hej | 'tagže aj u 'škol'î | na'příklad vam 'možu vka'zati vysvit'čen'a hej 'tagže na'příklad 'mojoi 'mamy | 'anna semi'vanova vna 'byla za svo'bodna hej | to je 'ruk 'tric'at' 'semyj 'tric'ad' 'vos'myj to vže 'skoro 'pered oku'pacijov | 'tagže vidi'te ja'zyk potkarpato'ruskij | 'ja jem sa jix pro'sila že 'šo to 'byv za ja'zyk | ja'kij to 'byv ja'zyk | no 'to byv ja'zyk 'tot šo 'my z 'nim bîsî'dujeme 'hej | 'tagže 'vni 'mali 'hodinu | u'rok 'mali to'ho jazy'ka | tag bîsîdo'vali aj pi'sali.

Сама А. Голубова в начальных классах школы училась на украинском языке и, по ее собственному признанию, полюбила этот язык на всю жизнь. В 1965 г. языком преподавания стал словацкий, но украинский язык и дальше преподавался в школе как один из основных предметов. В 1968 г. многие жители Убли желали полной отмены украинского языка, что информантка не одобряет:

'hej | 'mnoho l'u'dej po'tomu 'bylo | a holov'no po 'tomu 'tîs'ač' 'devja'tsto š'îde's'at' 'vos'mum 'roc'î | ko'li 'ja vže xo'dila | na'stupovala do de'vjatoji 'klasy | toh'dyj 'znajete tu'ty nepo'koji 'byli | 'prevrat byv a ot toh'dyj tu sa po'stavili

ur'čit'i l'ũde | 'pravda že i u 'vũbli | 'het ukrajin'činu | 'nič sa ne 'včiti u'krajinskoj | 'šo vže sa aj ne 'včilo bo (...) tu'to vže 'bylo 'všytkoj tu'ty 'predmetry 'všytkoj vže 'bylo v sloven'čin'î 'hej | ale 'lem ukra'jĩns'kij ja'zyk byv | jag 'mova ukra'jĩns'ka | aj tu'to | aj tu'to | 'znavu že z'me du'stali | jag 'nes'ka si pamja'tavu | z'me du'stali u de'vjatum 'klas'î | 'kniški z'me du'stali ukra'jĩns'ku movu | i 'rodiči prij'sli | od da'kotryx d'ĩ'tej pome'tali ukra'jĩnsku 'movu na 'stul 'pered u'čit'ela bo 'jix d'ĩ't'vak sa ne 'bũde 'včiti | no to'dyj vže po'tomu zača'lo tu'to | a du'slo to 'tag jak to du'slo | že 'd'iti nes' 'azbuku ne 'znavuť | 'šo je na ve'liku 'xibu

Русинский язык в той форме, которая была кодифицирована в Словакии, А. Голубова оценивает отрицательно:

te'per'ka zača'la tu'ta rus'in'ska ob'roda 'hej | kodifiko'vali ja'zyk ru'sin'skij | ale 'ja na'priklat ki'bym te'per'ka že'bym 'mala 'd'iti 'hej | no tak 'jem rus'načka | ale 'tod ja'zyk bym jix 'ne da'la 'včiti | 'zato že 'tod ja'zyk ne 'je 'naš | 'ne je 'naš | to je 'des' tot | tod la'bĩrskij šo tam 'calkom 'jinšak bĩs'ĩduvuť jag 'my | a čo'ho by sa 'moji 'd'iti u'čili da'čij zas' ja'zyk | 'tagže 'ja sa 'radše priv'nažuvu ot 'tomu že 'n'aj sa 'd'iti 'uč'at 'naš rus'nackij ja'zyk | bo 'najbližyj ja'zyk od ukra'jĩnskomu jazy'kovi | ko'tryj je kul'turnyj ja'zyk | ko'tryj je l'itera'turnyj ja'zyk | ko'tryj je uzna'vanyj ja'zyk | vo'l'ĩvuť sa 'včiti tod ja'zyk | jak 'tot ru'snackij 'šo je te'per'ka

На вопрос, хотела ли бы информантка, чтобы дети в школе учили такой язык, в основу которого легли бы местные диалекты («руснацкий», на котором говорят здесь), А. Голубова ответила:

'hej | ke'by byv kodifiko'vanyj tod 'muj ja'zyk šo ko'lis' ho naz'vali karpato'rus'kij ja'zyk | is 'tym | s 'tov 'našov b'ĩs'ĩdov

Далее мы задавали вопросы, касающиеся национальной самоидентификации. Информантка начала свой ответ с критики того, что многие жители Убли при переписи населения указывают словацкую национальность:

na'priklat pri šči'tan'u lu'dej... no po'vîčte mi xto v 'vûbli slo'vak hej | no ja 'xoču 'vid'iti 'toho slova'ka | no ale po'lovka 'vubl'i je 'slovenskej 'národnost'i (...) moja rodi'na to ani 'nat tym ne u'važujeme že z'me slo'vaki | 'dajme 'tomu že 'bylo za tam'toho 'režimu 'hej | no 'jinšaka 'narodnost' ne 'byla lem slo'ven'ska 'alebo ukra'jînska hej | no ta te'per'ka u'že je aj tu'ta rus'nac'ka | a'le aj 'tak | aj 'tak n'a 'tahne lem 'des' ot 'tuj ukra'jîns'kuj | bo 'bliže 'mavu ot 'tomu (...) no 'tak so'bî 'pišeme 'pravda rus'nac'ka 'narodnost' a'le | a'le 'ne slo'ven'ska

— *ta ne pišete ukra'jînsku?*

n'e a'le 'pišuť | 'pišuť so'bî ukra'jînsku (...) ale 'my 'zatal jz'me roz'dûmovali nat 'tym 'šo 'jak | 'čim sa 'trimati jak tu'to | a tak z'me 'hvarili že rus'nac'ka | no tag z'me rus'naki tak | 'tagže pova'žavu so'bî tod ukra'jînskij 'hvar'u ja'zyk 'furt aj jem 'zato žeby 'byv jako lîtera'turnyj ja'zyk tot ukra'jînskij ale tak so'bî 'dûmavu no | 'tag z'me sa da'jak roz'hodli.

Таким образом, А. Голубова разделяет довольно распространённую в Убле позицию; свою национальность она определяет как «руснацкую», но в качестве литературного языка предпочитает украинский.

Похожие взгляды высказывает и М. Камозинова (урожд. Кочанова), учительница в ублянской школе, окончившая Прешовский университет по специальности «украинский язык». Она вспоминает о первых попытках провозглашения русинского языка, которые тогда, по ее словам, были отвергнуты местными учителями и родителями детей:

tad' ja vže 'vuču 'tric'at' 'tri 'roki po'malen'ki | ja 'byla koli pri'sšov pan 'turok iz 'našov inš'pektorkov | pri'sli tu s tyx 'všytkix 's 'il 'dovk ola | bo to ukra'jîns'ka 'mova sa 'včila vo 'vel'kum | to 'bylo ta'koj | tri ho'diny na 'tyžden' | aj sa znamko'valo | tak 'fest | 'prisno 'hej | ale (...) vni 'duže xo'tîli že ru'sin'skij | ru'sin'skij | a to 'bylo ta'koj jak | lem xo'tîli zro'biti | a te'per'ka samo'zrejme sa ozy'vali 'hej že | jag 'bûduť na'priklat pi'sati 'slovo kit' na'priklat | u 'naz je 'kul'ko | na du'brovuj 'keľo | tam je 'tag 'hej že | no tak 'šo sa 'najčast'iše 'bûde

použy'vati to sa 'zrobiť jak spi'sovnoy 'slovo (...) no a 'my to od'mjetli | že 'kid' vže sa 'mavud' d'iti 'včiti ta 'naj sa 'učat' 'ozaj 'tot | 'naj ne vy'dumuvut' a 'naj sa 'učat' ukra'jîns'kij | (...) 'taže 'my tu | 'tato 'naša do'lina šo pu'jd'aci | boj'kove | fak'ticki | 'my tu/to od'mjetli | no a 'vni sa tam potom 'verhli na mezi'laborci | na 'lemku | a zro'bili od 'vyravy | vyrava | mezi'labîrcî a š'e 'tre'oj se'lo | ta'kij troju'holnik a s 'toho 'vybrali ten ru'sinskij ja'zyk (...) to od 'našoho dija'lektu je 'strašn'e da'leko | ne že lem 'rečov | ale 'prizvuki | bo na'priklad 'naš'î 'prizvuki sut' 'duže po'dobn'î na | na ukra'jîn'î šo 'je (...) 'taže u 'nas sa ten ru'sinskij ja'zyk ne u'jav

У М. Камозиновой официально записана украинская национальность, хотя она считает себя «русначкой». При этом она категорически отказывается отождествлять «русначку» национальность с русинской.

ja 'mavu ukra'jîns'ku 'narodnost' | tag mi 'rodiči da'li 'moji | ta tag jem aj si ukra'jîns'ku 'lišila | xoc 'moja 'mati 'v ubli na'rožena | 'n'an'ko v 'zboji na'roženyj hej | tak to 'bylo no že ukra'jîns'ka 'narodnost' | no tak ukra'jîns'ka 'narodnost' (...) ja 'hvar'û ked' das'te že rus'nac'ka 'narodnost' | 'perša pere'pišu z ukra'jîns'koji na rus'nac'ku | ale ru'sinsku n'e | 'n'îgda (...) 'slûxajte 'vni sa akože 'pišud' ru'siny | ale 'ja vam 'hvar'û že aj ked' z 'me 'byli v juho'slaviji | no v juho'slaviji | v 'srypsku spi'vati | vni 'ne sud' ru'siny | 'vni sut' 'furd rus'naci | 'xapete | ta ki'by da'li že rus'nac'ka 'narodnost' ta 'hvar'û bes pro'blemu | pere'pisuvu sa z ukra'jînskoj či ja'ka ja tam ukra'jînka ked' 'hvar'û že 'mati vu'bl'anka | 'n'an'ko zo 'zboja

М. Камозинова называет два основных препятствия, на которые наталкивается принятие одного для всех русин Словакии литературного языка: невозможность создания такого языкового кода, который устраивал бы носителей всех говоров, и — в ее оценке — малоперспективность такого языка:

ale | šo 'dale? | šo 'dale s 'tym jazy'kom? | ta'kij 'znajete ukra'jîns'kij ta ci vže 'opxodn'î | bo 'rus'kij | a z ru'sinskim 'de? | 'xapete | to

ne 'maje bu'ducnost' | to ne 'maje na'veznost' na jin 'šŕ jazy'ki (...) a te' per 'ka 'svŕtom 'zvlašŕ 'vладne 'rus 'kij an'glickij | an'glickij 'rus 'kij no | 'taže tak || no ale ja i 'tak ne 'znav si pret'staviti jag 'vni by xo'tŕli zjedno'titi ru'sin 'skij ja'zyk | | zo 'všŕtkix tyx 'koho tu po 'poľskuj hra'nŕci 'hej | 'tu po 'tuj 'našuj hra'nŕci | 'jak to 'vni by xo'tŕli zjedno'titi (...) však 'znav že | 'vni tam | 'jak to | tan 'cuval jem | 'hej | u 'nas tan-co'vav jem | a'bo | 'ne 'smŕj 'š'a | 'hej | ne 'smŕj sa | 'hej | a 'mnoho ta'kix | a 'vni tam 'tože šo se'lo to 'jinšak | 'jinšag 'malen'ko (...) no ale 'naj by aj no... || no ale šo 'dale s 'tym jazy'kom? | šo 'dale?

КРЯС, по ее мнению, для жителей Убли неприемлем, так как он по своим языковым характеристикам слишком сильно отличается от местного говора. При этом она вновь подчеркивает различия в акцентуации и произношении:

'lemže to je pluta'nina dija'lektu | no | 'hvar'u ko'tryj by vu'bl'an 'dav po ru'sin 'ski sa 'včŕti... | 'hvar'u s 'tyma 'všŕtkima 'prŕzvu kami | s 'tov 'vŕslovnost'ov | ke' to 'maje 'hvar'u vam na 'sto kilo'metru od 'našoho dija'lektu

Как мы видим, оценки КРЯС жителями одного и того же села оказываются разнообразными, часто даже противоположными. Так как мы не проводили в этом селе анкетирования, мы не можем судить о численном соотношении людей, отстаивающих ту или иную позицию. Безусловно, языковые воззрения носителей диалекта тесно связаны с их национальной самоидентификацией. При этом заявляемая в ходе переписи населения национальность, по нашим наблюдениям, не всегда совпадает с их действительной самоидентификацией: люди, в быту называющие себя «руснаками», при официальной переписи часто указывают словацкую национальность. Это вызвано, помимо других причин, тем, что не все «руснаки» отождествляют себя с «русинами», как эта национальность официально называется в Словакии. Для таких людей русинский язык часто неприемлем в силу того, что ощущается ими как чужой. Наоборот, люди, считающие себя русинами (т. е. воспринимающие названия «руснак»

и «русин» как синонимы), кодификацию русинского языка, как правило, приветствуют.

Отношение носителей карпаторусинских говоров в Словакии к русинскому языку также тесно связано с их отношением к литературному украинскому языку. Те, кто отрицательно оценивает введение украинского языка в практику преподавания в 1950-е годы или считает украинский язык чужим, обычно положительно относятся к кодифицированному русинскому языку или по меньшей мере к идее его создания и распространения. Сторонники же распространения украинского языка, как правило, оценивают кодифицированный русинский язык отрицательно. Помимо этого существует также довольно распространенное мнение, что, кроме словацкого и крупных мировых языков, никакой другой язык детям не нужен, поэтому в литературном региональном языке для носителей карпаторусинских диалектов нет никакой необходимости. Сам факт кодификации русинского языка и его внедрение в сферу общественной коммуникации, несомненно, повышает престижность карпаторусинских говоров в сознании их носителей. Однако не все потенциальные пользователи КРЯС знают о факте его кодификации: в Восточном Земплине есть люди, которые никогда с ним не встречались.

По нашим наблюдениям, к русинскому языку положительно относятся часть городской молодежи с «руснацкими» корнями, часто не вполне владеющая говором (или владеющая им не как первым, наиболее естественным идиомом). На наш взгляд, именно эта группа будет решать судьбы литературного русинского языка, так как в первую очередь от нее исходит естественный спрос на этот язык (имеются в виду в первую очередь молодые русины с развитым национальным сознанием, которые хотят выучить язык предков, но не обязательно какой-то конкретный диалект). Перспективы КРЯС будут зависеть также от готовности сельского населения мириться с отличиями кодифицированного языка от живых, весьма разнообразных карпаторусинских диалектов, т. е. с тем фактом, что стандартизированная форма языка никогда не сможет вполне удовлетворить носителей всех диалектов.

Спорным остается вопрос, насколько целесообразно на столь раннем этапе развития языка придавать ему строго унифицирован-

ную форму¹. На наш взгляд, было бы полезнее, если бы в печатных изданиях появлялись тексты на разных диалектах, причем кодифицированный язык служил бы эталоном главным образом для текстов научного и публицистического стиля. В сфере художественной литературы, наоборот, следовало бы отвести больше места разным диалектам или диалектизмам (с точки зрения кодифицированного языка). Однако и здесь кодифицированный язык может служить образцом на уровне графики и, частично, лексики: функциональной, абстрактной, терминологической. Такой более толерантный подход к соблюдению действующей нормы русинского языка мог бы привести к увеличению числа его пользователей: например, мог бы дать толчок для вступления в русинскую литературу новых авторов, чьи диалекты значительно отличаются от диалектов, легших в основу кодифицированной нормы. Именно большая демократизация языка могла бы способствовать естественному развитию его нормы, повышению престижности последней среди носителей карпаторусинских говоров и тем самым превращению его из стандартизированной формы диалекта в общепринятый литературный язык национального меньшинства.

Литература

- Брок 1899 — *Брокъ О.* Угорорусское нарѣчіе села Убли (Земплинскаго комитата). Санкт-Петербургъ, 1899.
- Ванько 2008 — *Ванько Ю.* Формованя койне з літературних штандартів // Русинський язык меджі двома конгресами, 15–24. Пряшів, 2008.
- Верхратський І, ІІ — *Верхратський І.* Знадоби до пізнання угорсько-руських говорів. Ч. І. Говори з наголосом движимим. Львів, 1899. Ч. ІІ. Говори з наголосом сталим. Львів, 1901–1902.
- Латта 2001 — *Латта В.* Атлас українських говорів східної Словаччини. Пряшів, 1991.

¹ Ср. в этом контексте замечания Ю. Ванько: «Теперішня кодифікація РЛІАС вызерать так, як кібы ішло о штатный язык с довгов, неперешушенов традиціов списовности, парламент того штату приїмать в тым языку законы, в тім языку ся учать на вшиткых тіпах школ, масовокомунікачны средства в нїм публікують тексты, якы ся перекладають до далшых языків і под. (...) Як алтернатіва ся ту понукать толеранція к варіантности» (Ванько 2008: 21–22).

- Плішкова 2008 — *Плішкова А.* Русинський язык на Словеньску. Короткий нарис історії і сучасності. Пряшів, 2008.
- Ябур 2008 — *Ябур В.* Орфографічні проблеми і корекції в русинському языку в Словакії // Русинський язык меджі двома конгресами, 57–62. Пряшів, 2008.
- Ябур, Плішкова 2009 — *Ябур В., Плішкова А.* Сучасний списовный русинський язык. Пряшів, 2009.
- Čižmárová 2014 — *Čižmárová M.* Jazyková situácia na severovýchodnom Slovensku v povojnovom období (po r. 1945) // *Slavica Slovaca* 49, 2014/1.
- Jabur 2000 — *Jabur V.* Rusínsky jazyk na Slovensku: stav po kodifikácii a perspektívy rozvoja // *Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzťahy od obrodzenia po súčasnosť* / Ed. J. Doruľa. Bratislava, 2000.
- Leška 1973 — *Leška O.* Говор села Убля восточної Словакії. Етюды по української діалектології 1. Praha, 1973.
- Magocsi 2004 — *Magocsi P. R.* (red.) Русинський язык / *Najnowsze dzieje języków słowiańskich.* Opole, 2004.
- Paňkevič 1938 — *Paňkevič I.* Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Ч. I. Звучня і морфологія. Praha, 1938.
- <http://portal.statistics.sk/files/obce-narodnost.pdf>
- <http://portal.statistics.sk/files/obce-v1materinskeho-jazyka.pdf>
- <http://portal.statistics.sk/files/obce-v1-domacnost.pdf>
- <http://www.unipo.sk/pracoviska/urjk>

С. С. Скорвид (Москва)

ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ ЛИ СЕРБОЛУЖИЦКИЙ ЯЗЫК В ДВУХ ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫХ ФОРМАХ В КАТЕГОРИЮ «СЛАВЯНСКИХ (ЛИТЕРАТУРНЫХ) МИКРОЯЗЫКОВ»?

Нижеследующий текст написан в качестве отклика на вышедший в 2011 г. в Ополе (Польша) двухтомный компендиум А. Д. Дуличенко (Тарту) «Основы славянской филологии», в котором с самого начала заявлены такие новые славистические дисциплины, как «славянская микролингвистика, а вместе с ней славянские микрофилологии» (Дуличенко 2011/1: 15). Во втором, лингвистическом томе этого компендиума, как и в опубликованных тезисах доклада А. Д. Дуличенко «Феномен славянских микрофилологий в современном славяноведении», прозвучавшего в 2013 г. на XV Международном съезде славистов в Минске, сорабист не может не обратить внимания на то, что серболужицкий язык, или языки, «верхне- и нижнелужицкие»¹, перемещается/перемещаются в категорию «славянских микроязыков», которые характеризуются в особенности тем, что «носителей этих микроязыков немного — от полутора тысяч до полумиллиона человек» (Дуличенко 2013: 266).

Впрочем, на случай, если кто-то в силу многочисленности рассматриваемых в этой категории идиомов не заметил бы произведенного перемещения, тартуский лингвист специально указал на него в отдельной статье «Серболужицкий микроязык: верхнелужицкий и нижнелужицкий литературные языки (опыт параллельного синтезированного описания)», напечатанной в том же 2011 г. в сборнике Островского университета (Чехия). Обосновывая используемые термины, или, точнее, понятия, автор пишет: «Серболужицкий язык в данной работе назван микроязыком по той причине, что он таковым на самом деле является, т. е. это двулитературный язык с минимальным числом пользователей, с распространением на небольшой территории, с минимальными функциональными возмож-

¹ Так, с очевидной опечаткой («нижнелужицкие» во множественном числе), в тезисах доклада.

ностями. Понятно, что имеется длительная традиция названия его просто языком, а в социолингвистическом плане — литературным языком (resp. литературными языками). <...> Однако в связи с разработкой в последние десятилетия теории литературных микроязыков (resp. малых языков) встала необходимость включить в эту категорию и серболужицкий (resp. серболужицкие), что трудно было сделать в 70–80-е гг. XX в., когда названная теория только начинала разрабатываться и когда по идеологическим и иным причинам сложно было “рушить” устоявшиеся традиции...» (Дуличенко 2011: 203–204). Остается лишь догадываться, какие идеологические — или иные — причины помешали автору 30–35 лет назад добавить язык славянского меньшинства в ГДР в перечень, возглавляемый вполне сопоставимым по многим параметрам языком славянского меньшинства в СФРЮ (русинским). В остальном остравская публикация А. Д. Дуличенко практически совпадает с соответствующей частью вышеупомянутого компендиума (которая, правда, носит несколько иное заглавие, а именно «Серболужицкий язык: верхнелужицкий и нижнелужицкий литературные микроязыки»¹), поэтому обратимся вновь к нему.

В соответствии с изменениями в известной с 1981 г. теории «славянских литературных микроязыков» А. Д. Дуличенко, какие были осуществлены в ней автором еще в двухтомном издании «Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов» (Дуличенко 2003–2004), серболужицкий язык вместе с кашубским отнесен к так наз. «автономным микроязыкам». Между тем в 2005 г. в томе «Славянские языки» из серии «Языки мира» вышли две статьи А. Д. Дуличенко, из которых одна, озаглавленная «Малые славянские литературные языки (микроязыки)», посвящена данной группе в целом, вторая же — кашубскому как отдельному западнославянскому языку наравне с польским и другими; при этом в общей статье о «микроязыках» ни кашубский, ни серболужицкий

¹ Без подзаголовка, который в статье поясняется так: «Это одна из возможных моделей параллельно-синтезированного описания — прежде всего для широкого круга славистов. А что касается сорабистов, то они могут по-прежнему, как это делали всегда, выискивать из многочисленных грамматик и словарей нужные им параллели» (Дуличенко 2011: 203).

язык не описываются. В классификации обсуждаемых идиомов, которой здесь, как и в более ранних своих работах, придерживался А. Д. Дуличенко, подгруппа «автономных микроязыков» не выделялась. Констатировалось лишь, что в ряде случаев «граница между микроязыками и самостоятельными славянскими языками <...> оказывается нечеткой: так, “островной” серболужицкий, представляющий славянское национальное меньшинство в Германии, и периферийный по отношению к польскому кашубский по традиции, сложившейся в отечественном языкознании, рассматриваются как отдельные языки» (Дуличенко 2005: 596). В отношении кашубского такая традиция, впрочем, едва ли была в российском языкознании достаточно устойчивой.

На каких же критериях базируется новая классификация «микроязыков» и расширение этой категории автором в 2003–2004 и в 2011 гг.?

Во втором томе вышеназванного компендиума, в начале 12-й главы «Языки современных славянских наций», читаем: «речь пойдет о категории крупных славянских языков, за которыми стоят соответствующие нации» (Дуличенко 2011/II: 121¹). Странным образом в последнем параграфе раздела «Восточнославянские языки» среди этих «крупных» языков оказывается «Язык и языковой вопрос (Под)карпатской Руси», причем не уточняется, какая нация стоит за данным языком. Помимо этого очерк каждого «крупного» славянского языка в 12-й главе включает подпункт «Наличие литературных региональных и/или литературных микроязыков». В очерке украинского языка этот подпункт содержит отсылки к параграфам о языке (Под)карпатской Руси и, совершенно неожиданно, о «югославо-русинском» языке в следующей главе. Отсюда можно было бы сделать вывод, что «литературные региональные и/или литературные микроязыки» А. Д. Дуличенко рассматривает как возможные, хотя не всегда наличествующие составные части — или своего рода принадлежности — «крупных» языков (за которыми «стоят соответствующие нации»), но в таком случае возникает ряд вопро-

¹ Далее при цитатах из этого тома указываются только страницы в квадратных скобках.

сов: 1) Заслуживает ли «язык (Под)карпатской Руси», после того как он был упомянут в названном подпункте очерка украинского языка, отдельного статуса среди «крупных» восточнославянских языков? 2) Можно ли считать составной частью украинского языка упомянутый в том же подпункте язык русин в бывшей Югославии, о котором автор в следующей, 13-й главе пишет, что его генезис «трактруется либо как закарпатскоукраинский, либо как восточно- словацкий» [324]? 3) Почему в 13-й главе, в параграфе «Периферийно-островные микроязыки», вновь, уже в третий раз, упоминается «(карпато)русинский литературный язык и его варианты (Украина, Словакия, Польша, Венгрия, США)» [2011: 401]?

Эта глава, носящая название «Славянская микролингвистика и славянские литературные микроязыки», обращает на себя внимание не только тем, что сюда оказывается перемещен серболужицкий язык. Для начала здесь дается обоснование самого понятия «славянские (литературные) микроязыки» — конкретно следующее:

«Список в 12 славянских языков, каждый из которых выступал также в виде литературного языка, стал привычным, войдя во все справочники, энциклопедии и университетские учебники. Правда, здесь нужно сделать некоторое пояснение: в одних изданиях в этот список включается литературно-письменный старославянско-церковнославянский язык — тогда серболужицкий выступает в таких классификациях как один язык; в других — без учета старославянско-церковнославянского, но тогда серболужицкий делится на верхне- и нижнелужицкий» [315].

Как выясняется, единство или двойственность серболужицкого языка с точки зрения лингвистов зависели от того, включались ли в список славянских языков старославянский с церковнославянским или нет! В остальном это введение в «славянскую микролингвистику» не оставляет сомнений в том, что категория «славянских (литературных) микроязыков» была выделена автором из стремления противопоставить традиционному списку из 12 языков (с функционально полноценными литературными манифестациями как своего рода «крышей») равновеликий контр-список — поскольку «выяснилось, что “крыша” в виде литературного языка (из этих 12 — С. С.) не везде одинаково плотно покрывает соответствующую

шее ей этноязыковое пространство» [315–316]. С этой целью в монографии (Дуличенко 1981) «был собран, описан и типологически проанализирован материал 12 литературных микроязыков и их проектов, т. е. в том же количестве, что и число традиционно включаемых в генетическую классификацию славянских языков» [316]. Но исследования на этом не остановились. «К настоящему времени к описанию и типологическому анализу привлекается по крайней мере 18 литературных микроязыков различной степени развития и характеристик. Однако, как оказывается, это не предел» [321].

За «списочный подход» А. Д. Дуличенко критиковала еще рецензент тома «Славянские языки» из серии «Языки мира» Э. Стадник-Хольцер в журнале «Wiener slavistisches Jahrbuch», которая писала: «Более точному лингвистическому или социолингвистическому разграничению “языка” и “малого языка” препятствует содержащаяся в определении “характеристика” малых языков с точки зрения степени их известности, которая делает возможным чисто технический, а не лингвистический или социолингвистический подход к классификации, ср.: “малые языки” суть такие, которые находятся “<...> вне списка известных славянских языков крупных наций <...>» (Stadnik-Holzer 2005: 272). Как было отмечено выше, включению в эту группу серболужицкого языка в обсуждаемом издании помешало лишь то, что он традиционно находился в списке «отдельных славянских языков».

Тем не менее в новой модификации своей концепции А. Д. Дуличенко перемещает серболужицкий язык из этого списка в контркатегорию — однако в какую, собственно? Соответствующий раздел 13-й главы назван «Серболужицкий язык: верхнелужицкий и нижнелужицкий литературные микроязыки». Из заголовка и из самого раздела можно заключить, что серболужицкий язык рассматривается автором как некоторая совокупность, объединяющая, с одной стороны, литературные верхне- и нижнелужицкий «микроязыки», а с другой — диалекты/говоры (другие языковые формы не упоминаются), но признается ли вся эта совокупность в свою очередь — не только литературным — «микроязыком»? Вероятно, да: хотя название главы обещает лишь описание литературных «микроязыков», в первом же ее параграфе анонсируется «категория

славянских микроязыков (на социолингвистическом уровне — славянских *литературных* микроязыков)» [316]. Поэтому, если автор в разделе о серболужицком языке пишет, что «существуют два основных мнения о генетических отношениях в.-лужицкого и н.-лужицкого: согласно одному, оба происходят из одного источника; согласно другому, различия носят изначальный характер» [349], то следует понимать, что речь здесь не идет о литературных «микроязыках», выделяющихся на социолингвистическом уровне, а о «микроязыках вообще».

Впрочем, в сопоставительных таблицах, содержащих примеры некоторых исторически возникших различий между серболужицкими «микроязыками», последние вновь заявлены как литературные, хотя лишь некоторые из приводимых явлений характерны именно для литературно-языковых форм. Таково констатируемое в морфологической части сохранение форм аориста и имперфекта в литературном нижнелужицком языке, который в данном отношении полностью сходен с литературным верхнелужицким, вопреки неточной формулировке А. Д. Дуличенко, что, в отличие от нижнелужицкого, в верхнелужицком языке аорист и имперфект совпали в простом претерите [355, 360]. К сожалению, в таблицах и комментариях к ним встречается целый ряд подобных неточностей и ошибок, начиная с сопоставления двух алфавитов. Так, неверно, что «в в.-лужицком алфавите нет *ć*», а после реформы нижнелужицкого правописания, проведенной в 2006 г., нельзя также утверждать, что «в н.-лужицком <...> нет *ó*» [354]. В верхнелужицком языке не наступило и «совпадение в И. п. вопросительно-относительных местоимений *što* ‘что’ и *što* ‘кто’ (с незначительным различием в произношении гласного)» [355]: за этим «незначительным различием» стоит фонологическая оппозиция, и формы *što* : *što* являют собой классический пример так наз. минимальной пары.

Разъясняя в 13-й главе понятие «литературный микроязык», А. Д. Дуличенко прежде всего констатирует, что это «форма существования языка — как и любого этнического литературного языка (в отличие от таких форм существования, как диалекты или просторечия)» [318]. После этого он рассуждает «о термине *микроязык*» вообще, но и здесь еще раз подчеркивает, что в нем отраже-

ны такие параметры: «1) форма существования — *литературный* <...>; 2) препозитивный компонент *микро-* указывает на малые количественно-пространственные показатели <...>» [319]. Далее автор обсуждает — и отвергает — другие термины, в том числе термин «языки этнических меньшинств», который, по его мнению, «содержательно не покрывает состав микроязыков — носители тех же периферийных (региональных) микроязыков всего лишь культурно-языковые группы или ответвления соответствующего этноса-корня» [320]. Трудно понять, почему некоторая культурно-языковая группа или ответвление от этноса-корня не может подпадать под понятие «меньшинство»: разве только мешает атрибут «этнический», который не обязателен, если вместо несогласованного определения в сочетании «языки меньшинств» использовать согласованное «миноритарные». В любом случае, однако, лужицкие сербы составляют национальное меньшинство в Германии, равно как русины в бывшей Югославии и русины в Словакии; также и лемки в Польше считаются «этническим меньшинством». Тем не менее их языки, согласно А. Д. Дуличенко, оказываются в разных клетках классификации. Два серболужицких «микроязыка» (без уточнения «литературные») наряду с кашубским характеризуются им как «автономные в географическом и лингвогенетическом плане» [323], «югославо-русинский», или «южнорусинский», — как один из «островных», которые «возникают как результат переселения» и «географически оторваны от своего этноязыкового корня», а «(карпато)русинский» в Украине, Словакии (с локализацией «Пряшевская Русь»!), Польше (лемковский) и других странах рассматривается среди «периферийно-островных»: это языки, «выдвинувшиеся за пределы основного ареала и оказавшиеся частью в ином этноязыковом окружении» [324].

Следует заметить, что и сербская Лужица образует этноязыковой «остров», кашубы же находятся на периферии польскоязычной территории — точно так же, как русины Закарпатья на периферии украиноязычной. Однако под названием «периферийные (региональные)» в классификации А. Д. Дуличенко фигурируют другие «микроязыки», которые, согласно его определению, «географически прилегают к своему изначальному этноязыковому массиву, т. е.

соответствующему крупному славянскому народу и его языку», и «сохраняют с ним четкие генетические связи, но их отдельность проявляется на культурно-языковом уровне (локальная культура, исполненная на локальных говорах или диалектах в русле единого литературно-языкового процесса) [324]. К ним причисляется, например, (литературный) ляшский — при том, что его творец и в итоге единственный «исполнитель» моравско-силезской локальной культуры на этом идиоме поэт Ондра/Ундра Лысогорский (1905–1989) решительно не соглашался с тем, что его язык «называли просто “переходным” от чешского к польскому», поскольку он «отличается существенными чертами как от чешского, так и от польского» (Lysohorsky 1988: 816, 818).

Относя определение «региональные» в комментариях к терминологии лишь к группе «периферийных литературных микроязыков» [319–320], автор обсуждаемого компендиума в разделе «Славянские литературные микроязыки — “ящик Пандоры” ли?» тем не менее с удовлетворением констатирует, что в 2005 г. «польский сейм принял закон о статусе кашубского как регионального языка» [347]¹. В классификации А. Д. Дуличенко, однако, кашубский представлен не как региональный, а как один из «автономных микроязыков», которыми «пользуются *народности*, т. е. достаточно самостоятельные небольшие этносы», как это сформулировано в разделе «О носителях микроязыков» [325]. Между тем в Польше официально признан на правах регионального именно кашубский язык — при том, что, в соответствии с вышеназванным законом 2005 г., не существует ни кашубской народности, ни кашубского национального или этнического меньшинства. Впрочем, врез с этим в ходе переписи населения 2011 г. кашубскую национальность как единственную указало 16 377 чел., а вместе с польской или другой — 216 170 чел., т. е. всего 232 547 чел.² (А. Д. Дуличенко называет цифру «от 119–367 тыс.» [322]).

¹ Полное наименование этого документа — «Закон о национальных и этнических меньшинствах и региональном языке».

² Ludność. Stan i struktura demograficzno-społeczna. Narodowy Spis Powszechny ludności i mieszkań 2011. Warszawa, 2013. S. 92.

Для сравнения: силезскую национальность, по данным общепольской переписи того же года, декларировало в качестве единственной 375 635 чел., а вместе с польской или другой — 471 085 чел.¹ В Чешской Республике соответствующие цифры составляли 12 214 и 9 342 чел., в сумме — 21 556 лиц силезской национальности². Тем не менее А. Д. Дуличенко, исходя из оценки развития литературного процесса, трактует создаваемый в настоящее время в Польше литературный силезский язык всего лишь как эксперимент из числа тех, которые «можно назвать литературными микроязыками *in statu nascendi*», оставляя его за рамками своей классификации. «Будущее покажет, сформируется ли и как будет развиваться в Силезии литературно-языковой процесс», — пишет он [346], подразумевая, конечно же, польскую часть Силезии, поскольку литературно-языковое развитие в Моравской Силезии в свое время увенчалось стандартизацией вышеупомянутого яшского «микроязыка» (его А. Д. Дуличенко экспериментом не называет), который уже принадлежит прошлому. Заслуживает внимания, что пишущие тексты для силезскоязычной Википедии в Польше, признавая «яшский микроязык» Лысогорского частью общесилезского наследия, утверждают, что его идиом, опирающийся на пограничный силезско-моравский говор, не репрезентативен для всего массива силезских диалектов³.

Касаясь перспектив «силезского микроязыка» в Польше, А. Д. Дуличенко ссылается на оценки польских коллег Б. Выдерки и др. Вероятно, имеется в виду прежде всего статья Б. Выдерки «О силезском языке», где автор размышлял о лингвистической составляющей стремления элит этнических, региональных или национальных сообществ к языковой эмансипации, которое, по его словам, реализуется двояко: «путем распространения в обществе убеждения в системном своеобразии и генетической самостоятельности языка или путем его нормализации и придания ему признаков

¹ Там же.

² <https://vdb.czso.cz/vdbvo2/faces/cs/index.jsf?page=vystup-objekt-vyhledavani&vyhltext=slezsk%C3%A1+n%C3%A1rodnost&bkvt=c2xlenNrw6EgbsOhcm9kbn9zdA...&katalog=30715&pvo=OBCR614A>

³ https://szl.wikipedia.org/wiki/%C5%9A%C5%AFnsko_godka.

литературного языка — статуса так наз. литературного микроязыка (Duličenko 1981)» (Wyderka 2010: 90). Примечательно, однако, что в более поздней своей статье под названием «Польские региолекты или региональные языки?», описывая ситуацию в Верхней Силезии, Б. Выдерка использовал краеугольный для концепции А. Д. Дуличенко термин в ином смысле: «Говор данного субрегиона отличается от других силезских диалектов более широким общественным и функциональным спектром. Уже в XIX в., в результате индустриализации региона и развития городов, его говор перешагнул границы деревни. <...> В современных лингвистических теориях такие языковые формации называют региолектами или микроязыками». Очевидно, что речь здесь идет об устной, а не о нормализованной литературной форме языка. В то же время, говоря об опытах нормализации курпёвского диалекта на северо-востоке Мазовья, Б. Выдерка заключает: «Этот самый молодой в Польше литературный микроязык динамично развивается». Прогноз польского ученого в отношении перспектив данного идиома, однако, таков: «Трудно сказать, насколько широким будет в дальнейшем круг пользователей этого языка; наверняка он не выйдет за рамки группы энтузиастов региональной культуры» (Wyderka 2012: 48).

Если задуматься над тем, в каких клетках новой классификации «микроязыков» по А. Д. Дуличенко окажутся, при благоприятном стечении обстоятельств, курпёвский или «только постулируемый», согласно Б. Выдерке, подляшский язык Я. Максимюка¹, то можно с уверенностью утверждать: в разных. Первый — среди «периферийных (региональных)», а второй, территориально смежный с первым, но генетически восточнославянский, — скорее всего в подгруппе «периферийно-островных». Силезский же, сторонники которого стремятся добиться для него официального статуса регионального языка в Польше, в случае их успеха, по-видимому, займет место в подгруппе «автономных микроязыков», рядом с кашубским и серболужицким (серболужицкими).

А. Д. Дуличенко в 13-й главе своего компендиума уделяет особое внимание рецепции теории «литературных микроязыков» в славян-

¹ http://svoja.org/poslanie_pdl.html.

ском языкознании. Действительно, эта теория, и в первую очередь термин, введенный ее автором для соответствующих идиомов, получили распространение в славистике. Правда, разные лингвисты используют данный термин подчас в разном смысле. Повод для этого дает и сам создатель названной концепции, в том числе в новой ее версии, изложенной в монументальном труде 2011 г., где говорится в одних случаях о славянских литературных «микроязыках», а в других — о славянских «микроязыках» вообще. Термин, однако, вошел в обиход настолько, что превратился в удобное клише для общего именованя различных языковых формаций ограниченного функционирования в славянском мире. Ярким примером этого может служить доклад «Изображение славянских микроязыков в электронном банке данных Euroslav-2010» на XV Международном съезде славистов в Минске, который произнесли, представляя совместный германско-французский проект, В. Брой и Э. Адаму. Читаем опубликованные русскоязычные тезисы их доклада: «Речь идет об изображении банка данных устных текстов из славянских микроязыков в неславянских странах в интернете <...>. При этом основное внимание уделяется влияниям языкового контакта в молизско-славянском языке в южной Италии. Кроме того учитывается верхнелужицкий разговорный язык (Германия)» (Breu, Adamou 2013: 61–62). Из самого доклада, который был прочитан по-немецки, стало ясно, что термин «микроязыки» в тезисах возник как перевод немецкого *Varietät*, чему в русском намного точнее отвечал бы термин «идиом». Ясно и то, что под молизско-славянским языком в вышеназванной базе данных подразумевается не «островной литературный микроязык» в трактовке А. Д. Дуличенко, а устный идиом, сопоставимый с разговорным верхнелужицким, который основоположник «славянской микролингвистики», переместивший сюда также серболужицкий язык в его верхне- и нижнелужицкой манифестациях, в перечне форм существования первой вообще не отметил.

Именно потому, что теория славянских (литературных) «микроязыков», выработанная А. Д. Дуличенко в 1981 г., также и в своей модифицированной в последнее десятилетие версии (с включением в число «микроязыков» серболужицкого) позволяет подводить под названную категорию и обозначать общим термином слишком

несхожие явления, причем, вероятно, при любой попытке упорядочения несоотносительные идиомы будут оказываться в одной клетке классификации, а соотносительные — в разных, кажется целесообразным понятие и термин «микроязыки» не использовать. Конкретно серболужицкий (или верхне- и нижнелужицкий), а также южнорусинский в Сербии и Хорватии, (карпато)русинский в Словакии и лемковский в Польше, как и некоторые другие идиомы, при весьма различной степени развитости их литературных форм, достаточно адекватно описываются как «языки меньшинств», иначе — миноритарные. Для кашубского, (карпато)русинского в Украине, а также кайкавского и чакавского в Хорватии и ряда других предпочтительнее определение «региональные языки», акцентирующее особое региональное этноязыковое самосознание их носителей, при том, что по отношению к основной массе населения своих стран они также составляют миноритарные группы (меньшинства). Наконец, к таким письменным идиомам, как подляшский и курпёвский в Польше, применимы термины «литературный идиолект» и «литературный диалект». Идиолектами следует признать и оставшиеся в прошлом ляшский язык Лысогорского и западнополесский («ятвяжский») М. Шеляговича, в наши дни лишь камуфлирующий фантазмагорические националистские измышления об истории восточного славянства и Европы¹. Мысль же, что в рамках единой категории славянских «микроязыков», пусть и в разных клетках классификации, будут сосуществовать серболужицкие идиомы, с одной стороны, и так наз. «ятвяжский» — с другой, по меньшей мере для сорабиста совершенно неприемлема.

Литература

Дуличенко 1981 — *Дуличенко А. Д.* Славянские литературные микроязыки. Таллин: Валгус, 1981.

Дуличенко 2003–2004 — *Дуличенко А. Д.* Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 2003–2004.

¹ См. <http://www.belvpo.com/ru/35657.html>.

- Дуличенко 2011 — Дуличенко А. Д. Серболужицкий микроязык: верхнелужицкий и нижнелужицкий литературные языки (опыт параллельного синтезированного описания) // *Studia Slavica XV. Ostravská univerzita* — Uniwersytet Opolski. Ostrava. 2011. S. 203–218.
- Дуличенко 2011/I, Дуличенко 2011/II — Дуличенко А. Д. Основы славянской филологии. Т. I — II. Opole: Uniwersytet Opolski, 2011.
- Дуличенко 2013 — Дуличенко А. Д. Феномен славянских микрофилологий в современном славяноведении // XV Міжнародны з'езд славістаў (Мінск, Беларусь, 20–27 жніўня 2013 г.). Тэзісы дакладаў. Т. 1. Мовазнаўства. Мінск: Беларуская навука, 2013.
- Breu, Adamou 2013 — Breu W., Adamou E. Изображение славянских микроязыков в электронном банке данных „Euroslav-2010” // Міжнародны з'езд славістаў (Мінск, Беларусь, 20–27 жніўня 2013 г.). Тэзісы дакладаў. Т. 1. Мовазнаўства. Мінск: Беларуская навука, 2013.
- Łysohorsky 1988 — Łysohorsky Ó. Lašsko poezuja 1931–1977. Hrsgb. J. Marvan, P. Gan. Schriften des Komitees der Bundesrepublik Deutschland zur Förderung der Slawischen Studien. Bd. 1. Köln—Wien: Böhlau, 1988.
- Stadnik-Holzer 2005 — Stadnik-Holzer E. Языки мира. Славянские языки, Российская академия наук, Институт языкознания, ред. колл. А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик, Н. В. Рогова, Е. И. Якушкина, А. Ф. Журавлев, С. М. Толстая, Москва (Academia) 2005, 656 S. / Rez. Elena Stadnik-Holzer // Wiener slavistisches Jahrbuch. Band 51. Wien, 2005.
- Wyderka 2010 — Wyderka B. O języku śląskim // *Studia dialektologiczne IV (87–92)* / Red. H. Kurek, A. Tyrpa, J. Wronicz. Kraków: PANDIT, 2010.
- Wyderka 2012 — Wyderka B. Polskie regiolekty czy języki regionalne? // *Indeks*. 2012. Nr. 5–6 (129–130), s. 46–49.

Л. Э. Калнынь (Москва)

АРХАИЗМЫ В ДИАЛЕКТАХ НИЖНЕЙ ЛУЖИЦЫ

1. В статье речь пойдет об архаических особенностях фонетики нижнелужицких диалектов, выделяющих их в славянской среде. Это явления, эксплицирующие результаты процессов, вызванных такими особенностями состояния славянской фонетики, которые в более поздний период потеряли свою актуальность. Согласно Марузо, архаизм, как сформировавшееся явление, нужно отличать от проявлений динамики языковых компонентов, когда более раннее состояние сосуществует с формирующимся новым; в такой ситуации в применении к более раннему состоянию автор предлагает термин «устарелое явление» (Марузо 1960: 39).

Архаизмы в нижнелужицкой фонетике эксплицированы особенностями синтагматики гласного *o* в вокализме (рефлексация **o*) и переднеязычного вибранта в консонантизме.

2. В исследованиях по славянской фонетике используются термины «веляризация» и «лабиовеляризация». С одной стороны, это характеристика артикуляции отдельных согласных, а с другой — с помощью тех же понятий, обращенных в поздний праславянский период, описывается синтагматика согласных и гласных. В упрощенном виде *веляризация* обозначает уподобление согласных гласным заднего ряда и выражается в сближении задней части спинки языка с мягким небом (ЛЭС 1990: 82). При *лабиовеляризации* к этому добавляется «приспособление согласных к произношению лабиализованных гласных» (Шахматов 1915: 62). Лабиовеляризация или усиливала основную артикуляцию согласного, или вносила в него новый элемент. Это зависело от локального ряда согласного. У губных согласных присутствовала лабиализованность, а возможно, и активность задней части языка, так что речь могла идти об усилении уже существующих параметров. У заднеязычных согласных веляридность является основной артикуляцией, к которой

мог присоединиться элемент лабиализованности. И только зубные согласные в результате лабиовеляризации должны были бы включить в свою артикуляцию новые элементы.

Понятие веляризованности согласных используется и при анализе фонетики современных языков/диалектов, имеющих корреляцию палатализованности – считается, что оппонентами палатализованных согласных являются веляризованные (Реформатский 1970: 488). Существует и другая точка зрения, согласно которой при наличии корреляции палатализованности твердые согласные не обязательно должны быть веляризованными. Веляризация присуща лишь русскому и белорусскому языкам, а в других языках, имеющих ту же корреляцию, твердые согласные обходятся без веляризации. При этом отмечается, что твердые невеляризованные согласные воспринимаются носителями языка, имеющего веляризацию, как недостаточно твердые и даже полумягкие – в частности и потому, что гласные после невеляризованных твердых согласных не имеют той степени понижения и сдвига назад, в какой это происходило после веляризованного согласного (Чекман 1979: 44, 46).

Обычно отсутствие веляризованности/лабиовеляризованности у твердых согласных оценивается как новая черта славянской фонетики в сравнении с состоянием, близким к праславянскому. Как отмечает А.А. Шахматов, «и веляризация и лабиализация согласных исчезли в славянских языках постепенно в разное время в разных говорах и не сразу во всех группах согласных» (Шахматов 1915: 62).

Из сказанного видно, что суждения о синтагматической активности веляризованных/лабиовеляризованных согласных во многом относятся к области реконструкции. На этом фоне особое значение приобретают свидетельства такой активности, эксплицированные в синтагматике гласного *o*, являющегося рефлексом **o*, в нижнелужицких диалектах.

Характерной особенностью нижнелужицкого вокализма является рефлексация **o* после твердых губных и задненебных согласных перед твердыми негубными и незадненебными согласными. В последовательностях типа *PoT*, *KoT* (континуанты праформ **mostь*, **bosy*, **koť*, **god-* и т. п.) на месте **o* произносятся:

- 1) гласный *o* (лабиализованный, непередний ряд, средневерхний подъем, более напряженный, чем *o*, аудитивно приближенный к *u*);
- 2) нелабиализованные гласные *y* (верхний подъем, ряд между средним и верхним), *ɛ* (передний ряд, нижняя зона среднего подъема, аудитивно воспринимается как широкий *e*).

Фонетически это выглядит так: *dyor / dyvr / dver, gody / gydy / gedu* и т. п.

В последовательностях типа *RoP/K, KoP/K* (**bobъ*, **kop-*, **tokъ*, **kokotъ*) гласный *o* не подвергается изменениям (рефлексом **o* является *o*).

Нижнелужицкие рефлексы гласного **o* в виде «не *o*» объединены тем, что они реализуются в пределах однотипного сегментного контекста. Это означает, что в последовательностях типа *RoT, KoT* контраст между согласными создавал некое напряжение, определяющее то или иное изменение **o*. Согласные контрастировали по наличию лабиовеляризованности у губных и задненебных и ее отсутствию (или слабой выраженностью) у негубных и незаднебных согласных.

Гласный в последовательностях типа *RoT, KoT* имел разный вид связи с первым и вторым согласным. Связь с первым является контактной, поскольку артикуляция гласного наступает после реального произнесения предшествующего согласного. Связь же гласного со вторым согласным дистактна/дистантна, поскольку ориентация гласного на согласный (антиципация согласного) наступает до его реального произнесения.

Контраст по наличию/отсутствию лабиавеляризованности соседних согласных создавал для гласного альтернативу — ориентироваться на контактную связь с предшествующим согласным *P, K* или на дистактную связь с последующим *T*.

Ситуация альтернативы возникла как следствие падения слабых редуцированных, когда слово перестало быть последовательностью только открытых слогов, где гласный однозначно гармонировал с предшествующим согласным. Пространством синтагматических решений был сегмент типа *CV*.

После падения редуцированных, при наступившей допустимости закрытых слогов, безальтернативная связь гласного с предшествующим согласным ослабевает. Фонетическое слово перестает ассоциироваться с последовательностью открытых слогов. Становится возможной антиципация следующего согласного при артикулировании гласного, т. е. включается дистактная связь между элементами звуковой цепи. Меняется пространство синтагматических решений – это не только CV, но и новый сегмент CVC.

Эти две тенденции отражены в нижнелужицкой рефлексации *о.

Как реакция на изменение правил построения звуковой последовательности, архаические отношения в сегменте CVC могли не только сохраняться, но и усиливаться. Становилась более интенсивной *контактная* связь гласного *о с предшествующим согласным, реализуя дистанцирование от следующего негубного, задненебного согласного. Это выражалось в усилении напряженности лабиальной артикуляции гласного и, как следствие этого, повышении подъема, т. е. происходило изменение $o > \rho$. Это прогрессивное уподобление гласного согласному, основанное на контактной связи между ними.

Следует подчеркнуть, что усилению лабиализованности и напряженности гласного способствовала не сама по себе либиовеляризованность предшествующего согласного, а контраст между первым и вторым согласным, т. е. появление альтернативы, на какой согласный ориентироваться. Об этом свидетельствует неизменяемость гласного *o* в сегментах типа PoP, PoK, KoP, KoK: казалось бы, здесь усиление лабиализации гласного и повышение его подъема было бы более логичным. Но этого не произошло — для изменения гласного *o* определяющим был контраст между согласными по уровню лабиавеляризованности, а в последовательностях PoP, PoK, KoP, KoK такой контраст отсутствовал.

Включение *дистактных* связей при выборе гласного и, как следствие этого, ориентация гласного на нелабиовеляризованный следующий согласный имели своим последствием делабиализацию гласного *о с одновременным сдвигом его ряда и подъема вперед и вверх или только вперед. Первично благоприятные условия для выбора рефлекса *о создались в односложном слове, оканчиваю-

шемся на согласный, типа *most, bor, kot*. Если выбор реализовался в виде регрессивного уподобления гласного следующему согласному, то это одновременно означало ослабление контактной связи гласного с предшествующим согласным.

Из сказанного вытекает, что гласные *o* и *y/ε* на месте **o* соотносятся с хронологически разным состоянием фонетического строя: более архаическое состояние выражено рефлексом *o*, более новое — рефлексом *y/ε*.

В некоторых нижнелужицких диалектах имеются свидетельства неодинаковой синтагматической активности заднеязычных и губных согласных. Есть говоры, где *o* выступает только после заднеязычных, т. е. *KoT* и *Pu/εT* (*kòl'asko, kòryto, zbyrk, pyl'ica*), но нет говоров, где *o* был бы отмечен только после губных согласных (нет *RoT, Ky/εT*) (Калнынь 1967: 63). Это означает, что связь **o* с заднеязычным, который однозначно имел велярную артикуляцию, была более сильной, чем с губным, где велярность могла быть и проблематичной. То, что велярность заднеязычных могла препятствовать делабиализации **o* (хотя и не изменяла его в *o*), показывают такие ареалы, где представлены отношения *KoT* и *Pu/εT* (Fasske 1964, карта 4; Sorbischer Sprachatlas 13, карты 4, 20, 21).

Нижнелужицкая рефлексация гласного **o* в позициях типа *RoT, KoT* является раритетным архаическим фактом славянской фонетики. Она 1) показывает синтагматическое значение лабиовеляризованных согласных (явление, реконструируемое для позднего праславянского периода) и 2) позволяет понять, как перестраивалась программа организации фонетической последовательности в связи с падением редуцированных (от слога до фонетического слова).

3. Другим примером архаизма в нижнелужицкой фонетике является особенность *прогрессивного оглушения вибранта*. Явление это известно в языках/диалектах Западной Славии, где оглушение вибранта и последующее преобразование первичного результата этого оглушения касается только палатализованного согласного *r'*.

Нижнелужицкое оглушение вибранта имеет свою специфику. Здесь в позиции после *p, t, k* шумным заменяется не только *r'*, что известно и другим западнославянским языкам, но и *r*, что, кроме

нижнелужицких диалектов, нигде не встречается: *pšut, kšej, tšawa*. С этим изменением связано диалектное различие: 1) оглушение *r* только после *t*, но не после *p, k* (*sošša, bratša* Gsg и *prawy, krupy*); 2) оглушение после *p, t, k* (*sošša, bratša* и *pšawy, kšupy*); последнее характеризует нижнелужицкую литературную норму (Šwela 1953).

Вопрос о хронологии нижнелужицкого изменения вибранта является спорным. Мука, исходя из данных топонимики, считал, что в XIII в. еще не было изменения в группах *pr, tr, kr* (Mucke 1891: 229). Штибер относил эту же мену ко времени между XIII и XVI в. (Stieber 1934: 49). Однако более правдоподобную датировку предлагает Фаска – раньше X в. (Faska 1973: 40). Именно на это может указывать то, что замена вибранта происходит лишь в праславянских сочетаниях согласных и отсутствует в аналогичных последовательностях, возникших в результате метатезы плавных и тем более после падения редуцированных, т. е. *krowa, prog, praś* (< рьрати), *tru* (< тыгѣ). Это означает, что появившиеся после падения редуцированных и после метатезы плавных сочетания согласных не имели тех свойств, которые послужили предпосылкой для унификации согласных по отсутствию голоса в старых сочетаниях *p, t, k* с вибрантом.

Различие между старыми и вновь возникшими сочетаниями может касаться разных параметров. В новых сочетаниях глухие шумные согласные могли стать менее напряженными, и их ассимилирующее воздействие на последующий сонант стало слабее. Нижнелужицкий вибрант мог изменить артикуляцию в сторону сокращения количества ударов, образующих раскат (дрожание). А чем больше ударов, тем больше шансов для вибранта подвергнуться оглушению. Таким образом, нижнелужицкое изменение в сочетаниях *p, t, k* с *r* в древности произошло, но в более поздние периоды утратило свою актуальность.

В основе изменения вибранта лежит его контактная связь с предшествующим согласным, что характерно для линейной последовательности, состоящей из открытых слогов, т. е. до падения редуцированных.

Оглушение *r* сопровождалось его последующим изменением в *ř*. Но синхронно связь между этими этапами изменения вибран-

та не обнаруживается — ничто, кроме этимологии, не указывает на то, что в *pšut*, *kšej*, *tšawa* переднебный спيرانт появился на месте *r*.

Причины сохранения архаических черт в нижнелужицкой фонетике опосредованно могут быть связаны с той языковой ситуацией, в рамках которой функционировал нижнелужицкий язык. Как известно, доминантой этой ситуации на протяжении веков было немецкое давление, в том числе и в области языка. Это формировало особый менталитет носителей нижнелужицкого языка/диалектов там, где они сохранялись. Утверждение лужицко-немецкого двуязычия привело к тому, что употребление нижнелужицких диалектов постепенно ограничивалось рамками своего села или прихода (Jenč 1967). В этой ситуации доминирующим становилось охранительное отношение к своему языку. Этим можно объяснить большую диалектную дробность нижнелужицкого языка, особенно впечатляющую на фоне небольшой территории его распространения. Мука в первой классификации, сделанной в конце XIX в., выделяла восемь наречий и пять поднаречий (Mucke 1891). Современный диалектный атлас (*Sorbischer Sprachatlas* 1990) учитывает данные из 60 нижнелужицких пунктов. Их дифференциация по синхронному состоянию фонетики/фонологии (по выбранным параметрам классификации) демонстрирует большое количество диалектных типов, иногда ограниченных одним населенным пунктом. Наличие архаизмов (не только в фонетике, но и в грамматике: двойственное число), но не в лексике, создает впечатление, что идиом ввиду угрозы иноязычной экспансии как бы замирает, защищая себя и тем консервируя свои структурные особенности. Шустер-Шевц, анализируя звуковую систему, отраженную в одном из нижнелужицких памятников письменности XVI в., не находит в ней существенных отличий от современного нижнелужицкого языка (Schuster-Šewc 1958: 94).

Сказанное позволяет заключить, что нижнелужицкий язык и его диалекты обнаруживают связь между динамикой таких структурно регламентированных явлений, каковыми являются фонетические изменения, и таким внешним по отношению к структуре языка фактором, как социолингвистическая ситуация.

Литература

- Калнынь 1967 — *Калнынь Л. Э.* Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке. М., 1967.
- Марузо 1960 — *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Реформатский 1970 — *Реформатский А. А.* О корреляции «твердых» и «мягких» согласных // А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Чекман 1979 — *Чекман В. Н.* Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск, 1979.
- Шахматов 1915 — *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Faska 1973 — *Faska H.* Kontinuanty *r' po p, t, k w serbsčínje a jich zarjadowanje do fonologiskeho systema // Prace językoznawcze. Warszawa, 1973.
- Fasske 1964 — *Fasske H.* Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964.
- Jenč 1967 — *Jenč R.* Dwojorěčnosť Serbow a serbska lingwistiska terminologija // Lětopis Instituta za serbski ludospyt/ Rjad A. Číslo 11/1. Budyšin, 1967.
- Mucke 1981 — *Mucke K. E.* Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache. Leipzig, 1891.
- Schuster-Šewc 1958 — *Schuster-Šewc H.* Vergleichende historische Lautlehre der Sprache des Albin Moller. Berlin, 1958.
- Sorbischer Sprachatlas 1990 — Sorbischer Sprachatlas 13. Synchronische Phonologie. Bearbeitet von H. Fasske. Bautzen, 1990.
- Stieber 1934 — *Stieber Z.* Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich. Kraków, 1934.
- Šwela 1953 — *Šwela B.* Grammatik der Niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1953.

Владислав Кнолл (Прага)

ИСТОРИКО-ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ СЕРБОЛУЖИЦКОГО ЯЗЫКА С ПОЛАБСКИМ

В данной статье речь пойдет о соотношении полабского языка с серболужицким, включая предшествовавший последнему западнославянский старосербский язык. Вначале мы попытаемся очертить давнюю языковую границу между полабской и старосербской территорией, затем сопоставим культурно-языковое развитие в обоих этих ареалах, а в завершение остановимся на сходствах чисто языкового характера, особенно в области исторической фонологии и грамматики.

I. Границы полабского и старосербского ареалов

Сосредоточим внимание на самой западной области славянского языкового мира — той, где славянские языки уже почти исчезли и где господствующим средством коммуникации стал немецкий язык. Единственным автохтонным славянским меньшинством в современной Германии являются лужицкие сербы, живущие на востоке страны вблизи границ с Чешской Республикой и Польшей. В раннем Средневековье, однако, территория, населенная славянами, была значительно шире. Вплоть до конца VIII в. ее западная граница достигала на севере области Вагрия в восточной части позднейшего Гольштейна, в Полабье вплотную подходила к Люнебургу и Гамбургу (ныне земля Нижняя Саксония), а от Магдебурга шла вдоль течения реки Заале до территории Восточной Франконии на востоке Баварии.

Славянское население этой территории нередко обозначают общим наименованием «полабские славяне», что, однако, весьма неточно. Особенно с точки зрения языка, который отражает первоначальную историю заселения данной области (см. Schuster-Šewc 2000:

45–54), необходимо различать две основные группы этого населения: северную (полабскую) и южную (сербскую)¹. Следует подчеркнуть, что язык собственно полабских славян может быть отнесен к лехитской подгруппе западнославянской группы языков, тогда как (старо)сербская область представляла в языковом отношении самостоятельную подгруппу.

Историческую границу между западнославянским сербским и полабским языком можно до определенной степени реконструировать по данным ономастики². При такой реконструкции учитываются прежде всего три важнейшие изоглоссы, различающие ту и другую область.

Наиболее однозначная из них сложилась еще в позднепраславянский период: это отсутствие так наз. метатезы плавного *r* (TarT) в полабской области³ при наличии таковой (TroT) в сербской. К более поздним различиям относится деназализация носовых гласных в сербской области, которая, впрочем, окончательно произошла на всей сербской территории только в течение XII в.⁴ Для определения северной границы можно принять во внимание также типичную лехитскую перегласовку *ě* > *'a*, однако в полабской ономастике она не фиксируется с полной однозначностью⁵. С учетом перечисленных изоглосс следует предполагать, что граница двух областей проходила следующим образом:

- На западе — между современным Магдебургом и Цербстом (Саксония-Анхальт). Сам топоним Цербст происходит от названия

¹ В настоящее время говорят о лужицких сербах, так как потомки первоначальных носителей западнославянских сербских диалектов остались только в Лужице. Однако вплоть до начала Нового времени язык западнославянских сербов был распространен шире, поэтому лингвоним «серболужицкий язык» применительно к более раннему времени вводил бы в заблуждение.

² В основных чертах эту границу определил (Trautmann 1948). Все дальнейшие исследования на эту тему ставят своей целью лишь ее уточнение.

³ Результаты такого развития частично сохранились и в современном кашубском языке. См. подробнее (Knoll 2011).

⁴ См. об этом (Fischer, Bathe, Schlimpert 1971) и (Eichler 1965: 47 seq.).

⁵ Ср.: „Być może, że i tu przegłos zatrzymał się na jakimś dźwięku pośrednim, skoro mamy czasem zapisy mieszane“ (Jeżowa 1961: 22).

старосербского племени *Zirwisti*¹, которое, по-видимому, обитало на северо-западной границе сербской области в соседстве с полабским племенем моричан (*Morizani*). Полабским можно считать название деревни *Garitz* < **gardec* (Eichler 1987: 127)² восточнее Цербста; сербскими же признаются названия населенных пунктов *Leitzkau* < **lěska* (Eichler 1987: 120)³ между Цербстом и Магдебургом и *Grochewitz* между Цербстом и Виттенбергом.

- В центральной части (южнее Берлина) полабский ареал вклинивался в сербский (племя *Ploni*, жившее к югу от гаволан, таким образом, было полабским). Траутманн обосновывал этот вывод, связывая, кроме прочего, топоним *Dahme* на юге Бранденбурга с полабским **dąbna* (Trautmann 1948: 15), однако Эйхлер считал данный топоним еще дославянским (Eichler 1987: 72). При определении границы полабского языка на юге Бранденбурга может помочь топоним *Lanke* — на самом юге вблизи Цоссена (Witkowski 1971).
- К востоку от Берлина (в окрестностях Сторкова) западнославянский сербский, по-видимому, сохранялся вплоть до конца XVIII в. (Hertmann 1985: 467). Однако племя спревян, жившее на территории восточной части современного Берлина (центр нынешнего района Кеперник), уже относилось к полабским⁴.

II. Сопоставление развития западнославянского сербского и полабского языка

Ареалы западнославянского сербского и полабского языков в далеком прошлом соседствовали, их история была во многом сходной, но культурно-языковое развитие в том и другом ареале

¹ Так у Титмара Мерзебургского: вероятно, из **Āirvišce* от старосербского *ĉivъ* 'червь' (Eichler 2009: 110).

² Ср. аналогичное название, однако старосербского происхождения: *Greiz* < **grodъ* на востоке Тюрингии (Eichler 1987: 173).

³ Автор сравнивает это название с полабским *Laatzig* на о. Волин.

⁴ Любопытно, что эта граница очень похожа на старую границу между средне- и нижненемецкими диалектами.

отличалось. Для более точной характеристики западнославянского сербского и полабского языков в историческом контексте сопоставим развитие в обеих областях.

Если традиционно признавать верхней хронологической границей существования праславянского языка рубеж I и II тысячелетий н. э., то со II тысячелетия можно говорить о начале старополабского и старосербского периодов. Старополабскими можно считать диалекты племен, входивших в ободритский и велетский племенные союзы, диалекты гаволан и в принципе также поморские диалекты. Старосербский (нем. *Altsorbisch*)¹ в этот период отчетливо делится на две ветви: западную и восточную (из последней позже возник серболужицкий язык). Как старополабский, так и старосербский в древнейший период не имели литературных памятников. Некоторым исключением являются старосербские Магдебургские глоссы (XII в.).

Северная часть полабской территории вместе с поморским ареалом постепенно обособляется вследствие тенденции к неразличению *i/u* и сужения *ɛ* (то и другое характерно и для современного кашубского языка). Восточнопоморская (кашубская) область окончательно выделяется в XIII — XIV вв. в результате ассимиляции. Верхней границей старополабского периода можно считать время, когда полабский язык перестает использоваться на большей части территории (символической датой является 1404 год, когда умерла последняя его носительница на острове Рана/Рюген).

В старосербском языке коренные изменения происходили с середины XIV в.: на юго-востоке наступило изменение *g > γ > h* (не только в диалектах, давших начало современному верхнелужицкому, но и в диалекте нижан); в дальнейшем отчетливо обособляются друг от друга западносербская и восточносербская области в результате ассимиляции в последней. Причиной этого здесь — как и в поморском ареале — могла быть фрагментация областей со славяноговорящим населением: инновации охватили только те области, с которыми их «проводники» поддерживали

¹ Р. Бигл (Bigl 2013) называет этот период *прасербским*, а следующий (с письменными памятниками) — *старосербским*.

контакты, тогда как в области, уже отделенные полосами с немецким населением, они не проникли. В XIV–XV вв. явно обособляется лужицкая область в связи с ассимиляцией *r* после *p/t/k*. Верхней границей периода существования старосербского языка можно считать время исчезновения западносербских диалектов (приблизительно XVI в.). В довершение картины следует заметить, что политически южная (сербская) область к X в. окончательно вошла в немецкую орбиту, полабские же славяне сопротивлялись этому (в том числе в религиозной сфере) до второй половины XII в.

Следующим этапом эволюции в случае полабского языка является среднеполабский период¹, также бесписьменный, в течение которого полабский язык сохранялся только в Вендланде (ныне земля Нижняя Саксония), Альтмарке (Саксония-Анхальт), в окрестностях Берлина (Тельтов) и на востоке Бранденбурга (Бад-Фрайенвальде). Этот период закончился приблизительно в середине XVII в., вследствие предшествующих военных событий ставшей важным демографическим рубежом в истории Центральной Европы. Состояние полабского языка в этот период можно трактовать как переходное от старополабского к новополабскому. Предположительно в это время начались изменения, характерные для новополабского языка.

У западнославянских сербов в XVI в. начинается среднесербский период (нем. *Mittelsorbisch*), когда мы уже вправе говорить о серболужицком языке. Ранний этап (приблизительно 1500–1648) характеризуется наличием письменных памятников из разных серболужицких областей, в которых отразились ныне исчезнувшие диалекты, прежде всего нижнелужицкие (особенно восточнолужицкий диалект; у Хандроша Тары/Тареуса, однако, находим также отголоски сторковского говора). В это время в серболужицкой области возникают переводы Нового Завета (на восточнолужицкий диалект — Миклавш Якубица, 1548) и псалмов (западнонижнелужицкий — 2-я пол. XVI в., верхнелужицкий — Мартини, 1627), словарь (восточнонижнелужицкий — Мегисер, 1603) и переводы

¹ О периодизации полабского языка см. также (Marvan 2000: 288–290).

«Малого катехизиса» Лютера (верхнелужицкий — Варихий, 1595; западнонижнелужицкий — Моллер, 1574; восточнонижнелужицкий — Тареус, 1610).

После Тридцатилетней войны у лужицких сербов уже существует богатая религиозная литература; появляются также грамматические сочинения (в Нижней Лужице — Хойнан, 1650; в Верхней — Тицин, 1674). Количественно преобладают памятники верхнелужицкой письменности, причем здесь начинают складываться две литературно-языковые традиции (евангелическая и католическая); одновременно прекращается письменность на восточнолужицком диалекте. Заслуживает внимания, что с деятельностью М. и А. Френцеля и Ю. Х. Светлика (*Vocabularium latino-serbicum*, 1721) по времени совпадает появление полабских лексикографических памятников (Хенниг, Пфэффингер, приложение к хронике Шульце). В отличие от серболужицкого языка, для полабского в этот период не была составлена грамматика.

Памятники полабского языка, имеющиеся в нашем распоряжении, документируют уже последний период его существования (новополабский, или древяно-полабский), который символически заканчивается 1756 годом. К этому времени относится небольшой корпус, который составляют немногим более 3000 слов и словосочетаний, одна песня, молитва «Отче наш» и еще пять коротких молитв, а также шесть коротких текстов на бытовые темы (большая часть этого корпуса содержится в вышеназванных сочинениях). По времени эти тексты охватывают приблизительно два поколения, и в них отражаются три разных говора.

III. Древние общие тенденции в области исторической фонологии

Самую западную часть западнославянской территории (как и — на западе — восточнославянской) поныне характеризует наличие протетического *v-/w-*, чаще всего перед *o-*. При этом именно к полабской территории относится наиболее ранняя фиксация данного явления (2-я пол. XII в.), и следы его до сих пор встречаются на карте Германии (например, Вустров — *Wustrow*). В старополабском

материале¹ протетический *v-* выступает практически всегда перед *o-*: например, *Vosseke* 1286 из **osěckъ*², *Woblesko* 1170 из **oblisko* (Jeżowa 1961: 43). Особые случаи представляют собой образования от слов **oľše* и **ogъľ*, где находим *vi-/ve-*: например, *Wilse* 1281, *Werle* 1181 (Jeżowa 1961: 42)². Два разных континуанта начального *o-* выступают и в новополабском, где варианты *vǎ-* (например, *vǎtūi* ‘око’, *vǎboi* ‘оба’) и *vi-* (*vicesǎ* ‘очи’, *vibe* ‘обе’)³ распределены в зависимости от качества последующего согласного. В новополабском языке был также протетический *v-* перед исконным *u-* (например, *vauх* ‘ухо’, *vaustǎ/vaistǎ* ‘уста’). При этом интересно, что, в отличие от старополабского, для старосербского до XIV в. протетический *v-* не засвидетельствован (Eichler 1965: 74). Бибиальный протетический *ɥ-* мы находим в серболужицком, где он появляется перед *o-* (*woko*) и перед *u-* (*wucho*)⁴. Протетический *h-*, выступающий в нижнелужицком⁵ перед *o-/u-*, а перед *i-* и в верхнелужицком (например, *hić/hyś* ‘идти’), в полабском не встречается. Общей чертой нижнелужицкого (Faßke 1990: 184) и новополабского языка является факультативность начального *h-*, что проявляется в спорадической его утрате в заимствованиях из немецкого (например, новополабск. *alot* из нижненем. *halen* ‘принести’)⁶.

Еще одной параллелью между западнославянским сербским и полабским языком является утрата исконного **ɥ* после заднеязыч-

¹ Старополабские примеры взяты из работы (Jeżowa 1961). Источником материала для ее автора было собрание мекленбургских деловых документов, расположенных хронологически (Mecklenburgisches Urkundenbuch). Примеры приводятся с указанием года, к которому относится документ.

² По-видимому, явление это достигало Западной Померании (Rzetelska-Feleszko, Duma 1996: 55).

³ Новополабские примеры приводятся по словарю (Polański, Sehnert 1967).

⁴ Аналогично в кашубском (например, *òkò, ùchò*) и в восточнославянских языках. Некоторые диалекты чешского языка демонстрируют и позиционное распределение разных протетических согласных перед *o-/u-*: например, в центрально-моравском регионе Мала Гана *voko* ‘око’, но *hozal* ‘узел’.

⁵ В хошебузском диалекте засвидетельствовано уже с XVI в. (Eichler 1965: 71).

⁶ Эту тенденцию в Вендланде и в Лужице восприняли и местные немецкие диалекты.

ных *g*, *x* (Eichler 1965: 151–152). В старосербском она засвидетельствована уже в XII в. (*Zagost* 1144 из **zagvozď*), в современном верхнелужицком находим *hózdź*, в нижнелужицком *gózd*. Новополабское соответствие этой лексемы — *d'üzd*.

Сравним теперь полабские и серболужицкие перегласовки. Типичная лехитская перегласовка *ěT > aT* представлена как в старо-¹, так и в новополабском (*bolě* 'белый', *lotü* 'лето'); подобное же изменение можно предполагать для исчезнувшего восточнолужицкого диалекта (у Якубицы *bjaly/bjely*, *lato*, у Мегисера *bali*, *lato*)². Аналогичная перегласовка *ęT > aT* (в старополабском, например, *Suante* 1312 из **svęt-*, Jeżowa 1961: 60), результаты которой в польском и кашубском были позже перекрыты последующим развитием вокализма (хотя в кашубском в итоге вновь находим *swiãti*, *jãzëk*), в полабском — с изменением *a > o* — представлена: *sjotë* 'святой', *jozëk* 'язык'. В серболужицком ареале перегласовка этого типа отражена только у Якубицы — с денализацией: *juzyk*, *mjuso*.

Заслуживают внимания также результаты изменения сильных редуцированных, демонстрирующие в синхронии некоторые сходства между новополабским и серболужицким. В старополабском, насколько позволяет судить материал топонимов, на месте обоих сильных редуцированных преобладал рефлекс *e*³ (Jeżowa 1961: 75), какой находим и в остальной части лехитского ареала, а также в чешском языке. В новополабском, однако, представлены другие рефлексy — *â* на месте *ь* и *a* на месте *ъ* и *ь* после перегласовки: например, *pâs* 'пёс', *lân* 'лён', *vas* 'весь' ('деревня'), *vâs* 'вошь', *bâz* 'бузина'. В современных ниже- и верхнелужицком языках иногда также находим непередние гласные на месте реду-

¹ В записях наблюдаются колебания (например, *Pena* 1292 — *Pana* 1229 — *Pyan* 1299 из **pěna*).

² Эти и другие восточносерболужицкие примеры взяты из (Schuster-Šewc 1967: 442–443) и (Schuster-Šewc 2000: 178 seq.).

³ Единичные примеры из южной части старополабского ареала, в которых иногда усматривают рефлекс *o* на месте *ъ*, ввиду их незначительного количества, по видимому, следует считать недостаточно убедительными (см., например, Fischer 1967: 142).

цированных (например, н.-луж. *lan*, *wjas*, в.-луж. *boz*), и так же, как для старополабского, для ранней стадии развития старосербского языка предполагается первоначальный рефлекс *e*. Появление непереднего гласного в большей части таких случаев в нижнелужицком объясняется перегласовкой, а в верхнелужицком лабиализацией (Schaarschmidt 1998: 59–58, 111). При этом западнонижнелужицкие диалектные (и отчасти литературные) примеры с *a* на месте редуцированного, не допускающие подобного объяснения (*baz* ‘бузина’, *šaw* ‘шов’), как и фиксируемые на северо-западе старосербской территории топонимы типа *Machnow* к югу от Берлина интерпретируются некоторыми исследователями как свидетельство существования в прошлом общей изоглоссы, объединявшей север старосербского и юг старополабского ареала¹. Уязвимым местом данной интерпретации с точки зрения исторической фонологии полабского является, однако, критическая недостаточность примеров с непередними гласными на месте редуцированных в средневековых источниках.

Еще одна изоглосса, которая, по-видимому, частично объединяла полабский ареал с серболужицким, отделяя их от остальной западнославянской территории, связана с развитием слоговых сонантов *l̥/l̥*. В полабских и поморских диалектах оба эти сонанта имели одинаковый рефлекс — сочетание *ol*: ср. *Dolge* 1232 из **d̥l̥g-*; *Wolken* 1270 из **vl̥ky* (Jeżowa 1961: 92); изменившееся в *âl/al* в новополабском (*dãud'ě/dud'ě* ‘долгий’, *vãuk/vuk* ‘волк’, *stãup* ‘столп’, *pãuně* ‘полный’) и в кашубском (где до наших дней сохранились лишь отдельные свидетельства такого развития: *wôlk*, *stôlp*, *pôlny*; в остальном в кашубском возобладали огласовки польского типа *wilk*, *slup*, *pelny*). В верхнелужицком языке находим почти во всех случаях рефлекс, совпадающий с полабским (*polny*, *stolp*, *dołhi*, *tolsty*, *chołm*). Несколько сложнее обстоит дело в нижнелужицком (Faßke 1993: 114–115), где рефлексы *l̥/l̥* значительно различаются по диалектам. В литературном нижнелужицком языке после зубных на месте обоих сонантов находим *tu* (*dłujki*, *tlusty*), как в польском (и в чешском). После губных

¹ Ср. (Schuster-Šewc 2000: 60); (Schaarschmidt 1998: 61).

в ниже- и верхнелужицком языке на месте давних $l/l̥$ представлены сочетания l/l с предшествующим гласным переднего или непреднего ряда в зависимости от последующего согласного. Перед твердыми зубными в нижнелужицком выступают варианты *peľny* (на востоке), *paľny* (на западе) и *poľny* (на севере), в верхнелужицком — только *poľny*. Перед другими согласными в современных литературных языках находим передний гласный (*wjelk* ‘волк’). С учетом того факта, что в северных областях территории распространения старосербского языка исторически засвидетельствовано *ol*, например, после зубных согласных в сторковском диалекте¹ или после губных перед любым согласным (Woltschicz/Weltschicz 1350, Wolkow 1443 в окрестностях Лейпцига²), можно предполагать, что и в старосербском действовала — хотя бы лишь регионально — тенденция к унификации рефлексов слоговых сонантов $l/l̥$.

В качестве последнего наблюдения в этой части статьи укажем на общую тенденцию к «мазурению»: в нижнелужицком \check{c} изменился в *c* (*cysty*), как это зафиксировано и в новополабском (*caistě*), где данное явление распространялось также на \check{z} (*zenă* ‘жена’) и \check{s} (*dausă/daisă* ‘душа’)³.

IV. Сопоставление новополабской и серболужицкой морфологии

О старополабской, как и о старосербской морфологии мы не имеем никаких сведений. Новополабский язык хотя и документирован письменными памятниками периода его существования, но

¹ На карте в окрестностях Сторкова находим озеро *Dolgenssee* с населенным пунктом *Dolgenbrodt*, а южнее — *Dollgenssee* с населенным пунктом *Dolgen*.

² Eichler 1965: 116.

³ Очевидно, за исключением северного диалекта (в словаре Пфеффингера приводятся лексемы *schena*, *déuscha*). О проблеме «мазурения» в новополабском см. (Polański s. d.: 90). Нижнелужицкий переход $\check{c} > c$ относится к периоду до середины XVI в. (Schaarschmidt 1998: 115), что приблизительно соответствует датировке польского «мазурения». Для полабского можно предполагать более позднее начало этого процесса.

речь идет почти исключительно о лексикографических сочинениях, и небольшое число содержащихся в них двусловных сочетаний и целых предложений дает лишь фрагментарную картину полабской морфологии. Попытаемся тем не менее выявить полабско-серболужицкие сходства и в этой области. Для большей наглядности мы будем сопоставлять полабский в первую очередь с нижнелужицким языком.

В полабском языке сохранялась категория двойственного числа (спустя 200 лет после ее утраты в польском и чешском); сохраняется она и в серболужицком. Из форм дв. ч. существительных зафиксированы формы им. и твор. падежа названий парных частей тела: *rośe* — н.-луж. *ruce*, *nüžě* — н.-луж. *noze*, *vicaí* — н.-луж. *wocy*, *raměnai* — н.-луж. *ramjeni*; *vicaimă* — н.-луж. *wocyma*, *rokomă* — н.-луж. *rukoma*. На основании сочетания *ai dăvix grauk* ‘у двух груш’ (н.-луж. *pla dweju kšušcynowu*) можно предположить, что особые формы двойственного числа либо встречались только у названий парных предметов, либо утратились в род. падеже (также и в верхнелужицком формы род. падежа дв. и мн. числа совпали). У прилагательных в полабском зафиксирована единственная форма дв. ч. *păună cilěsai* ‘полные щеки’ — н.-луж. *połnej licy*, у местоимений — форма дат. падежа местоимения 3-го л. *naimo* — н.-луж. *nima*, у глаголов формы 2 и 3 лица *motă* — н.-луж. *matej*, *jistă* — н.-луж. *stej*, причем формы 1 лица могли изначально отсутствовать.

При сравнении отдельных форм существительных обращает на себя внимание совпадение окончаний твор. падежа ед. числа *o*-основ (полабск. *büďam* — из **bogъmъ*, н.-луж. *bogom*); напротив, окончание дат. падежа мн. числа в том же склонении в полабском восходит к исконному *-omъ* (*gresnăriim*), тогда как в нижнелужицком окончание *-am* (*grěšnikam*) новое; лишь в единичных случаях в нижнелужицких диалектах встречаются формы дат. падежа мн. числа с окончанием *-om*.

Далее можно отметить некоторые сходства в плане синкретизма падежных форм. В результате стяжения, утраты количественных оппозиций в вокализме и изменений носовых гласных в новополабском и серболужицком совпали формы вин. и твор. падежа ед. числа существительных *a*- и *ja*-основ (полабск. *roqo*, *zimq* — н.-луж. *ruku*,

zemju)¹. Примечательное сходство новополабского языка с нижнелужицким представляет утрата различения форм местоимения *ty* (в полабском *tái*): формы род.-вин. и дат.-местн. падежа в обоих языках совпадают (полабск. *tibě*, н.-луж. *tebje*), тогда как в верхнелужицком они различаются (род.-вин. *tebje*, дат.-местн. *tebi*).

В глагольном словоизменении, кроме двойственного числа, выступает также другой архаизм, общий для новополабского и серболужицкого, а именно сохранение форм простых прошедших времен (имперфекта и аориста):

		Новополабский	Серболужицкий
Аорист	1sg	vâik, ricăx/ricex	в.-луж. (na)wuknuch, (do)řěčach
	3sg	rici, sâde, vâza	в.-луж. (do)řěča, н.-луж. sajža, wze
Имперфект	1sg	tex	н.-луж. kšěch
	3sg	mes, ni bäs	н.-луж. mějašo, njeběšo
	3pl	texo	н.-луж. kšěchu

При этом даже дошедшие до нас фрагменты полабского демонстрируют тенденцию к замене форм простых прошедших времен перфектными формами, причем как со вспомогательным глаголом (*ja plokol* — н.-луж. *plakal jo*), так и без него (например, *joz plokol* — н.-луж. *plakal som*), что представляет стадию, которой серболужицкий язык не достиг. Другой общей особенностью является проникновение в полабский и серболужицкие языки (не литературные) из немецкого употребляющегося в формах пассива вспомогательного глагола *vardot* — *wordowaś* (например, новополабск. *vardol vibăsoně* — н.-луж. *wordujo worane*).

V. Заключение

Ареалы полабских славян и западнославянских сербов еще в период зрелого Средневековья соседствовали, и тщательный анализ,

¹ В других западнославянских языках такому совпадению препятствовали количественные различия: долгота гласного, возникшая в результате стяжения в окончании твор. падежа (ср., например, в восточноморавском диалекте вин. *ruki* — твор. *rukú*).

с одной стороны, состояния в современном серболужицком языке и на последнем этапе существования полабского, а с другой — свидетельств об уже исчезнувших диалектах, которые предоставляет нам ономастика, позволяет выделить изоглоссы, объединявшие, по всей видимости, только южную часть полабской и северную часть старосербской территории. Рассмотренные явления можно подразделить на следующие группы:

- явления, характерные и для соседних западнославянских языков (протеза *v-*);
- лехитские особенности (некоторые перегласовки, получавшие продолжение в основном в исчезнувшем восточнолужицком диалекте);
- общие полабско-сербские явления (развитие слоговых сонантов l/l_2);
- южнополабско-северносербские соответствия (тенденции развития рефлексов сильных редуцированных, тенденция к «мазурению»);
- сходства, не обязательно обусловленные территориальным контактом (некоторые тенденции в области морфологии).

Как мы показали во второй части статьи, культурно-языковые контакты между последними носителями полабского и лужицкими сербами не успели завязаться, хотя отдельные — прежде всего лексикографические — письменные сочинения в обеих областях возникли в один и тот же период. Несмотря на их взаимную изоляцию, прослеживаются, однако, и некоторые более тесные связи между ними, будь то на уровне фонологии и морфологии или в лексике, например: новополабск. *gornět* — н.-луж. *groniš* ‘говорить’, новополабск. *d'ujěk* — н.-луж. *gojc* ‘врач’, новополабск. *jostrai* — н.-луж. *jatšy* ‘Пасха’, новополабск. *tetā* — н.-луж. *šesēnica* ‘гусеница’, новополабск. *vedrū* — н.-луж. *wjedro* ‘погода’. И хотя с лингвистической точки зрения серболужицкий язык не приходится считать продолжением полабского, тем не менее этот малый славянский идиом сохранил и кое-что из наследия исчезнувших диалектов славянского северо-запада, что позволяет предполагать существование в прошлом языкового континуума, простиравшегося от ареала предков

современных носителей серболужицкого языка до ареала современного кашубского.

Литература

- Bígl 2013 — *Bígl R.* Vývoj lužickosrbského skloňování a stupňování. Praha, 2013.
- Eichler 1965 — *Eichler E.* Studien zur Frühgeschichte slawischer Mundarten zwischen Saale und Neiße. Berlin, 1965.
- Eichler 1987 — *Eichler E.* Slawische Ortsnamen zwischen Saale und Neiße I. Bautzen, 1987.
- Eichler 2009 — *Eichler E.* Slawische Ortsnamen zwischen Saale und Neiße IV. Bautzen, 2009.
- Fischer 1967 — *Fischer R.* Die Ortsnamen der Zauche. Weimar, 1967.
- Fischer, Bathe, Schlimpert 1971 — *Fischer R. E., Bathe M., Schlimpert G.* Die sorbisch-polabische Sprachgrenze und das Problem der Entnasalierung im 10. bis 12. Jahrhundert // Forschungen zur slawischen und deutschen Namenskunde / Hrsg. T. Witkowski. Berlin, 1971. S. 32–39.
- Faßke 1990 — *Faßke H.* Sorbischer Sprachatlas 13. Bautzen, 1990.
- Faßke 1993 — *Faßke H.* Sorbischer Sprachatlas 14. Bautzen, 1993.
- Herrmann 1985 — *Herrmann J.* (Hrsgb.). Die Slawen in Deutschland. Ein Handbuch. Berlin, 1985.
- Jeżowa 1961 — *Jeżowa M.* Dawne słowiańskie dialekty Meklemburgii w świetle nazw miejscowych i osobowych. Cz. I. Fonetyka. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961.
- Knoll 2011 — *Knoll V.* Výskyt a význam skupiny TarT v kašubském literárním jazyce // Etnicita slovanského areálu (Historické proměny a současný stav / red. K. Kedron, M. Příhoda. Červený Kostelec — Praha, 2011. S. 37–48.
- Marvan 2000 — *Marvan J.* Jazykové milénium. Slovanská kontrakce a její český zdroj. Praha, 2000.
- Polański s. d. — *Polański K.* Gramatyka języka połabskiego. S. l., s. d.
- Polański, Sehnert 1967 — *Polański K., Sehnert J.A.* Polabian-English Dictionary. The Hague, 1967.
- Rzetelska-Feleszko, Duma 1996 — *Rzetelska-Feleszko E., Duma J.* Językowa przeszłość Pomorza Zachodniego na podstawie nazw miejscowych. Warszawa, 1996.

- Schaarschmidt 1998 — *Schaarschmidt G.* A historical Phonology of the Upper and Lower Sorbian languages. Heidelberg, 1998.
- Schuster-Šewc 1967 — Schuster-Šewc H. Sorbische Sprachdenkmäler. 16.–18. Jahrhundert. Bautzen, 1967.
- Schuster-Šewc 2000 — *Schuster-Šewc H.* Das Sorbische in slawischen Kontext. Ausgewählte Studien. Bautzen, 2000.
- Trautmann 1948 — *Trautmann R.* Die Elb- und ostseeslavischen Ortsnamen I. Berlin, 1948.
- Witkowski 1971 — *Witkowski T.* Lanke als Reliktwort und als Name // Forschungen zur slawischen und deutschen Namenkunde / Hrsg. T. Witkowski. Berlin, 1971. S. 88–120.

М. И. Ермакова (Москва)

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕРБОЛУЖИЦКОГО ЯЗЫКА В СВЯЗИ СО СПЕЦИФИКОЙ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕРБОЛУЖИЧАН

Своеобразие развития серболужицкого языка и письменности в значительной степени определяется историческими условиями, в которых шло формирование серболужицкой народности. На протяжении тысячи лет целый ряд политических и социально-экономических факторов создавал неповторимый фон для развития языка и культуры серболужичан. Подобных исторических условий не знало большинство других славянских народов.

Прежде всего следует указать на то обстоятельство, что серболужичане очень рано (к концу X в.) утратили политическую самостоятельность. Их сопротивление германскому феодальному «натиску на восток» закончилось поражением. С этого времени судьба серболужицкой народности тесно связана с историей Германии. Развитие языка и письменности серболужичан, сохранение их традиционной народной культуры, а также становление городской культуры происходило в сложных и тяжелых условиях постоянного социального и национального угнетения со стороны господствующих слоев феодального, а затем капиталистического общества и сопровождалось политикой германизации. Такое положение сохранялось по сути дела до середины XX в., т. е. до конца Второй мировой войны. В этой ситуации серболужицкая народность, лишенная своей государственности, не развилась в нацию.

Завоевание застало серболужицкие племена на пороге формирования феодальных отношений. Преобладающую часть населения составляли крестьяне. У серболужичан были и свои племенные вожди, власть которых опиралась на вооруженную дружину. В ходе борьбы с немецкой экспансией племенная знать частью была уничтожена, частью же растворилась в немецком дворянстве. После покорения серболужицкое крестьянское население окончательно

превратилось в угнетенный, полностью бесправный слой. В глазах немецких феодалов серболужицкие крестьяне со своим языком и обычаями были «испорченным народом». Правящая верхушка состояла исключительно из немецких феодалов.

В условиях феодальной раздробленности серболужичане, населявшие земли, которые принадлежали их старым родам, оказались в различных административных образованиях. Так, земли между реками Солавой (Заале) и Квисой (Квейс) отошли к графству Мейссен, в то время как другие относились к Восточной марке; из них впоследствии выделилась марка Лужица (нем. Lausitz, лат. Lusatia)¹.

В условиях административных территориальных изменений и войн серболужичане вынуждены были в различные периоды своей истории признавать над собой власть разных государств. Отдельные территории, населенные серболужичанами (Лужица и часть Мейссенской марки) в XI в. находились в вассальной зависимости от польского государства (вплоть до смерти Болеслава Храброго). В середине XII в. земля вокруг Мейссена выделилась из маркграфства Мейссен и до середины XIII в. принадлежала Чехии. В XIV в. марки Верхняя и Нижняя Лужица перешли под власть чешской короны. В XV в. район Хошебуза (Коттбуса), расположенный в центре марки Нижняя Лужица, был включен в бранденбургскую марку. В 1815 г. территории Верхней и Нижней Лужицы были разделены между Саксонией и Пруссией.

С немецкими завоевателями к серболужичанам пришло христианство. Славянское население, однако, долго держалось своих старых верований: в ряде районов языческие обычаи сохранялись еще и в XIII в. Церковь боролась с ними, тем самым способствуя политике германизации.

Лужицкие сербы, сохранявшие свой язык и традиции народной культуры вопреки враждебной им власти, постепенно становились славянским анклавом в Центральной Европе.

¹ Названия серболужицких территорий и населенных пунктов — кроме официально использовавшихся немецких названий административных единиц в различных составных частях Германии — приводятся в данной статье по-серболужицки (в соответствии с их современным верхне- или нижнелужицким звуковым обликом), немецкое и иногда латинское название дается в скобках. — *Прим. ред.*

В этой связи следует указать на еще одно важное обстоятельство. В древнейший период своей политической независимости предки позднейших серболужичан жили не одним племенем, но были разделены на несколько племен, как-то: лужичане, мильчане, безунчане, нижане, гломачи и др. Известно, что некоторые племена были объединены в так наз. *regio Surbi*. В остальном ранняя история объединения лужицких племен полна неясностей. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что в XI в. наиболее крупными племенами или племенными союзами были лужичане и мильчане. Центром мильчан был Будишин (Бауцен), тогда как лужичане жили в основном в окрестностях Хошебуза и в Блотах (Верхний Шпревалльд). Между ними пролегла зона девственных лесов и болот — так наз. Лужицкая голя (пуща), которая постепенно заселялась в ходе внутренней колонизации. Незаселенная зона в некоторых районах достигала 30–50 км в ширину (XI в.). Ввиду этого носители соответствующих племенных диалектов были первоначально разобщены и не находились в непосредственном контакте, что привело к формированию двух основных серболужицких диалектных зон: верхнелужицкой и нижнелужицкой. Их территориальная разобщенность в прошлом является одной из самых важных особенностей истории серболужицкого языка.

Ряд фонетических, грамматических и лексических особенностей обоих наречий имеет общелужицкий характер. В их числе исследователи отмечают серболужицкие инновации позднепраславянского происхождения, объединяющие две эти области. Наряду с ними, однако, существуют и древние верхнелужицко-нижнелужицкие различия, в частности лексические (см. Шустер-Шевц 1976: 82–85).

В более позднее время формируются и получают распространение также некоторые общелужицкие инновации (лексические и грамматические: например, синтетическая форма будущего времени глагола *měć/měš* ‘иметь’ — *změju*). Они свидетельствуют о преодолении первоначальной разобщенности двух частей территории распространения серболужицких диалектов. Возникает база для развития ряда общих явлений в серболужицких диалектах вследствие многовековых контактов носителей обоих наречий. Исследователи указывают на проникновение некоторых нижнелужиц-

ких инноваций в верхнелужицкие диалекты и, наоборот, некоторых верхнелужицких инноваций — в нижнелужицкие.

В этой связи особое значение имеет вопрос, как именно протекало взаимодействие верхне- и нижнелужицких диалектов. Применительно к древнейшей истории Лужицы он может быть сформулирован так: когда установились первые контакты между лужичанами и мильчанами? Речь идет о времени заселения этими двумя племенами (лужичанами с севера, мильчанами — с юга) вышеупомянутой Лужицкой голи.

Этот вопрос разными исследователями решается неодинаково. Так, Ф. Метшк относил начало контактов между лужичанами и мильчанами к периоду раннего Средневековья (см. *Sorbischer Sprachatlas* 1965: 36). Напротив, З. Штибер считал, что они начались не ранее XVI в. (Stieber 1934), в то время как Р. Летч указывал, что «полоса дремучего леса, поначалу разделявшая предков нынешних нижних и верхних лужичан, несомненно, была заселена раньше, чем это следует из относительно поздних документальных свидетельств о давних местностях» (Lötzsch 1963: 180), т. е. ранее XIV в.

По-разному в лингвистической литературе характеризуются и результаты языковых контактов, представленные в говорах так наз. переходного пояса, неодинаково проводятся его границы и, соответственно, определяется граница между верхне- и нижнелужицкими диалектами. В связи с этим в разных работах дается неоднозначная картина диалектного членения серболужицкого языка.

Проблема дифференциации серболужицких диалектов и установления границы между верхне- и нижнелужицкой диалектными зонами была актуальна еще в довоенный период. Тогда она решалась главным образом на основе данных какого-либо одного языкового уровня: лексического (см. Wirth 1933) или фонетического, как в вышеупомянутой книге З. Штибера. П. Вирт, утверждая, что заселение Лужицкой голи шло с севера, юга и востока, выделял три языковых ландшафта: верхне-, нижне- и восточнолужицкий (область мужаковского и слепянско-го диалектов с переходным поясом, включающим шесть диалектов). З. Штибер, опираясь на древние фонетические явления, проводил резкую границу между верхне- и нижнелужицкими диалектами, возникшую после многовековой взаимной изоляции этих зон.

В 60-е гг. исследователи данной проблематики подчеркивали необходимость опираться на критерии всех языковых уровней. Так, Р. Летч убедительно показал, что привлечение данных диалектной морфологии приводит к новым результатам. Одним из них является вывод о сложности генетических отношений между серболужицкими диалектами: говор каждой отдельной деревни в так наз. переходном поясе невозможно определить однозначно как верхне- или нижнелужицкий. С помощью изоморф, в которых отражаются наиболее важные структурные различия между севером и югом серболужицкой языковой территории, Р. Летч уточняет или опровергает характеристики отдельных говоров, данные его предшественниками. Он приходит к выводу, что граница между двумя основными серболужицкими диалектами не является резкой и однозначной. Большинство переходных говоров, в фонетике которых преобладают верхнелужицкие признаки, в морфологическом отношении ближе нижнелужицким диалектам (см. Löttsch 1965: 26–29; Летч 1968).

Привлечение фактов морфологии, собственно, и позволило выделить широкий пояс так наз. переходных говоров, уточнить его границы и углубить представления о соотношении серболужицких диалектов. Весьма богаты материалом 11-й и 12-й тома Серболужицкого языкового атласа (Sorbischer Sprachatlas 1975; Sorbischer Sprachatlas 1988), содержащие первое монографическое описание морфологии серболужицких диалектов.

Переходные говоры дают образцы уникальных систем, в которых тесно переплетены верхне- и нижнелужицкие элементы. Большое разнообразие обнаруживают, например, системы словоизменения имени существительного в переходных говорах: по материалам 11-го тома атласа и ряда других диалектных источников устанавливается одиннадцать вариантов этих систем (Ермакова 1979а: 276). Система времен в переходных диалектах также не совпадает ни с верхне-, ни с нижнелужицкой, хотя включает элементы той и другой (Löttsch 1967). Очень сложны и часто совершенно оригинальны системы средств выражения одушевленности/личности (Faska 1972). Следует отметить, что некоторые черты этих говоров не наблюдаются больше ни в одном другом собственно верхне- или нижнелужицком диалекте.

В этом отношении переходные говоры представляют немалый теоретический интерес. Применительно к современной ситуации, как и к другим, более ранним синхронным срезам, по-видимому, неправомерно говорить о «переходных» говорах: каждый из них как часть общего диалектного ландшафта представляет самостоятельную систему. Добавим, что до настоящего времени эти системы остаются почти не исследованными; между тем монографические описания этих говоров (и вообще серболужицких диалектов) имели бы большое значение для изучения разных фрагментов серболужицкой языковой системы, как и для углубления представлений о современной серболужицкой языковой ситуации, которая претерпевает быстрые и существенные изменения.

С исторической точки зрения говоры переходного пояса демонстрируют значительный масштаб и глубину диалектного взаимопроникновения, что не дает оснований говорить о резкой границе между собственно верхнелужицкими и собственно нижнелужицкими диалектами. Историческая интерпретация ряда изоглосс — например, окончания род. падежа дв. числа *-ow* на месте более древнего *-owi* или окончания им. падежа дв. числа *-aj* на месте более древнего *-a* в некоторых говорах данной территории — свидетельствует о распространении верхнелужицких инноваций в них и даже в собственно нижнелужицких диалектах. Однако, как отмечает Р. Летч, на морфологическом уровне большинство говоров этого пояса характеризуется нижнелужицкими инновациями. Изменения, связанные с судьбой одушевленности/личности, представляют результаты общего для всей серболужицкой языковой территории процесса (ср., например, развитие соотношения вин. и род. падежа мн. числа, описанное в вышеупомянутой статье Г. Фаски).

Указанные и другие явления в развитии серболужицкого языка приводят к выводу, что в результате длительных и тесных контактов первоначально разобщенных диалектных комплексов могла возникнуть языковая интеграция как основа формирования «общей базы развития»¹, т. е. общих тенденций развития отдельных форм, категорий и т. д. в пределах всей серболужицкой языковой территории.

¹ Понятие «общей базы развития» обосновывается в статье (Faska 1977).

Признание или отрицание существования «общей базы развития» во многом связано с признанием или отрицанием существования единого серболужицкого языка с сильной диалектной дифференциацией.

Известно, что статус языковых идиомов, распространенных на территориях Верхней и Нижней Лужицы, в истории сорабистики определялся (и определяется) по-разному¹. Точку зрения, согласно которой существуют два самостоятельных серболужицких языка, верхне- и нижнелужицкий, представленные рядом диалектов, особенно последовательно отстаивает Г. Шустер-Шевц². Его аргументация базируется не только на лингвистических фактах (он делает вывод о наличии двух разных исходных баз, верхне- и нижнелужицкой, в частности в фонетике), но и на экстралингвистических основаниях. В связи с этим он считает необходимым признать существование двух особых серболужицких народностей, объединяющих этнически различных носителей двух языков.

Другие лингвисты решают вопрос о единстве серболужицкого языка положительно. У некоторых исследователей согласие с мнением о существовании единого серболужицкого языка проявляется в последовательном применении термина «серболужицкий язык» и в попытках объяснить судьбу отдельных языковых явлений на основе общих тенденций, характеризующих серболужицкую языковую территорию в целом (это касается главным образом упоминавшихся выше работ Г. Фаски).

Характерно, что сторонники обеих точек зрения часто опираются на одни и те же факты истории серболужицкого языка, но интерпретируют их по-разному. Так, например, разное объяснение получает факт существования двух серболужицких литературных языков.

В аргументации в пользу той или иной точки зрения большое значение имеет учет экстралингвистических факторов. Вероятно, это тот случай, когда экстралингвистический анализ может иметь преимущества перед чисто структурным анализом (см. Калнынь

¹ См. достаточно полный обзор точек зрения разных лингвистов по этому вопросу в работах (Lötzsch 1963), (Lötzsch 1965).

² См. в частности (Schuster-Šewc 1959).

1962: 26). Дело заключается в полноте комплекса анализируемых фактов и убедительности их интерпретации. Так проводимое исследование должно включать изучение исторической судьбы серболужичан, политических условий формирования их этнического и языкового самосознания. Применительно к ситуации в Лужице весьма важным оказывается также анализ административных и конфессиональных границ, их влияние на дифференциацию диалектов и на функционирование литературного языка.

Многие из этих факторов уже привлекались для обоснования той или иной точки зрения, но поскольку они часто получали неоднозначное толкование, необходимость нового обращения к ним остается в силе. Кроме того, некоторые данные — например, связанные с изучением серболужицкой материальной и духовной культуры (в частности, распространения народных обычаев, трудовых обрядов, музыкального фольклора, народных костюмов и др.) — использовались явно недостаточно. Между тем исследование всего комплекса указанных вопросов сыграло бы свою роль и для решения проблемы серболужицкой этнической общности, поскольку проблема серболужицкого языкового единства и проблема объединения родственных этнических групп в серболужицкую народность тесно связаны.

В истории Лужицы большое значение имела так наз. внутренняя колонизация¹. Ее начало относят к середине XII в., хотя, как отмечают исследователи, новые деревни по обоим берегам Эльбы возникали уже в X и XI вв. Внутренняя колонизация проявилась особенно в заселении территорий к востоку от Солавы (Заале) и Эльбы немецкими крестьянами, ремесленниками и торговцами; в процессе ее возникали новые деревни, основывались монастыри. Колонизация осуществлялась в течение XII–XIV вв. В ней участвовали и лужицкие сербы.

Колонизация проходила по-разному в разных областях. В ряде случаев серболужицкое население изгонялось со своих земель, которые предоставлялись немецким колонистам. На западном берегу

¹ Подробно этот процесс описан в первом томе двухтомного исследования (Stawizny Serbow I: 106–111.).

Эльбы и Солавы, а также в некоторых районах Нижней Лужицы в XIII–XV вв. доля немецких переселенцев была уже столь велика, что можно говорить о полной германизации этих областей. Значительная часть серболужицкого населения в результате немецкой колонизации была ассимилирована также на юго-восточной периферии Верхней Лужицы, в треугольнике Житава (Циттау) — Любий (Лёбау) — Згорельц (Гёрлиц). Интенсивным был процесс заселения земель в северной части Нижней и Верхней Лужиц, особенно в XIII в. Рост населения и образование новых поселений в пределах основной серболужицкой территории (Kerngebiet) привел к формированию в XIII–XV вв. относительно компактной языковой области серболужичан к востоку от Эльбы.

В конце XV в. более половины населения Верхней Лужицы составляли серболужичане. Высок был процент серболужицкого населения и в Нижней Лужице. При этом плотность серболужицких поселений в Верхней и Нижней Лужицах различалась: на территории Верхней Лужицы она была выше.

Тем не менее в этнической структуре населения серболужицкой языковой области в результате внутренней колонизации произошли определенные изменения. Возникли смешанные деревни с немецкими и серболужицкими колонистами — главным образом в окраинных районах (Randzone). В основной части этой территории в деревнях все еще преобладали серболужичане. Также в небольших городах в этот период серболужичане могли иметь численный перевес. В более крупных же городах, где серболужичане жили в предместьях, большинство жителей составляли немцы. В Будишине в XV в. на долю немецкого населения приходились две трети, а серболужичан была лишь одна треть.

Проникновение немецкого языка в серболужицкие деревни и изменения в этническом составе населения Лужицы положили начало интенсивным серболужицко-немецким языковым контактам, которые предопределили особые условия последующего развития серболужицкого языка и письменности. Характер этих контактов в разных районах серболужицкой языковой территории был неодинаков. В условиях общей политики германизации серболужицкого населения судьба серболужицкого языка во многом зависела от по-

литической ситуации в различных феодальных владениях. Ввиду этого рассмотрение развития серболужицкого языка в период внутренней колонизации, как и вообще изучение длительного — почти тысячелетнего — контакта серболужицкого языка с немецким предполагает изучение языковой ситуации с учетом политического положения в отдельных областях Верхней и Нижней Лужицы в конкретный исторический период.

Так, исследователи отмечают, что еще в XVI в. все сельское население Нижней Лужицы было серболужицким; доля серболужичан несколько уменьшилась только после Реформации. В округе Губин (Губен) серболужицкое население составляло большинство спустя еще долгое время после колонизации. В Бранденбурге она сказывалась заметнее, а в южной части Верхней Лужицы сильная немецкая колонизация отмечается уже в XIII в. Ассимиляция серболужицкого населения в округе Згорельц (Гёрлиц) была характерна уже для периода, предшествующего Реформации, но жители ряда деревень так наз. Жаганско-Згорельцской голи окончательно перешли на немецкий язык только во второй половине XIX в.

В связи с оценкой языковой ситуации в различных районах серболужицкой языковой территории в период немецкой колонизации следует уточнить соотношение понятий «германизация» и «колонизация» (с определениями «сильная/слабая колонизация») в лингвистическом аспекте. Немецкая колонизация новых земель имела различные формы¹. При сохранении серболужицкого характера деревень контакты их жителей с немецкими юнкерами не имели широкого масштаба. Однако и в деревнях со смешанным составом населения степень развития серболужицко-немецкого двуязычия могла быть различной. Термины «сильная» и «слабая» колониза-

¹ Колонизация, в ходе которой славянское население истреблялось или оттеснялось на худшие территории, а земли славян занимали немецкие колонисты, конечно, означала одновременную германизацию данной территории. Но могли быть и такие формы колонизации, когда старое серболужицкое поселение получало нового владельца — немца, немецкие юнкеры основывали новые деревни с серболужицким населением или, наконец, новые деревни формировались при участии как серболужицкого, так и немецкого населения, т. е. были смешанными по своему характеру. Таким образом, немецкая колонизация не означала одновременно во всех случаях германизацию серболужицкого населения.

ция не дают ясного представления о конкретной лингвистической ситуации.

Переход к двуязычию в отдельных районах серболужицкой языковой территории совершался в разное время в течение длительного периода. В настоящее время серболужичане являются единственным славянским народом, для которого характерно «полное коллективное двуязычие» (Michalk 1975: 57): все носители серболужицкого языка владеют немецким. Такое двуязычие установилось только в первой половине XX в.

Политические и социальные причины привели к тому, что серболужицкий язык на всей территории своего распространения с самого начала был языком крестьянского населения, крепостных подданных. В деревнях, населенных серболужичанами, до конца XVIII в. серболужицкий язык был основным разговорным языком, а немецкий функционировал как второй язык (Nedo 1958: 220–221). В городах, расположенных на серболужицкой языковой территории, при указанной выше смешанной структуре населения основным языком был немецкий. Городские жители быстрее становились двуязычными.

Темпы перехода серболужичан к двуязычию, а в итоге часто к немецкому одноязычию определялись активностью властей в проведении политики германизации в данной конкретной области. Так, уже к концу XVIII в. относятся запреты на использование серболужицкого языка в судопроизводстве. Любое обращение к властям допускалось исключительно на немецком языке. В административных делах и в церковной жизни практиковался устный перевод с немецкого на серболужицкий.

Действия властей, направленные на искоренение серболужицкого языка и культуры, были постоянным фактором истории серболужицкого народа. Это не могло не влиять на условия формирования и развития серболужицкой письменности, а затем и литературного языка. Терпимость феодальных и церковных властей по отношению к серболужицкому языку в период Реформации и до ее начала была связана с экономическим и политическим значением той или иной части серболужицкой языковой территории и политической ситуацией данного момента. Так, в маркграфстве Верхняя Лужица

при конфессиональной разобщенности серболужицкого населения политика искоренения серболужицкого языка в XVI–XVIII вв. проводилась не столь последовательно, как в маркграфстве Нижняя Лужица (Mětšk 1959: 145). Соответственно судьба серболужицкого языка в письменности складывалась здесь по-разному.

Специфические исторические условия развития серболужицкого языка, отношение к нему властей во многом обусловили особенности развития серболужицкой письменности: сам факт позднего ее появления, а следовательно, и отсутствие у нее длительной традиции, своеобразный жанровый характер письменных произведений на протяжении длительного периода.

Началом серболужицкой письменности считается XVI в., к которому относятся самые ранние из дошедших до нас серболужицких памятников. В это время можно уже говорить об отдельном существовании верхне- и нижнелужицкой письменности. Процесс их формирования и результаты последующего развития обнаруживают ряд особенностей и отличий друг от друга.

В период Реформации в Германии особое значение имело распространение церковных текстов, содержащих основные положения учения Мартина Лютера. В серболужицкой области возрастает потребность в лютеранских священниках — квалифицированных толкователях нового учения, хорошо знающих серболужицкий язык. Не случайно в университете Франкфурга-на-Одере во второй половине XVI в. были организованы занятия серболужицким языком, хотя, по-видимому, вне основного учебного плана (Mětšk 1965: 73).

Именно с Реформацией связано появление первых — переводных — серболужицких богослужебных книг, которые находили применение в пределах отдельных церковных приходов (наряду с устным толкованием священных текстов для прихожан). С этого времени можно говорить о функционировании серболужицкого языка не только в устной, но и в письменной форме. Для данного периода истории серболужицкой письменности, однако, характерно, что переводы церковных текстов были единичными и использовались узким кругом лиц, широкого распространения среди носителей языка они не имели.

Поскольку эти переводы были предназначены для нужд конкретных приходов, они создавались на базе соответствующих диалектов. Так, перевод Нового Завета Миклавша Якубицы (1548) отражает ныне исчезнувший восточнолужицкий жаровский диалект, «Вольфенбюттельская псалтирь» 2-й половины XVI в. — западнонижнелужицкий диалект окрестностей Лукова (Лукау), а первая нижнелужицкая печатная «Книга песнопений и катехизис» Альбина Моллера — диалект северной части области Блота (Верхний Шпреевальд).

При наличии источников, относящихся к разным синхронным срезам и фиксирующих особенности одного диалекта, оказываются возможными наблюдения над его развитием¹. Но чаще письменный текст с чертами того или иного диалекта оставался изолированным опытом его фиксации, не получавшим продолжения в последующие периоды истории серболужицкой письменности. Ввиду этого исследователь в большинстве случаев имеет дело с одним письменным памятником и лишен возможности сверить его данные с материалом других источников. В связи с этим возникает вопрос, в какой мере язык данного памятника можно считать соответствующим живому диалекту. На практике оказывается, что письменный текст бывает близок диалекту, но не отражает полностью его состояние, что связано с особенностями перевода церковного текста. Определенная обработанность такого текста обуславливает его известную дистанцированность от устной формы диалекта. При этом следует учитывать возможное обращение переводчика к другим авторитетным для него — не лужицким — переводам данного текста. Таким образом, в переводе может быть представлена языковая система, отличная от системы живого диалекта. С другой стороны, отсутствие влияния на такой перевод собственной письменной традиции, которая у лужицких сербов в этот период только складывалась, способствовало сохранению локальной окрашенности первых серболужицких церковных книг. В довершение следует отметить, что серболужицкие памятники представляют собой оригиналы переводов, а не списки с них.

¹ Подобного рода исследование было проведено Ф. Михалком на материале куловского диалекта (Michalk 1968).

Единичный характер серболужицких переводов, в частности нижнелужицких, во многом объясняется германизаторской политикой властей, в результате которой готовые переводы и другие тексты оставались в рукописи. Так, не были напечатаны и теперь считаются утраченными нижнелужицкая грамматика и словарь говора окрестностей Букойца (Бухгольца) Хандроша Тары (Mětšk 1965: 89).

Формирование серболужицкой письменности, на которое оказывали влияние факторы социального, политического и конфессионального характера, было процессом медленным, сложным и противоречивым. Судьба серболужицкой письменности в пределах верхне- и нижнелужицкой территорий обнаруживает ряд особенностей уже в первый период ее развития.

Начало серболужицкой письменности связано с нижнелужицкой территорией¹. Первые памятники возникают не в центральной части Нижней Лужицы, а на ее окраинах: в северных районах — на территории так наз. Вендского (т. е. серболужицкого) округа бренденбургской Курмарки, на западе и на востоке нижнелужицкой языковой территории.

Редкие и изолированные опыты письменной фиксации говоров отдельных областей Нижней Лужицы не стали авторитетными для переводчиков из других местностей. Кроме того, язык нижнелужицкой церковной литературы с явно выраженными местными чертами не мог конкурировать с литературным немецким. Этому препятствовала и общая неграмотность серболужицкого населения.

Тридцатилетняя война означала конец первого периода развития серболужицкой письменности, процесс формирования которой был прерван. Последствия войны особенно тяжело сказались на нижнелужицкой языковой территории. Она уменьшилась почти на треть, причем главным образом за счет окраинных районов, где в XVI в. появились первые ростки нижнелужицкой письменности. Позже в эти области массово привлекалось немецкое население, что при-

¹ Подробнее о становлении письменности и литературного языка в Нижней Лужице см. (Ермакова 1979б).

вело к изменению здесь этнического состава жителей и проникновению немецкого языка в серболужицкие деревни. Однако в центральных районах маркграфства Нижняя Лужица и в округе Коттбус соотношение немецкого и нижнелужицкого населения изменилось очень незначительно (Mětšk 1962: 11).

В 50-е — начале 60-х гг. XVII в. в Вендском округе бранденбургской Курмарки предпринимаются попытки создать заново нижнелужицкий письменный язык, продолжив дело, начатое переводчиком катехизиса М. Лютера на восточнонижнелужицкий диалект Х. Тарой (1610). Этот период, относительно благоприятный для развития серболужицкой письменности в данном округе, однако, продолжался всего около 15 лет. Новые переводы церковных текстов, возникшие в результате этих попыток (1653–1656), в 1667 г. были уничтожены по распоряжению курфюрста, которое предусматривало полное запрещение богослужения на серболужицком языке с изъятием из церквей и школ и ликвидацией всех серболужицких книг и рукописей (Mětšk 1965: 129). Теперь остается лишь предполагать, какое значение могли иметь эти переводы для создания в северной части нижнелужицкой территории предпосылок развития нижнелужицкого литературного языка.

Действия властей ускорили процесс германизации в Вендском округе бранденбургской Курмарки. Важный культурный центр серболужичан на севере Нижней Лужицы перестал существовать, хотя в этнической структуре населения серболужичане здесь составляли значительный процент вплоть до XVIII в.

Второй период развития нижнелужицкой письменности и начало формирования нижнелужицкого литературного языка связаны с бранденбургско-прусским округом Коттбус. Начиная с последних десятилетий XVII в. и в течение XVIII в. здесь в силу ряда внутренне- и внешнеполитических причин сложились достаточно благоприятные условия для формирования нового культурного центра серболужичан. Толерантность властей по отношению к серболужицкому языку и культуре была обусловлена как стратегическим значением округа, так и характером его национальной структуры. Коттбус находился в центре маркграфства Нижняя Лужица и в XVIII в. был предметом соперничества Саксонии и Пруссии.

Большое значение имело и то, что на долю немецкого населения округа Коттбус в общей численности населения в XVI–XVIII вв. приходилось всего 10–15%.

Характерно, что политика уступок по отношению к серболужицкому языку распространялась только на данный округ. На территории маркграфства Нижняя Лужица осуществлялась откровенная политика ликвидации серболужицкого языка. Так, в округе Коттбус, в отличие от других районов Бранденбурга, обычным было серболужицкое богослужение.

В начале XVIII в. в серболужицкой деревне начинает развиваться школьное дело, и серболужицкий язык находит применение в процессе обучения. Это укрепляло позиции серболужицкого языка, которые в деревне были наиболее сильными. То, что сельские районы, окружавшие города, имели почти сплошь серболужицкое население, до известной степени сдерживало ассимиляцию серболужицкого городского населения. В смешанной же структуре городского населения преобладали немцы. Немецкий язык доминировал в городских церковных приходах, а в XVIII в. стал единственным языком богослужения даже в предместьях. Серболужицкое население в городах было двуязычным. Таким образом, в XVIII в. основными носителями серболужицкого языка в округе Коттбус были сельские жители. Плотность сельского серболужицкого населения здесь была очень велика. Серболужицкий язык в устной форме функционировал на всей территории округа. В большинстве сельских церквей на нем велось богослужение. Все эти условия в сочетании с политической ситуацией в округе в XVIII в. подготовили почву для создания реальных предпосылок формирования нижнелужицкого литературного языка и развития письменности.

При общей неграмотности крестьянского населения, низком уровне образования школьных учителей принимать непосредственное участие в создании и развитии нижнелужицкой письменности могли только священники, серболужичане или немцы, чья деятельность протекала в серболужицкой среде.

В такой обстановке в течение XVIII в. в Нижней Лужице появляются переводы церковных текстов. Их авторами в большинстве случаев были священники из деревень, расположенных в окрест-

ностях Хошебуза (Коттбуса). Письменная практика создателей переводов основывалась на знании диалекта данной местности, а закрепление их опыта в переводческой деятельности привело к тому, что хошебузский диалект стал своего рода эталоном. Он лег в основу переводов Нового Завета (1709) и катехизиса Мартина Лютера (1706), которые осуществил Ян Богумил (Иоганн Готтлиб) Фабрициус. Введенные им орфографические нормы позже развили переводчик Ветхого Завета (издан в 1796) Ян Бедрих Фрыцо (Иоганн Фридрих Фритце), автор первой печатной нижнелужицкой грамматики (1761) Иоганн Готтлиб Гауптман и др.¹

В XVII в. округ Коттбус становится центром нижнелужицкого книгопечатания и издательского дела, хотя по объему печатной продукции он значительно уступал маркграфству Верхняя Лужица.

Другим культурным центром серболужичан в XVIII в. стал Будишин (Бауцен) в Верхней Лужице. Одной из важных особенностей серболужицкой общественной жизни здесь была конфессиональная разобщенность населения, большинство которого в период Реформации перешло в лютеранство, меньшая же часть в районе между Будишином, Каменцем и Войерецами (Хойерсвердой) осталась в лоне католической церкви.

В Верхней Лужице так же, как и в округе Коттбус, сложились благоприятные условия для развития серболужицкого языка и письменности. В церковной жизни протестантов и католиков употребление серболужицкого языка не только допускалось, но и поощрялось. Во второй половине XVII в. здесь вышло много печатных книг, как протестантских, так и католических. В основу языка протестантской письменности лег будишинский диалект, в то время как католическая письменность возникла на базе западноверхнелужицкого куловского диалекта. В дальнейшем протестантская и католическая письменные традиции дали начало двум вариантам верхнелужицкого литературного языка.

Как и в округе Коттбус, терпимость по отношению к серболужицкому языку со стороны властей была вызвана конкретной общественно-политической ситуацией: при сосуществовании двух

¹ См. (Schuster-Šewc 1967: 18), (Schuster-Šewc 1977: 32).

групп населения различного вероисповедания курс на полное искоренение серболужицкого языка, подобный тому, какой был взят в маркграфстве Нижняя Лужица, здесь был невозможен (Mětšk 1959: 145).

По инициативе представителей верхнелужицких сословий в 1703 г. была созвана комиссия верхнелужицких лютеранских священников, представлявших различные диалектные территории Верхней Лужицы, с целью выработать единую наддиалектную норму на основе будишинского идиома. Результатом этой работы был протестантский перевод Библии, напечатанный в 1728 г. Католический перевод, оставшийся в рукописи, осуществил в 1688–1707 гг. священник из Кулова (Виттихенау) Юрий Хавштын Светлик (Георг Августин Свотлик)¹.

Таким образом, в XVIII в. формируются три письменных варианта серболужицкого языка. Различия между верхнелужицким протестантским и католическим вариантами были преодолены только в XIX в.

Нижнелужицкий и верхнелужицкий письменные языки в начальный период своего развития использовались в основном для создания церковных текстов. Светские жанры были представлены главным образом грамматическими трудами, рукописями словарей, медицинскими руководствами для сельского серболужицкого населения. Характерно, что вступительные разделы и пояснения — в частности, к нижнелужицким переводам — обычно были написаны по-немецки.

В результате параллельного развития верхне- и нижнелужицкой письменности ко второй половине XIX в. сформировались два относительно стабильных серболужицких литературных языка (или два варианта серболужицкого литературного языка): верхне- и нижнелужицкий. Их возникновение и параллельное функционирование вплоть до настоящего времени находит различные объяснения, связанные с положительным или отрицательным решением вопроса о единстве серболужицкого языка.

¹ Подробнее о становлении обеих традиций верхнелужицкой письменности см. (Ермакова 2008: 116).

Для исследователей, говорящих о двух серболужицких языках, существование двух литературных языков является одним из доказательств отсутствия серболужицкого языкового единства. Основной причиной возникновения двух литературных языков они считают языковые расхождения, унаследованные от древнейшего периода, как и более поздние, обусловленные особенностями развития языка на различных территориях (см. Schuster-Šewc 1967: 17).

Сторонники противоположной точки зрения, объясняя существование двух вариантов серболужицкого литературного языка, как они их называют, ссылаются главным образом на причины административного характера (Lötzsch 1963: 182–183). В доказательство решающего значения именно этих причин приводится использование протестантского варианта верхнелужицкого литературного языка, опирающегося на будишинский диалект, в тех протестантских сельских общинах, где были распространены нижнелужицкие или родственные нижнелужицким говоры.

Не останавливаясь подробно на аргументации сторонников этих разных точек зрения, мы хотели бы отметить, что, по нашему мнению, весь ход серболужицкого языкового развития свидетельствует о необходимости учитывать целый комплекс факторов. На возникновение нескольких литературных языков или вариантов литературного языка (нижнелужицкого, верхнелужицкого протестантского и католического) оказали влияние и диалектная дифференциация, и административные меры властей, руководствовавшихся определенной политикой, и конфессиональная разобщенность населения. Сказалась также неграмотность, культурная отсталость подавляющей массы серболужицких крестьян — основных носителей языка, в условиях которой все попытки утверждения литературных норм, особенно на ранних этапах развития серболужицкой письменности, неизбежно оставались изолированными. Вся эта совокупность факторов характеризует специфику возникновения верхне- и нижнелужицкой письменности, верхне- и нижнелужицкого литературных языков. Отдавать предпочтение какой-то одной группе причин, например политических перед языковыми (диалектными) и социальными, при объяснении множественности письменных языков значит, по нашему мнению, несколько упростить реальную картину языкового развития.

В завершение хотелось бы отметить, что основные социальные, политические и лингвистические особенности, рассмотренные в данной статье, характерны почти для всей истории серболужицкого языка с конца X до середины XX в. Здесь мы позволили себе ограничить анализируемый период первой половиной XVIII в. — временем зарождения у серболужичан литературных языков, уделив несколько большее внимание развитию в Нижней Лужице.

Выше говорилось о несколько замкнутом, консервативном характере серболужицкого письменного языка и о культурно-исторических причинах этого явления. Это замечание можно распространить на всю историю серболужицкого языка.

Своеобразие исторического развития создало особое положение серболужичан в славянском мире. Проживание на периферии славянской языковой территории, в пределах чужих государств, необходимость отстаивать свою самобытность в языке, культурных традициях, преодолевать социальную и культурную приниженность, длительный контакт с немецким языком, специфика взаимоотношений между серболужицкими диалектами и серболужицкими литературными языками при их соперничестве с немецким — все это обусловило в определенной мере островной характер серболужицкого языка. Отсюда и некоторая архаичность отдельных участков грамматической структуры серболужицких диалектов, и отличия в протекании языковых изменений общеславянского масштаба при сходстве в их конечных результатах. Наиболее известные примеры серболужицких архаизмов в грамматике — это сохранение категории двойственного числа в большей части диалектов и в обоих литературных языках, а также сохранение простых (синтетических) форм прошедшего времени глагола в части верхнелужицких говоров и в литературном языке. Число таких примеров нетрудно умножить.

Литература

- Ермакова 1979а — *Ермакова М. И.* Нижнелужицкое именное словоизменение. Имя существительное. М., 1979.
- Ермакова 1979б — *Ермакова М. И.* Из истории нижнелужицкого литературного языка (XVI — начало XIX в.) // Славянское и балканское

- языкознание. История литературных языков и письменности. М., 1979.
- Ермакова 2008 — *Ермакова М. И.* Роль серболужицких литературных языков в формировании культуры серболужичан в период национального возрождения // Литературные языки в контексте культуры славян. М., 2008.
- Калнынь 1062 — *Калнынь Л. Э.* Диалектологический аспект проблемы «язык и диалект» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXXV, I. М., 1962.
- Летч 1962 — *Летч Р.* Некоторые вопросы морфологической дифференциации лужицких диалектов в связи с общеславянским лингвистическим атласом // Материалы и исследования по Общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968.
- Шустер-Шевц 1976 — *Шустер-Шевц Г.* Место серболужицкого языка среди других славянских языков // Вопросы языкознания. 1976. № 6.
- Faska 1972 — *Faska H.* Wuwice ak./gen. jako wuraz kategorije žiwosće, resp. kategorije racionalnosće w serbšćinje // Lětopis. Rjad A. Č. 19/1. Bautzen, 1972.
- Faska 1977 — *Faska H.* Hišće raz k prašenju kategorijow žiwosće a racionalnosće w serbšćinje // Lětopis. Rjad A. Č. 24/2. Bautzen, 1977.
- Lötzsch 1963 — *Lötzsch R.* Das Problem der obersorbisch-niedersorbischen Sprachgrenze // Zeitschrift für slavische Philologie. 1963. Band VIII, H. 2.
- Lötzsch 1965 — *Lötzsch R.* Einheit und Gliederung des Sorbischen. Akademie-Verlag, Berlin, 1965.
- Lötzsch 1967 — *Lötzsch R.* Niektóre właściwości morfologiczne przejściowych dialektów górnołużycko-dolnołużyckich // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. 1967. Nr 7.
- Mětsk 1959 — *Mětsk F.* Der Anteil der Stände des Markgraftums Oberlausitz an der Entstehung der obersorbischen Schriftsprache, 1668–1728. Zeitschrift für slavische Philologie. 1959. Band XXVIII, H. I.
- Mětsk 1962 — *Mětsk F.* Die brandenburgisch-preußische Sorbenpolitik im Kreise Cottbus. Vom 16. Jahrhundert bis zum Posener Frieden (1806). Berlin, 1962.
- Mětsk 1965 — *Mětsk F.* Der Kurmärkisch-wendische Distrikt. Ein Beitrag zur Geschichte der Territorien Därwalde, Beskow, Storkow, Teupitz und Zossen unter besonderer Berücksichtigung des 16. bis 18. Jahrhunderts. Bautzen, 1965.
- Michałk 1968 — *Michałk F.* Kulowski dialekt džensa a před 300 lětami. Přinošk k serbskej historiskej dialektologii // Sorabistiske přinoški k VI. mjezymarodnemu kongresej slawistow w Praze. Bautzen, 1968.

- Michalk 1975 — *Michalk F.* Die sorabistische Sprachwissenschaft in der DDR // Македонски јазик XXVI. Скопје. 1975.
- Nedo 1958 — *Nedo P.* Wo wuwicu dwurěcnosće we Łužicy // Rozhľad. 1958. S. 220–221.
- Schuster-Šewc 1959 — *Schuster-Šewc H.* Sprache und ethnische Formation in der Entwicklung des Sorbischen // Zeitschrift für Slawistik. 1959. Bd. IV.
- Schuster-Šewc 1967 — *Schuster-Šewc H.* Sorbische Sprachdenkmäler. 16.–18. Jahrhundert, Bautzen, 1967.
- Schuster-Šewc 1977 — *Schuster-Šewc H.* Wuwiće spisowneje rěče pola Lužiskich Serbow // Sorabistiske přednoški 1977. Budyšin, 1977.
- Sorbischer Sprachatlas. Bd. 1. Bautzen, 1965. Bd. 11. Bautzen, 1975. Bd. 12. Bautzen, 1988.
- Stawizny Serbow. Zwjazk I. Bautzen, 1977.
- Stieber 1934 — *Stieber Z.* Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich. Kraków, 1934.
- Wirth 1933 — *Wirth P.* Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas. 1. Lief. Leipzig, 1933. 2. Lief. Leipzig, 1933.

Т. Левашкевич (Познань)

СТАТЬИ С ОЦЕНОЧНЫМИ ПОМЕТАМИ В ВЕРХНЕЛУЖИЦКОМ СЛОВАРЕ Ю. КРАЛЯ (1927–1931) НА ФОНЕ ИХ СООТВЕТСТВИЙ В ДРУГИХ СЛОВАРЯХ

В 1847 г. возникла «Матица Серболужицкая» (Maćica Serbska) — объединение в поддержку серболужицкого просвещения, национальной культуры и науки. По его инициативе произошло слияние двух вариантов верхнелужицкого письменного языка (протестантского и католического), в результате чего в течение второй половины XIX в. сложился относительно унифицированный внеконфессиональный литературный язык. В 1848–1867 гг. К. Б. Пфуль кодифицировал верхнелужицкую орфографию (введя так наз. аналогическое правописание), орфоэпию, морфологию и лексику (Pful 1848, 1866, 1867).

До 40-х гг. XIX в. верхнелужицкая письменность имела почти исключительно религиозный характер¹. С 1842 г. начал выходить еженедельник «Гыдженьска Новина» (*Tydzenska Nowina / Tydzenske Nowiny*), с 1848 г. — научный журнал «Часопис Товарства Мачицы Сербскее» (*Časopis Towarstwa Maćicy Serbskeje*), в 1873–1937 гг. под названием «Часопис Мачицы Сербскее» (*Časopis Maćicy Serbskeje*). Верхнелужицкий язык постепенно становился языком нового типа, обслуживающим различные функциональные стили. Чтобы удовлетворять требованиям развития цивилизации, этот язык должен был обладать необходимыми лексическими ресурсами. Представители национального и языкового возрождения (публицисты, писатели, филологи, священники, учителя) внедряли в письменный язык неологизмы, построенные по серболужицким словообразовательным моделям, иногда архаизмы или народную лексику, но прежде всего заимствования из других славянских языков (в основном чешско-

¹ Лишь незначительную роль в истории верхнелужицкого языка сыграли ежемесечники Я. Б. Дейки 1809–1812 гг.

го) с сохранением соответствующих фонетических особенностей или морфологически адаптированные. Обращение к славянским образцам в лексике представляло собой одно из проявлений идеи славянской взаимности. Некоторые серболужицкие деятели (какое-то время, в частности, Я. П. Йордан и Я. А. Смолер) даже были сторонниками создания общеславянского языка (Lewaszkiewicz 1995; Lewaszkiewicz 2014). В то же время в Лужице получил развитие языковой пуризм, проводники которого старались ограничить распространение немецких заимствований, устраняя многие уже прижившиеся в языке лексические германизмы. При этом, однако, в значительной степени допускалось калькирование немецких слов, поскольку такие лексемы можно было признать своими. Не столь критическим было также отношение к интернационализмам. Пуризм оставался заметной чертой серболужицкой языковой политики почти до 60-х гг. XX в.

Много новых слов (неологизмов и заимствований из других славянских языков) включил в свой словарь К. Б. Пфуль (1866). Этой проблематике посвящен целый ряд работ, прежде всего (Stone 1971), (Lewaszkiewicz 1986), (Lewaszkiewicz 1994), (Siatkowska 2008), (Bura 2012), (Bura 2013). Специально лексическими богемизмами в словаре Пфуля занимается Р. Бура.

К. Б. Пфуль в своем словаре снабжал некоторые лексемы оценочными пометами (например: *šnicy* — *besser šnicy*, *wojnar* — *besser kołodźij*) и при отдельных статьях ставил звездочку (например: *deskować**, *lětorost**, *plašćikować**, *wapno**). Звездочкой, по всей видимости, помечены новые слова. Не думаю, чтобы К. Б. Пфуль рекомендовал их избегать. Оценочные пометы в словаре Пфуля заслуживают отдельного исследования.

Много новой лексики включил в свой словарь Ф. Резак (1920). Это, с одной стороны, кальки немецких слов, а с другой — славизмы. Не подсчитано, сколько неологизмов и славизмов он перенял у Пфуля. Существует мнение, что словарь Резака изобилует искусственными лексемами. По моему убеждению, по крайней мере часть этой лексики Резак почерпнул из верхнелужицкой периодики. Впрочем, нередко это были слова, употребленные лишь окказионально.

При 136 лексемах и 12 семантических вариантах в словаре Резака находим букву **R** с точкой, что в списке сокращений расшифровано как *Redaktion*. В этих статьях можно усматривать лексические и семантические предложения составителя словаря или его помощников (Lewaszkiwicz 1980)¹.

В словаре Резака я не обнаружил оценочных помет при отдельных лексемах, типа *eigentlich* ‘собственно, по существу’, *besser* ‘лучше’, *gebräuchlicher* ‘более употребительно’. Как представляется, слова, трактуемые как малотипичные, редкие, устаревшие, слишком разговорные, сомнительные с точки зрения их правильности и т. д., лексикограф помещает в скобках, ср. Hahn: *kokot, kokor (kapon)...*; Kaninchen: *nuk(l) (karnykel)*; Kutsche: *škleňčany, kryty wóz (korejta)*; bemänteln: *po-, při-, zakryć, zawodźewać ..., (plašćikować)*. В будущем стоило бы проследить дальнейшую судьбу этих слов в верхнелужицком языке.

Ю. Краль в своем словаре при 112 лексемах приводит альтернативные варианты, которые считает более предпочтительными, например: *binda* ‘Binde’ — *besser pask*; *herba* ‘Erbe’ — *besser namrěwc, džědźiěl*. Этим материалом я и буду заниматься в дальнейшем изложении.

Аналогично поступал Ф. Якубаш (1954), в словаре которого находим 329 лексем, помеченных звездочкой (Lewaszkiwicz 2013). Она выступает при заглавных лексемах статей (303), семантических вариантах (7), морфологических вариантах (3), фонетических вариантах (11) и верхнелужицких именах собственных (5). Звездочки при заглавных лексемах сигнализируют, что это слова устаревшие, неправильно образованные или нетипичные. Замечания, касающиеся правильности, вызывают у автора также семантические, морфологические, графико-фонетические варианты и собственные наименования. Предпочитаемые соответствия лексикограф предваряет пометами *richtig* ‘правильно’, *eig.* = *eigentlich* ‘собственно, по существу’, *besser* ‘лучше’, *gebräuchlicher* ‘более употребительно’. Здесь я лишь упомяну, что в словаре П. Фёлькеля (1981, 2005) от-

¹ На последней странице своего труда Ф. Резак указывает, что в работе ему помогли, в частности, Й. Якубаш, М. Навка, Ю. Либш и студенты из «Сербовки».

мечены только 102 статьи (33,6%) из 303 снабженных оценочными пометами у Якубаша.

В словаре Якубаша есть также некоторое количество лексем без звездочек, при которых помещены варианты, признаваемые более предпочтительными, например: *bětnar* — richtig: *sudar*; *herbstwo* — eig. *namrěwk*, *džědžinstwo*; *měca* — eig. *čapka*, *kapa*; *pruslica*, *-nica* — richtig: *brusnica*; *rózynka* — richtig: *hrózynka*; *šnapać*, *-nje* — richtig: *łapać*; *tótka* — richtig: *rowař*. Этот материал также заслуживает исследования.

Как я уже упоминал, в словаре Краля оценочные пометы встречаются в 112 статьях. В том числе ими снабжено 89 существительных, 16 глаголов, 5 прилагательных, одно словосочетание *zelena (módra) wróna (=rjehawa)* и одно предложное сочетание с местоимением *ksebi = k sebi*. Эти лексемы автор словаря не рекомендует использовать в языковой практике или вообще считает лишними, неприемлемыми в языке. Тем не менее он приводит их, поскольку они употреблялись в разговорном и, по всей вероятности, письменном верхнелужицком языке. Игнорируя их, он не мог бы дать им негативную оценку и предложить соответствия, которые считал предпочтительными, более правильными или абсолютно корректными. Тем самым Краль предоставлял использующим верхнелужицкий язык возможность проверить, относится ли то или иное слово с точки зрения его лексикографического и одновременно нормативного труда к кодифицированному словарному составу языка.

При 112 лексемах, снабженных оценочными пометами, Краль дает 162 соответствия, которые считает приемлемыми, в полной мере прижившимися в верхнелужицком языке или заслуживающими распространения.

Из 112 лексем с оценочными пометами у Краля около 85% составляют германизмы или кальки немецких слов, тогда как их соответствия (всего 162 лексем) с пометой *besser* — это почти на 90% серболужицкая или, шире, славянская лексика, а остальные

слова (около 10%) представляют собой хорошо освоенные германизмы (часть из них приходится на долю интернационализмов и слов с интернациональными морфемами), например: *papjerka*, *sokornik*, *кара*, *šolta*. Это доказывает, что Краль был пуристом, т. е. боролся с лексикой, заимствованной из немецкого языка, отдавая предпочтение словам серболужицкого или инославянского происхождения.

Интересные выводы можно сделать, сравнивая с точки зрения статей с оценочными пометами словарь Краля со словарями Пфуля (Pful 1866), Резака (Řezak 1920), Якубаша (Jakubaš 1954) и 5-м изданием словаря Фёлькеля (Völkel 2005).

Оказывается, что словарь Пфуля содержит 86 лексем, снабженных оценочными пометами, как у Краля, т. е. 76,1% их корпуса в словаре последнего, и 109 их соответствий с пометой «лучше», т. е. 67,2% включенных Кралем. В словаре Резака лексем с оценочными пометами, как у Краля, только 28 (т. е. 24,8%), зато предпочитаемых соответствий добавлено 137 (т. е. 84,6%). Якубаш вслед за Кралем дает 78 лексем с оценочными пометами (т. е. 69%) и 118 их замен (т. е. 72,8%). В 5-м же издании словаря Фёлькеля лексем с оценочными пометами Краля всего 66 (т. е. 59%) и 110 включенных Кралем замен (т. е. 67,9% их состава у Краля). Из 89 существительных, снабженных оценочными пометами у Краля, в 5-м издании словаря Фёлькеля нет 32, из 16 глаголов вслед за Кралем даны лишь 5, из 5 прилагательных — 4; критикуемая Кралем форма *ksebi* (вместо *k sebi*) у Фёлькеля присутствует.

Эти данные позволяют сделать несколько выводов.

К. Б. Пфуль был умеренным приверженцем лексического пуризма. Он считал, что лексическая система верхнелужицкого языка должна обогащаться прежде всего за счет неологизмов, опирающихся на исконные словообразовательные модели, а также за счет заимствований (полных или морфологически адаптированных) из других славянских языков, главным образом из чешского. При этом он не впадал в крайность, устраняя из словаря немецкие заимствования. Лексемы с оценочными пометами, содержащиеся у Краля, в его словаре представлены на 66% (73 статьи); остальные — это

слова, либо сознательно опущенные, либо неизвестные верхнелужицкому письменному и разговорному языку.

Радикальным пуристом оказался Ф. Резак. Он не включил в свой словарь много лексем немецкого происхождения, представленных у Пфуля, как и употребительных в верхнелужицком языке слов. Из 28 статей, совпадающих со статьями, содержащими оценочные пометы у Краля, целых 15 он привел в скобках, что означает, что он считал их всего лишь допустимыми в языке.

Краль выступил продолжателем пуристической политики Резака. Лексемы с оценочными пометами он помещал в своем словаре главным образом для того, чтобы обратить внимание на их соответствия, которые он оценивал как предпочтительные. Большинство из них уже ранее зафиксировал Резак.

Аналогично действовал Якубаш. В своем словаре он мог бы игнорировать многие из лексем, снабженных оценочными пометами у Краля, однако он понимал, что они продолжают употребляться в верхнелужицком языке, и как пурист старался внушить его носителям, что существуют их более предпочтительные замены. Отсюда и оценочные пометы в его словаре: *besser, richtig, eigentlich*. Словарь Якубаша возник в тот период, когда в верхнелужицком была сильна послевоенная волна языкового пуризма. Тогда многие лексические германизмы пытались заменить заимствованиями из других славянских языков. К сторонникам такой языковой политики принадлежал и М. Навка. Во второй половине 50-х гг. XX в. языковой пуризм уже не имел поддержки. Борьба с германизмами в ситуации немецко-серболужицкого двуязычия и в полном смысле слова диглоссии была признана бессмысленной. Свою роль в этом сыграли и политические факторы. Борьба с германизмами могла быть расценена как борьба против «немецкого социалистического государства».

Пуризм Резака, Краля и Якубаша был эффективен лишь отчасти. По свидетельству Фёлькеля, в верхнелужицком языке с 70-х гг. XX в. полностью укоренилось около 60% не рекомендуемых Кралем лексем. При этом, однако, было усвоено также почти 70% их соответствий, которые Краль оценивал положительно.

В верхнелужицком языковом сообществе победил здравый рассудок: большая часть критикуемой лексики была тем не менее принята,

но в еще большей степени прижились слова, получившие одобрение лексикографов. В результате произошло значительное обогащение лексической синонимии верхнелужицкого языка. Довольно часто слова, которые ранее считались нежелательными, и предлагавшиеся вместо них эквиваленты сейчас функционируют параллельно.

В заключение приведу данные о наличии/отсутствии отдельных лексем, снабженных оценочными пометами у Краля, и предложенных им более предпочтительных соответствий в словарях, издававшихся до и после словаря Краля.

Сокращения словарей: Pf (Pful), R (Rězak), J (Jakubaš), V5 (Völkel — 5-е издание). Прочие сокращения: b. = besser ‘лучше’, eig. = eigentlich ‘собственно’, dl. = нижнелужицкий. Ниже, а также в Приложении знак + обозначает наличие, а знак — отсутствие лексемы в словаре. Только знак + в скобках означает, что данное словосочетание существует в языке, хотя оно не зафиксировано в словарях. Буква *ř* в существительных заменена буквой *r*.

Kral: **bětnar** ‘Böttcher’ — b. **sudowjer, sudar**

bětnar	sudowjer	sudar
Pf–	Pf+ sudobjer	Pf–
R+ (bětnar)	R+ sudowjer/sudobjer	R+
J+ bětnar — richtig: sudar, sudowjer	J+	J+
V5 bětnar (↑dóncar/sudar)	V5–	V5+

Kral: **buncl** ‘Filzschuh’ — b. **punčuch**

buncl	punčuch
Pf+	Pf–
R+	R+
J+	J+ (punčoch)
V5+	V5–

Kral: **hamt** ‘Amt’ — b. **zastojnstwo**

hamt	zastojnstwo
Pf+	Pf+
R–	R+
J+: eig. zarjad	J+
V5+ hamt (↑zarjad)	V5–

Kral: kasa ‘Kasse’ — b. pokładnja

kasa	pokładnja
Pf–	Pf–
R–	R+
J–	J+
V5+ kasa (↑pokładnja)	V5+

Kral: klempnar ‘Klempner’ — b. blachač

klempnar	blachač
Pf+	Pf–
R–	R+
J–	J– (+blachar)
V5+ klempnar (↑klampnar)	V5–

Kral: konditor ‘Konditor’ — b. cokornik(ar)

konditor	cokornik	cokornikar
Pf–	Pf+	Pf+
R–	R+	R+
J+ konditar	J+	J–
V5+ konditor (↑konditar)	V5–	V5–

Kral: lak ‘Lack’ — b. swětlak

lak	swětlak
Pf+	Pf–
R–	R (+swětlík)
J+	J–
V5+	V5–

Kral: mantl ‘Mantel’ — b. płašć, wodźew

mantl	płašć	wodźew
Pf+	Pf+	Pf+
R–	R+	R+
J+ (eig. płašć)	J+	J–
V5+ mantl (↓płašć)	V+	V–

Kral: płašćikować ‘bemänteln’ — b. zawodźewać

płašćikować	zawodźewać
Pf+ płašćikować*	Pf+
R+ (płašćikować)	R+
J–	J+
V–	V+

Kral: **zmandželić so** ‘verehelichen’ — b. **ženić so, wudać so**

zmandželić so	ženić so	wudać so
Pf–	Pf+	Pf+
R+ (zmandželić so)	R+	R+
J–	J+	J+
V+	V+	V+

ПРИЛОЖЕНИЕ

Существительные (89)

Bětnar (V5+) – b. *sudowjer* (V5–), *sudar* (V5+); **binda** (V5+) – b. *pask* (V5+ с другим значением); **bjeńtuch** (V5–) ‘Pflaster’ – b. (*za*) *wobal(k)*, (*za*) *wjazk* (V5:–*wobalk*, –*zawobalk*, –*wjazk*, +*wobalka*, +*zawjazk* с другим значением); **blota** (V5+) – b. *cyhelica* (V5–); **bróstwonc** (V5–) ‘Kalmus’ – b. *wutrobny korjeń* (V5–); **buna** (V5+) – b. *bob* (V5+); **buncl** (V5+) ‘Filzschuh’ – b. *punčuch* (V5–); **cedla** (V5+) – b. *papjerka* (V5+); **dybzak** (V5+) ‘Tasche’ – b. *kapsa* (V5+); **dźowko-rěč** (V5–) – b. *pochadna rěč* (+); **faja** (V5–) ‘Tabakspfeife’ – b. *trubka* (V5+); **fajma** (V5+) ‘Schober’ – b. *worłtowc* (V5+); **ganzor, gjansor** (V5+ *ganzor*) – b. *husor* (V5+); **gmejna** (V5+) ‘Gemeinde’ – b. *wjes* (V5: –*wjes* ‘Gemeinde’, +*wjes* ‘Dorf’); **hadr(i)ja** (V5+) ‘Zank, Hader’ – b. *zwada* (V5+); **hadrowar** (V5–) ‘Zänker, Haderer’ – b. *wadžak* (V5+); **hamor** (V5+) – b. *klepač* (V5+); **hamt** (V5+) – b. *zastojnstwo* (V5+); **heča** (V5–) ‘Hetsche, Schemel’ – b. *podnóžk* (V5+); **herba** (V5+) – b. *namrěwc* (V5+), *džědźi cel* (V5+); **hewjer** (V5+) – b. *hórnik* (V5+); **hěbl** (V5+) – b. *tružawa* (V5+), *truhak* (V5+); **hěta** (V5+) – b. *jatka* (V5–), *jětka* (V5+ *jětki*), *budka* (V5+); **hobanka** (V5–) – b. *tružnica* (V5+), *tružna ławka* (V5–); **hóčka** (V5+) – b. *kwačka* (V5+); **hokar** (V5–) – b. *překupnik* (V5–); **honis** (V5–, V5+ *anis*) ‘Anis’ – b. *kopr* (V5+); **horjestaće** (V5–) – b. *zmortwych staće* (+); **hujnosť** (V5–) ‘Flüchtigkeit, Übereilung’ – b. *wuskučnost* (V5–), *přechwatnosť* (V5–, V5+ *přechwatny*); **kalk** (V5+) – b. *wapno* (V5+); **kanóna** (V5–) – b. *třělbi-na* (V5+); **kapon** (V5+) – b. *kokot* (V5+); **karbowc** (V5–) ‘Kerbstock’ – b. *zarězkowc* (V5–); **karnykel** (V5+ *karnikl*) ‘Kaninchen, Karnickel’ – b. *nuk(l)* (V5+); **kasa** (V5+) – b. *pokładnja* (V5+); **kerchow, kěrchow**

(V5+ *kěrchow*) – b. *pohrjebnišćo* (V5+); **klempnar** (V5+) – b. *blac-hač* (V5–); **kloc** (V5+) – b. *šćokowc* (V5+); 1. **klock** (V5+) ‘Klötzchen’ – b. *kušk* (V5+); 2. **klock** (V5+) ‘Stellholz’ (b. Sprenkeln), Absatz (a. Schuhwerk) – b. *pjeńk* (V5–); **konditor** (V5+ *konditar*) – b. *co-kornik(ar)* (V5–); **kopor** (V5+), **kopr** (V5–) – b. *měž* (V5–); **korb** (V5+) – b. *koš* (V5+); **korejŕ** (V5+ *korejta*) ‘Kutsche’ – b. *škleńčany kryty wóz* (V5–); **lak** (V5+) – b. *swětlak* (V5–); **lětorost** (V5–) ‘Jahrestrieb, -schoß’ – b. *kmut* (V5–); **lidora** (V5+) ‘liederlicher Mensch’ – b. *njeroda* (V5+); **lidrak** (V5–) ‘Verschwender’ – b. *přečinjak* (V5+), *brojak* (V5+); **lnja** (V5–) ‘Ausbund’ – b. *šibalk* (V5–); **lódka** (V5+) ‘Lade’ – b. *křinja* (V5+); **mandl** (V5+) – b. *pjatnatka* (V5+); **mantl** (V5+) – b. *plašć* (V5+), *wodźew* (V5–); **marka** (V5–) ‘Mark, Marke’ – b. *hriwna* (V5+), *znamka* (V5+); **mebl** (V5+) – b. (*domjaca*) *nadoba* (V5+); **měca** (V5+) – b. *čapka* (V5+), *kapa* (V5+ с другим значением); **měrkuš** (V5–) ‘Gedächtnis’ – b. *pomjatk* (V5+); **nutř-wjedźenje** (V5–) – b. *zawjedźenje* (V5+); **nyt** (V5–, V5+ *nit*) – b. *železak* (V5+); **pjelc** (V5–) – b. *ko-žuch* (V5+); **rejel** (V5–) ‘Riegel’ – b. *zasuwa* (V5+), *prěkuš* (V5+), *jaslica* (V5–); **rum** (V5+) – b. *přěstrjeń* (V5+ *přestrjeń*), *měst(no)* (V5+ *město*, *městno*); **ryna** (V5+) – b. *žlob* (V5+), *korto* (V5+), *lijel* (V5–, V5+ *lijawa*); **rynk** (V5+) – b. *rjad* (V5+); **sala** (V5+) – b. *žurla* (V5+), *lubja* (V5+); **stil** (V5+) – b. *sloh* (V5–); **swětostworjenje** (V5–) – b. *stworjenje swěta* (+); **šalka** (V5+) – b. *kopik* (V5+ с другим значением); **šelma** (V5+) – b. *slěpc* (V5+), *worakawc* (V5+), *njesprawnik* (V5–), *njeprawnik* (V5–), *šwerak* (V5–); **šmara** (V5+) ‘Schmarre, Hieb-wunde’ – b. *bluzna* (V5+), *narub(k)* (V5–), (*roz*)*kwěk* (V5+), (*roz*)-*kr(w) awańca* (V5–); **šnica, šnicy** (V5–) – b. *snicy* (V5+); **šnupač** (V5–) – b. *šćipak* (V5+); **špjena** (V5–) – b. *třeska* (V5+), *drjeńka* (V5–), *wos-łon* (V5–); **špjeńc** (V5–) ‘Stachel, Schieber’ – b. *třeska* (V5+); **špundowanje** (V5+) – b. *tło* (V5+), *podłoha* (V5+); **šrótownja** (V5–) – b. *krupjak* (V5–); **štomrjad** (V5–) ‘Baumreihe’ – b. *štomownja* (V5+); **štryk** (V5+) – b. *powjaz* (V5+); **šumjel** (V5+) – b. *běloš* (V5–); **šunka** (V5+) – b. *pleco* (V5+); **tótka** (V5+) – b. *rowar* (V5+); **tótkowstwo** (V5–) – b. *rowarstwo* (V5–); **tresa** (V5+) – b. *nadšiwk* (V5–, V5+ *našiwk*) (eig. *pletwa*: V5+); **trompejta** (V5+ *trompeta*) – b. *taraka* (V5–), *truba* (V5+); **wjelba** (V5+ *wjelb*) ‘Gewölbe’ – b. *pinańca* (V5+); **wojnar** (V5+) – b. *kołodžej* (V5+), *wozar* (V5+); **wotročnik** (V5–) –

b. *ludźikupc* (V5–); *wotškodženje* (V5–, V5+ *wotškódnjenje*) – b. *zarunanje* (V5+); *wušikność* (V5+) – b. *wustoj(ność)* (V5+); *zawód* (in ein Amt) (V5+ *zawod*) – b. *zapokazanje* (V5+).

Глаголы (16)

Došćeć (V5–) ‘vollends pissen vulg.’ – b. *močić* (V5+); *gjanzorić* (V5–) ‘begatten’ – b. *husorić* (V5–); *horjestanyć* (V5–) – b. *z mortwych stanyć* (+); *hóčkować* (V5+) ‘häkeln’ – b. *sačkować* (V5+); *koštować* (V5+) – b. *woptać* (V5+ *woptawać*), *plaćić* (V5+); *nutř ćahnyć* (V5–) – b. *zaćahnyć* (V5+); *nutř-wjesć* (V5–) – b. *zawjesć* (V5+), *přiwožować* (V5–), *zapokazać* (V5+); *plašćikować* (V5–) – b. *zawodźewać* (V5+ *zawodźěwać*); *póslać* (V5+) für *pósćelać* (V5+) – b. *slać* (V5+); *sobudźělić* (V5–) ‘mitteilen’ – b. *zdźělić* (V5+); *šnapnyć* (V5–) – b. *hapnyć* (V5+), *slipnyć* (V5+), *lapnyć* (V5+); *špundować* (V5+) – b. *(wu)deskować* (V5+); *šuskać* (V5+) ‘hastig hin und her fahren, auswachsen’ – b. *wurość* (V5+); *wotkožić* (V5–) – b. *wudrěć*, *kožu sćahnyć* (Jakubaš: *wudrěć kožu*); *wumokać* (V5–) – b. *mokać* (V5+); *zmandźelić so* (V5+) – b. *ženić so* (V5+), *wudać so* (V5+).

Прилагательные (5)

Brašiwy (V5+) – b. *kipry* (V5+), *bědny* (V5+); *hinakbarbity* (V5–) – b. *druheje barby* (+); *rumny* (V5+) – b. *přescerny* (V5–, V5+ *přescernność*); *wólb(y)rny* (V5+ *wólberty*) ‘albern’ – b. *jankojty* (V5+), *blaznojty* (V5–), *hlupikojty* (V5+), *njelepy* (V5+), *klepnjeny* (V5+); *wušikny* (V5+) – b. *w u s t o j n y* (V5+), *kmamy* (V5+), *lepy* (V5–).

Другие случаи (2): *ksebi* (V5+) – b. *k sebi* (V5–); *zelena (módra) wróna* (V5–) – b. *rjehawa* (V5+), дл. *rjegawa*.

Литература

- Bura 2012 — Bura R. „Łužiski serbski słownik” K. B. Pfula jako słownik „odrodzeniowy” // *Slavia Occidentalis* 69. 2012. S. 81–89.
 Bura 2013 — Bura R. Propozycje leksykalne w „Łużiskim serbskim słowniku” K. B. Pfula — czasownik // *Slavia Occidentalis* 70/1. 2013. S. 63–74.

- Jakubaš 1954 — *Jakubaš F.* Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1954.
- Jentsch 1999 — *Jentsch H.* Die Entwicklung der Lexik der obersorbischen Schriftsprache vom 18. Jahrhundert bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts Bautzen, 1999.
- Kral 1927–1931 — *Kral J.* Serbsko-němski słownik hornjołužiskeje rěče. Budyšin, 1927–1931.
- Lewaszkiwicz 1980 — *Lewaszkiwicz T.* Propozycje leksykalne w Słowniku Rězaka // *Lětopis. Rjad A*, 27/1. 1980. S. 47–54.
- Lewaszkiwicz 1986 — *Lewaszkiwicz T.* Dziedzictwo leksykalne epoki Pfula i Smolera we współczesnej górnołużyczyźnie (na przykładzie formacji z zakresu apelatywnych nazw miejsc) // *Lětopis. Rjad A*, 33. 1986. S. 20–24.
- Lewaszkiwicz 1994 — *Lewaszkiwicz T.* Rola prasy górnołużyckiej z lat 1842–1853 w kształtowaniu słownictwa języka literackiego (Rekoniesans badawczy) // *Uwarunkowania i przyczyny zmian językowych* / Red. E. Wroclawska. Warszawa, 1994. S. 71–85.
- Lewaszkiwicz 1995 — *Lewaszkiwicz T.* Łużyczanie wobec idei wspólnego języka słowiańskiego // *Łużyce w nowożytnych i najnowszych w dziejach Europy Środkowej* / Red. T. Jaworski, M. Ostrowski. Zielona Góra, 1995. S. 101–110.
- Lewaszkiwicz 2013 — *Lewaszkiwicz T.* Hasła kwalifikowane w górnołużyckoniemieckim Słowniku Jakubaša (1954) // *Acta Slavica Estonica III. Slavica Tartuensia X. Славистика в Эстонии и за ее пределами. Tartu*, 2013. S. 124–139.
- Lewaszkiwicz 2014 — *Lewaszkiwicz T.* Między ideą wspólnego języka słowiańskiego i słowiańskimi mikrojęzykami literackimi // *Przestrzenie językoznawstwa. Prace dedykowane Profesor Irenie Sarnowskiej-Gieffing* / Red. M. Graf. Poznań, 2014. S. 73–84.
- Pful 1848 — *Pful K. B.* *Hornjołužiski serbski prawopis z krótkim rěčničnym přehladom.* Budyšin, 1848.
- Pful 1866 — *Pful K. B.* *Łužiski serbski słownik.* Budyšin, 1866.
- Pful 1867 — *Pful K. B.* *Laut- und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache. Mit besonderer Rücksicht auf das Altslawische.* Bautzen, 1867.
- Rězak 1920 — *Rězak F.* *Deutsch-wendisches encyklopädisches Wörterbuch.* Bautzen, 1920.
- Siatkowska 2008 — *Siatkowska E.* *Slawizmy u Lindego, Jungmanna i Pfula w ujęciu porównawczym* // *Bohemistyka* 1–4. 2008. S. 159–182.
- Stone 1971 — *Stone G.* *Lexical Changes in the Upper Sorbian Literary Language during and following the National Awakening* // *Lětopis. Rjad A*, 18/1. 1971. S. 1–127.
- Völkel 1970 — *Völkel P.* *Hornjoserbsko-němski słownik / Prawopisny słownik hornjoserbskeje rěče.* Budyšin, 1970. (5. wudaće — Budyšin, 2005).

Аня Погонцова (Будишин)

РОЛЬ ПРАКТИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО КУЛЬТУРЕ РЕЧИ В ВЕРХНЕЛУЖИЦКИХ СМИ

Традиция языкового консультирования как речекультурного инструмента в верхнелужицкой языковой среде

Старания культивировать «хороший серболужицкий» и сопряженное с этим языковое консультирование имеют в Лужице длительную традицию, восходящую к временам создания единого верхнелужицкого литературного языка в середине XIX в. и последующим (Wölkowa 2009: 13 seq.). В связи с этим тогда возникла потребность в рекомендациях, какие слова или формы должны употребляться или предпочитаться в едином верхнелужицком литературном языке. Кроме того, авторы рекомендательных текстов хотели помочь серболужичанам пользоваться родным языком в ситуации, когда, с одной стороны, он был мало представлен в школе, где учащийся обычно усваивает литературную норму, а с другой — сильное влияние как на обиходный, так и на литературный серболужицкий оказывал немецкий язык¹.

С появлением серболужицких газет и журналов в XIX в. новые, регулярно выходящие средства массовой информации превращались в важный инструмент работы по поднятию уровня культуры речи. Их редакторы выбирали специфические, рассчитанные на серболужицких читателей темы — в том числе печатали короткие заметки о языковой правильности.

В роли первопроходца здесь выступил редактор Михал Горник, который в течение первых трех лет издания серболужицкого культурного журнала «Лужичан», основанного в 1860 г., в рубрике «Чистильщик и правщик» (*Rjedźeř a porjedźeř*)² разъяснял раз-

¹ См., в частности, предисловие Михала Навки в (Nawka 1936: 3).

² Таковую же рубрику Горник вел в первые годы издания следующего по времени культурного журнала «Лужица» (1882–1937).

личные языковые нюансы, давал советы, как правильнее говорить и писать, и толкования семантических особенностей тех или иных форм. Тем самым лужицкие сербы довольно рано стали использовать печатные СМИ для пропаганды определенных взглядов на серболужицкий язык и его дальнейшее развитие.

В XX в. эти усилия продолжали Михал Навка, Рудольф Енч, Антон Навка, Гельмут Фаска, Гельмут Енч и другие авторы, занимавшиеся вопросами культуры речи в различного объема публикациях в ежедневной серболужицкой газете («Нова доба», позже «Сербске Новины») и особенно в культурном журнале «Розгляд», а также в учительском журнале «Сербска шуля»¹.

Все эти тексты появлялись исключительно в печатных СМИ. И хотя уже с конца 1940-х гг. у лужицких сербов было радиовещание, регулярные передачи о культуре речи заняли прочное место в программе серболужицкого радио только в 80-е. В те годы Гельмут Енч выступал в передаче под названием «Минута серболужицкого» с короткими комментариями, разъясняющими старые и новые серболужицкие слова разных тематических групп. Вначале «Минута серболужицкого» выходила единожды, позже — дважды в неделю.

У серболужицких слушателей эти программы нашли позитивный отклик. С октября 2002 г., после того как Г. Енч вышел на пенсию, аналогичные передачи, на сей раз под названием «Уголок языка» (*Rěčny kućik*), стали вести сотрудницы Отдела языкознания Серболужицкого института в Будишине/Бауцене Соня Велькова, Яна Шолчина и Аня Погончова. Эти передачи с записями текстов продолжительностью приблизительно в полторы минуты выходят в эфир каждую среду около 7:00 в рамках утренней программы серболужицкого радио.

¹ Соответствующая рубрика там называлась «Минута серболужицкого», иногда — «Из жизни языка». Авторы текстов обращали внимание на типичные ошибки или затруднения, возникавшие в том числе в связи с прескриптивной кодификацией в послевоенные периоды, ср. (Wowčer 1956). Кроме того, особенно Гельмут Енч знакомил с региональными различиями в словообразовании, а также с новыми серболужицкими наименованиями. Михал Навка и Антон Навка опубликовали часть своих текстов в виде книг, см. (Nawka 1928), (Nawka 1936), (Nawka 1972/21993).

Если Г. Енч параллельно публиковал свои тексты в газетах «Нова доба» и «Сербске Новины», то «уголки языка» поначалу ограничивались исключительно радиоэфиром. Этого было недостаточно: ведь радиослушатель не в состоянии все запомнить. Поэтому в ноябре 2004 г. отдельные тексты из «уголков языка» стали появляться на интернет-сайте Серболужицкого радио. С 2005 г. там размещаются практически все эти тексты, располагаемые в хронологическом порядке, с 2010 г. — с фотографиями. Тем самым рекомендации по культуре речи распространились и в новых, современных СМИ¹. Поскольку, однако, не все лужицкие сербы, особенно старшего возраста, пользуются Интернетом, в 2008 г. Народное издательство «Домовина» предложило авторам «уголков языка» опубликовать звучавшие ранее тексты в виде книги. В итоге вышел коллективный труд (Pohončowa, Šoćina, Wólkowa 2009), содержащий 251 текст², под общим названием «Из лабиринта серболужицкого. Беседы о языке»³.

«Уголки языка» следует рассматривать как одну из форм языкового консалтинга в контексте усилий по повышению уровня культуры речи в верхнелужицком языке⁴. Если в прошлом господствовала прескриптивная концепция речевой культуры, связанная

¹ В начале наступившего тысячелетия Интернет превращается во все более востребуемое медийное средство. Также и серболужицкие учреждения в это время начинают создавать свои сайты. Для серболужицкого радио в этом смысле оказалась выигрышной его связь с радиостанцией MDR, которая позволила ему довольно быстро обеспечить широкой общественности доступ к своим текстам на страницах Интернета.

² С тех пор к ним добавилось еще более двухсот «уголков».

³ Подробный двуязычный (серболужицко-немецкий) указатель облегчает читателю поиск конкретных слов.

⁴ «Уголки языка» не являются в наши дни единственной формой консультирования по языковым вопросам. Так, Г. Енч, в недавнем прошлом руководитель Отдела языкознания в Серболужицком институте, ведет в газете «Сербске Новины» большую колонку, посвященную лексике определенных тематических групп, таких как спорт, административное управление или политическая жизнь. Кроме него, в той же газете бывшая преподавательница серболужицкого языка Хильжа Нукова в нерегулярной рубрике «Люблю родную речь» дает рекомендации в связи с конкретными языковыми погрешностями или ошибками.

с отчасти гипертрофированным осуждением иноязычных (т. е. не-славянских, особенно немецких) элементов и с идеализированной кодификацией¹ литературной нормы, то современные сорабисты-языковеды уже давно опираются на концепцию Пражской лингвистики, принимая во внимание соотношение между узусом, нормой и кодификацией. Это означает, что норма литературного языка и ее адекватное описание в работах кодификаторов берется за основу речекультурной коррекции, а соответственно и за основу «уголков языка» (Wölke 1995: 185). Задачи серболужицкого лингвиста с учетом потребностей серболужицкой общественности не ограничиваются простым описанием. Он должен также (ненавязчиво) вмешиваться в формирование языка, однако ни в коем случае не в роли законодателя и морализатора с воздетым указательным пальцем, как это еще частично практиковали некоторые из наших предшественников. Так как язык постоянно развивается, лингвист обязан также все время задумываться о том, не должна ли — и если да, то в чем именно — кодификация приспособиться к узусу.

Авторы «уголков языка» ставили перед собой задачу профессионально обращать внимание

- на общие тенденции языкового развития,
- на региональные различия, на устаревшие и забытые слова,
- на ошибки или затруднения, возникающие при образовании новых слов и при словоизменении,
- на правильное употребление предлогов.

Кроме этого, отмечаются удачные новообразования, заслуживающие дальнейшего распространения, и предлагаются разного рода новые наименования.

В центре внимания находится литературный язык в его устной и письменной форме. Разговорная речь не оценивается негатив-

¹ «Это отчасти связано с тем, что Вовчерк, а также уже Краль, написавший свою грамматику совсем молодым студентом, конечно же, выносил суждения не на основе изучения сколько-нибудь обширного серболужицкого языкового материала, но, во многом следуя чешскому образцу, создавал идеальное представление, каким, с его точки зрения и по мнению его тогдашних молодых единомышленников, должен быть “хороший” серболужицкий язык» (Jenč 1963: 11).

но, но обсуждаются различные ситуации, когда предпочтительнее пользоваться литературным языком, и конкретные языковые средства, которые в этих ситуациях следовало бы употреблять.

Адресат «уголков языка» — это среднестатистически образованный лужицкий серб без специальной подготовки в области языка или языкознания. В соответствии с этим составляются тексты, ограничивается использование специальной терминологии, а вместо этого приводится больше примеров.

Побочным, но при этом весьма важным эффектом поиска тем и составления текстов является возможность более осознанно наблюдать за актуальным языковым развитием, в том числе с точки зрения используемых и предпочитаемых словообразовательных моделей, а также в плане влияния разговорного верхнелужицкого и немецкого языка на современный литературный верхнелужицкий.

Избранные примеры

Гибридные сложения

Уже на ранних этапах развития серболужицкого языка употреблялись гибридные сложения с заимствованной из немецкого первой частью. Во второй части было всякий раз исконное слово или закономерным образом адаптированное заимствование (Jentsch 1999: 72 seq.), например: *šulknižki* (сейчас *šulska kniha*), *jubelswjedžeń* (сейчас *jubilej*), *šucjandžel* (сейчас *jandžel pěstón*), *hofprědar* (сейчас *prědar na kralowskim/wjerchowskim dworje*). С середины XIX в. этот тип гибридных композитов исчезает из литературного языка, однако в диалектах и в разговорном языке он сохраняется. С начала 1990-х гг. в верхнелужицких текстах ширятся гибридные сложения с интернациональной первой частью (обычно английской) и исконным словом во второй, например: *joggingwoblek*, *trekingkoleso*, *facebookstrona*. Такие гибриды выглядят уместнее в разговорном языке и в текстах молодежи, чем в литературном языке (Wölkowa 2006: 67). Это относится к сложениям с существительными в первой части, от которых могут быть образованы прилагательные, способные выступать в составе двухсловных наименований. При-

меры приводились в «уголках языка»: *joggingwoblek* → *joggingowy woblek*, *trekingkoleso* → *trekingowe koleso*, *facebookstrona* → *facebookowa strona*. Напротив, гибридные сложения с иноязычной первой частью несубстантивного характера в литературном языке допустимы, например: *softbul*, *livehudžba*, *superličba*, *lastminute-poskitk* (Pohončowa 2009: 89 seq.).

Немецкая структура в серболужицких сложениях

Журналисты, переводчики, учителя и другие, по роду своих занятий призванные создавать серболужицкие соответствия немецких слов (зачастую в довольно короткое время), иногда склонны некритически перенимать немецкую структуру.

Так, в серболужицком языке под влиянием немецкого образуются сложения типа *Euro-Nysa-region* (нем. *Euro-Neiße-Region*), *Euro-Nysa-tiket* (нем. *Euro-Neiße-Ticket*) и даже *Euro-Nysa-linijowa syć* (нем. *Euro-Neiße-Liniennetzplan*). Подобные формации не соответствуют закономерностям серболужицкого словообразования¹, на что обращают внимание авторы «уголков языка», указывая на возможные иные серболужицкие соответствия, особенно на составные наименования, например: *region Euro-Nysa*, *tiket/jězdženka Euro-Nysa*, *syćowy plan za linije regiona Euro-Nysa*.

В прошлом в соответствии с нем. *Seenland* (в названии *Lausitzer Seenland*)² в серболужицком языке выступали различные варианты, структурно ориентирующиеся на немецкий образец: *jězorata krajina*, *krajina jězorow*, *jězorowa plećica*. Укоренилось же новообразование одного серболужицкого журналиста — *Łužiska jězorina*.

Роль диминутивов и аббревиатур

На материале «уголков языка» видно также, что в серболужицком языке часто предпочитают диминутивы там, где соответству-

¹ Пишущие не осознают структуры немецкого сложения, состоящего из двух компонентов: с одной стороны, двучленного *Euro-Neiße*, а с другой — *Region*.

² Это искусственно созданная область с множеством озер, возникших на месте бывших каменноугольных карьеров между г. Злы Коморов (Зенфтенберг) и коммуна Спревины Дол (Шпрееталь).

ющее немецкое наименование употребляется в переносном смысле:

- немецкому выражению *Brückentag* в серболужицком соответствует не **mostowy dzeń*, а *mosćikowy dzeń* (это день между праздничным днем и концом недели, например, пятница после Вознесения или праздника Тела Господня);
- карточная игра с четырьмя участниками *Doppelkopf* по-серболужицки называется не **dwuhłowa*, а *dwójna hłojčka*;
- в качестве соответствия нем. *Weisheitszahn* в серболужицком, кроме сочетаний *zub mudrosće* и *wosmy zub*, употребляется также уменьшительное образование *wosmička*;
- немецкому экспрессивному слову *Absacker* в серболужицком соответствует выражение *poslednja škleńčka*.

Распространены суффиксальные дериваты от аббревиатур, такие как *pdf-ka* ‘файл в формате pdf’, *CD-ka* ‘компакт-диск’, *SMS-ka* ‘sms-сообщение’, *LED-owka*, *LED-ka* ‘светодиодная лампа’, *FSJ-nik* ‘участник FSJ’¹, *BFD-nik* ‘участник BFD’², *FKK-owc* ‘нудист’, *mp-trójka* ‘файл в формате mp3’ — гибридное образование с суффиксальным дериватом от числительного во второй части.

Особенно изобретательна в плане создания новых слов молодежь, примером чего может служить неологизм *snobjed* (sn|ědań + w|objed) по образцу англ. *brunch* (br|eakfast + l|unch) — возможно, не без влияния других славянских языков (ср. польск. *śniobiad*).

Новообразования

К удачным новообразованиям относится слово *hrabnjenčko*. В культуре потребления 1990-х гг. стала модной погоня за дешевыми товарами; по-немецки это называют словом *Schnäppchen*, которое фигурирует в таких выражениях, как *ein Schnäppchen machen*,

¹ FSJ = Freiwilliges Soziales Jahr, в.-луж. *dobrowólny socialne lěto* — добровольная служба в социальной сфере продолжительностью от 6 до 18 месяцев для молодежи до 27 лет.

² BFD = Bundesfreiwilligendienst, в.-луж. *zwjazkowa dobrowólna služba* — продолжение добровольной социальной службы, заменяющее гражданскую службу; введено 1.7.2011 г.

auf Schnäppchenjagd gehen, Schäppchenjäger и т. д. Серболужицкое *hrabnjěnčko* по форме представляет собой диминутив существительного, производного от глагола *hrabnyć* ‘сгрести, схватить/ухватить, цапнуть’, и обозначает собственно ‘что-то такое, что кто-л. ухватит’. От этого слова образуется имя деятеля *hrabnjěnčkar* ‘любителъ гоняться за дешевыми товарами’; теоретически возможен и глагол *hrabnjěnčkować*, хотя в речевой практике употребляется скорее сочетание *honić za hrabnjěnčkami* или *za tunimi poskitkami* ‘гоняться за дешевыми товарами’.

В серболужицких текстах встречаются также прижившиеся и общеупотребительные слова, которые, однако, со словообразовательной точки зрения не вполне корректны. Это касается, в частности, образования *kopolak*, выступающего в сложении *plesternak-kopolak* (нем. *Stolperstein* ‘камень преткновения’). Словообразовательной базой здесь является глагол *so kopolić* ‘шататься’, хотя подразумевается *so zakopolić* ‘споткнуться’, в соответствии с чем мы ожидали бы *zakopolak* или даже *zakopolenčko*. Выбор в пользу более короткого деривата *kopolak* можно объяснить только ритмом всего этого сложения: *plesternak-kopolak*.

Некорректно образовано существительное *witajnički* ‘дети, посещающие детский сад *Witaj*’. Под этим подразумеваются как мальчики, так и девочки; между тем данная форма множественного числа предполагает *witajnička* в единственном, а суффикс *-nička* образует исключительно названия лиц женского пола. Таким образом, здесь следовало бы образовывать два существительных: гипотетически *witajnik* для мальчиков и *witajnica/witajnička* для девочек. На практике, впрочем, большей частью употребляется название *Witaj-džěčo* ‘*Witaj*-ребенок’. То же демонстрирует новообразование *hwězdnički* ‘мертворожденные дети весом менее 500 г’ (нем. *Sternenkind*). Здесь, однако, с учетом значения деривата форма *hwězdnički* кажется вполне уместной.

Иногда под влиянием немецкого языка в обиходном серболужицком закрепляются и через СМИ еще более распространяются такие явления, которые лингвисту остается только констатировать и объяснить их возникновение, не пытаясь их скорректировать. Примером может служить глагол *so powabić*. Соответствующий

невозвратный глагол употребляется лишь изредка как перфективное образование от глагола *wabić* ‘манить, привлекать, вербовать’; в последние же годы ширится употребление возвратного глагола *so powabić* в значении ‘подать заявление / хлопотать о приеме на работу’. Это можно объяснить влиянием немецкого глагола *sich bewerben*, который лужицкие сербы калькируют в виде *so po|wabić*. Довольно быстрое распространение этого глагола и образованного от него существительного *powabjenje* со значением ‘просьба/заявление о приеме на работу, практику и т. п.’ связано с аналогичной структурой немецкого *sich bewerben*. Другие его соответствия в серболужицком — *so zamołwić, požadać*.

Выводы

«Уголки языка», продолжая традиции предшественников, уже успели закрепиться как весомое средство языкового консультирования и пропаганды речекультурных представлений. Серболужицкие радиослушатели охотно принимают предлагаемые советы, а иногда и сами обращаются к авторам с новыми идеями.

Авторы «уголков языка» рассматривают литературный верхне-лужицкий язык как достояние, которое лужицкие сербы должны сохранять, по мере необходимости далее его совершенствовать и оберегать от вопиющих ошибок и чрезмерного влияния немецкого языка. В соответствии с этим языковое консультирование и впредь останется остро необходимой точкой приложения усилий Отдела языкознания Серболужицкого института.

Литература

- Jenč 1963 — *Jenč R.* Nowa serbska gramatika trěbna // *Rozhlad*. 1963. Č. 8. S. 11–14.
- Jentsch 1999 — *Jentsch H.* Die Entwicklung der Lexik der obersorbischen Schriftsprache vom 18. Jahrhundert bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts. Bautzen, 1999.
- Nawka 1928 — *Nawka M.* Zmysł našich słowow. Budyšin, 1928.

- Nawka 1936 — *Nawka M.* Pokiwy pyskej a pjeru. Budyšin, 1936.
- Nawka 1972²/1993 — *Nawka A.* Mjenje zmylkow. Budyšin, 1972²/1993.
- Pohončowa 2009 — *Pohončowa A.* Internacionalizmy w hornjoserbskej spisownej rěči přitomosće — zarys problematiki // *Lětopis* 56 (2009). Č. 1. S. 81–92
- Pohončowa, Šoćina, Wölkowa 2009 — *Pohončowa A., Šoćina J., Wölkowa S.* Z labyrinta serbšćiny: bjesady wo rěči. Budyšin, 2009.
- Wölke 1995 — *Wölke S.* Aktuelle Probleme der Sprachkultur im Sorbischen // *Sprachsituation und Sprachkultur im internationalen Vergleich: aktuelle Sprachprobleme in Europa* / Hrsg. J. Scharnhorst. Frankfurt/M.; Berlin; Bern; New York, Paris; Wien, 1995. S. 183–196.
- Wölkowa 2006 — *Wölkowa S.* Aktualne wuwicowe tendency w hornjoserbskej spisownej rěči // *Południowosłowiańskie Zeszyty Naukowe: Język — Literatura — Kultura* 3. Łódź, 2006. S. 61–71.
- Wölkowa 2009 — *Wölkowa S.* Předstwo // *Pohončowa A., Šoćina J., Wölkowa S.* Z labyrinta serbšćiny: bjesady wo rěči. Budyšin, 2009. S. 13–15.
- Wowčerck 1956 — *Wowčerck P.* Kurzgefasste obersorbische Grammatik. Berlin; Leipzig, 1956.

Материал:

Pohončowa, Šoćina, Wölkowa 2009
<http://www.mdr.de/serbski-program>

Рената Бура (Краков)

УНИВЕРБИЗАЦИЯ В ВЕРХНЕЛУЖИЦКОМ ЯЗЫКЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Явление универбизации

Изучение лексического состава языков демонстрирует его непрерывное обогащение, которое диктуется прежде всего необходимостью называния всё новых вещей. Нередко, однако, к обогащению словарного запаса языка приводят внутриязыковые процессы, обусловленные, кроме прочего, тенденцией к экономии. Одним из таких процессов является универбизация, отражающая стремление к сжатию наименования. Явление это определяют по-разному. В самом общем понимании под универбизацией подразумевается образование из двух- или несколькословного наименования синонимичной по отношению к мотивирующему выражению однословной единицы. При этом необходимым условием признания однословной единицы результатом универбизации является одновременное существование двухсловного наименования (Dokulil 1979: 164–165).

Универбизация происходит путем различных формальных преобразований. Данута Буттлер (Buttler 1981: 215) выделяет пять основных словообразовательных процессов, приводящих к универбизации: 1) деривация (польск. *podstawówka* < *szkoła podstawowa* 'основная школа'; 2) композиция (польск. *meblowóz* < *wóz meblowy* 'машина для перевозки мебели'; 3) эллипсис (польск. *karetka* < *karetka pogotowia* 'машина скорой помощи'; *karny* < *rzut karny* 'штрафной удар, пенальти'); 4) дезинтеграция (польск. *tatar* < *befsztyk tatarski* 'татарский бифштекс'); 5) аббревиация (польск. *Cepelia* < *Centrala Przemysłu Ludowego i Artystycznego* 'Центр народных художественных промыслов'). Поскольку при эллипсисе элиминируется или адъективный, или субстантивный член, различаются deadъективирующий и субстантивирующий эллипсис. Универбы

тем самым возникают в результате либо редукции (деривация, эллипсис, дезинтеграция), либо слияния (композиция) частей составных наименований. Аббревиация, по мнению Буттлер (Buttler 1981: 2016), объединяет оба эти процесса, так как в этом случае при максимальной редукции сохраняются все элементы первоначального наименования.

Универбизация широко представлена в языке, хотя — как замечают исследователи (Buttler 1981: 215; Szczepańska 1994: 35) — она намного чаще встречается в разговорной его форме. Универбы позволяют достичь большей экономии, что соответствует действующей в разговорной речи тенденции к сокращению высказывания, а также сопутствующей ей экспрессивности. Благодаря этому осуществляется более живой языковой контакт, хотя возникает опасность, что это будет происходить в ущерб точности.

Изучение универбизации в верхнелужицком языке

Систематическое описание универбизации в верхнелужицком языке до сих пор отсутствует. Правда, публикуются научные статьи, касающиеся словообразовательных процессов, протекающих в современном верхнелужицком языке. В частности, здесь можно назвать ряд статей Хельмута Енча в журнале «Сербска шуля» (Jenč 1999, 2004, 2005, 2006, 2009, 2010), а также работы Ани Погончовой (Pohončowa 2013), Яны Шолчиной (Šołćina 2003) и Сони Вельке (Wölke 2006, 2011), авторы которых обращают внимание на актуальные тенденции развития верхнелужицкого языка и на его либерализацию. Явление универбизации, однако, подробно никем не описано.

Единственная публикация, посвященная универбизации в верхнелужицком языке, которая мне встретилась, — это статья Эвы Сятковской (Siatkowska 1989), где данное явление рассмотрено на материале сельскохозяйственной терминологии, содержащейся в словаре (Jenč 1966). Этот небольшой словарь, однако, включает лексику, отраженную в намного более ранних лексикографических работах, от словаря Пфуля (Pful 1866) до пособия «Pomospny terminologiski słownik» (1957). Безусловно, этот материал требует

актуализации. Кроме того, Э. Сятковска по-своему подходит к явлению универбизации. Ей, как она подчеркивает, важно было «установить соотношение верхнелужицкого наименования с семантически точным немецким» (Siatkowska 1989: 95). Тем самым в качестве универбов она рассматривает, например, такие образования, как *wudźenca* или *wudźenka* в соотношении с немецким композитом *Regenwurm* ‘дождевой червь’, несмотря на то, что в вышеупомянутом словаре Рудольфа Енча не приводится двучленное наименование, функционирующее наряду с этими двумя дериватами. Меня между тем интересует процесс универбизации, происходящий на почве самого верхнелужицкого языка, хотя, конечно же, не в отрыве от немецкого. Предметом моего исследования будет материал, содержащийся в немецко-верхнелужицком словаре новой лексики (Jenč, Pohončowa, Šolćina 2006).

Универбизация в «Немецко-верхнелужицком словаре новой лексики»

Этот словарь, авторами которого были Х. Енч, А. Погончова и Я. Шолчина, вышедший в 2006 г. в Будишине/Бауцене, включает новейшую лексику литературного верхнелужицкого языка, какая появилась после объединения Германии в 1989/1990 гг. Ввиду значительного объема словаря (около 12 000 словарных статей) рассмотрю только соответствия немецких сложных существительных. В большинстве случаев речь идет об общеупотребительных лексемах, хотя среди них встречаются и разговорные слова, о чем уведомляют соответствующие пометы. Содержащийся в словаре материал позволяет выявить некоторые типы универбов, выступающие в современном верхнелужицком языке.

Уже предварительный анализ материала, впрочем, показывает, что соответствиями немецких сложных существительных являются главным образом многословные наименования. Это чаще всего сочетания типа:

- прилагательное + существительное, ср. нем. *Hochkultur* ~ в.-луж. *wysoka kultura* ‘высокая культура’; нем. *Kommunalverwaltung* ~ в.-луж. *komunalne zarjadnistwo* ‘орган местного самоуправления’;

- существительное + существительное в родительном падеже, ср. нем. *Tierpfleger* ~ в.-луж. *hladar/wothladowar zwěrjatow* ‘смотритель за животными’; нем. *Strafmaß* ~ в.-луж. *wysokość chłostanja* ‘мера наказания’;
- существительное + предложно-падежное сочетание, ср. нем. *Rundkopfschraube* ~ в.-луж. *šrub z kulojtej hlójkcu* ‘винт с круглой головкой’;
- более сложные структуры, ср. нем. *Energieversorgungssystem* ~ в.-луж. *system za zastaranje z energiju/za energijowe zastaranje* ‘система энергоснабжения’; нем. *Sozialversicherungspflicht* ~ в.-луж. *winowatość k socialnemu zawěšćenju* ‘обязательное социальное страхование’.

Иногда эквивалентами выступают сочетания двух разных типов, ср. нем. *Landesrecht* ~ в.-луж. *krajne prawo / prawo kraja* ‘законодательство федеральной земли’; нем. *Intensivstation* ~ в.-луж. *intensiva stacija / stacija intenziwneho hładanja* ‘отделение интенсивной терапии’.

Нередко соответствием немецкого сложного существительного в верхнелужицком языке оказывается также сложное существительное, ср. нем. *Großrechner* ~ в.-луж. *wulkoličak* ‘центральный/главный компьютер’; нем. *Großraum* ~ в.-луж. *wulkorum* ‘агломерация’.

Значительно меньшее число соответствий немецких сложных существительных приходится на долю суффиксальных дериватов, ср. нем. *Brauhaus* ~ в.-луж. *piwarnja* ‘пивоварня’; нем. *Bezugnahme* ~ в.-луж. *počahowanje* ‘ссылка, отсылка (к чему-л.)’, см. (Wölke 2011: 34–35).

Часто, однако, сложные слова и суффиксальные дериваты выступают как синонимы наряду с многословными наименованиями в качестве универбизованных форм этих последних, ср. нем. *Buchprüfer* ~ в.-луж. *pruwowar knihow / knihipruwowar* ‘реvisor’; нем. *Augenbrauenstift* ~ в.-луж. *brjowkowy pisak / brjowkowc* ‘карандаш для бровей’. Рассмотрим подробнее такие универбы, употребляющиеся параллельно с двух- и несколькословными наименованиями.

Наиболее частый тип универбов представляют собой сложения (компози́ты), которые в подавляющем большинстве являются каль-

ками немецких сложных слов, ср. *wulkoprojekt* = *wulki projekt* ‘большой проект’ (нем. *Großprojekt*), *wulkowobrazowka* = *wulka wobrazowka* ‘большой экран’ (нем. *Großbildschirm*). Среди них следует особо выделить группу сложений, употребительных в литературном или разговорном языке, с интернациональной первой частью (обычно заимствованной из английского языка через немецкий) и своим словом во второй части, ср. *carvingsněhaki* = *carvingowe sněhaki* ‘карвинговые лыжи’ (нем. *Carvingski*), разг. *genterapija* = *genowa terapija* ‘генная терапия’ (нем. *Gentherapie*). Сложения этого типа часто образуют целые цепочки наименований, ср. разг. *genmanipulacija* = *genowa manipulacija* ‘генетическая манипуляция’ (нем. *Genmanipulation*), разг. *gensekwenca* = *genowa sekwenca* ‘генетическая последовательность’ (нем. *Gensequenz*), разг. *gentechnika* = *genowa technika* ‘генная техника’ (нем. *Gentechnik*), *gentest* = *genowy test* ‘генный тест, анализ на ДНК’ (нем. *Gentest*), разг. *gentransfer* = *genowy transfer* ‘генный трансфер’ (нем. *Gentransfer*).

Нельзя не отметить также наличия большого числа сложений, заимствованных из английского языка (чаще всего через посредство немецкого), ср. разг. *comedyshow* = *comedyjowa show* ‘комедийное шоу’ (нем. *Comedy-Show*), *babyboom* = *babyjowy boom* ‘беби-бум’ (нем. *Babyboom*). Представляется, однако, что в данном случае двухсловные наименования часто являются вторичными по отношению к однословным.

Среди универбов-композигов большую группу составляют сложения с акронимами в первой части, ср. *GUS-stat* = *stat GUS* ‘страна СНГ’ (нем. *GUS-Staat*; *GUS* — *Gemeinschaft unabhängiger Staaten* ‘Содружество Независимых Государств’), *ABM-městno* = *ABM(-)ske / ABM(-)owe městno* ‘место временного трудоустройства для безработных’ (нем. *ABM-Stelle*; *ABM* — *Arbeitsbeschaffungsmaßnahme* ‘программа поддержки безработных’).

Из суффиксальных дериватов частотны универбы, являющиеся названиями более или менее экзотических языков, которые образуются с помощью суффикса *-ščina*, ср. *běloruščina* = *běloruska řeč* ‘белорусский язык’ (нем. *Belarussisch*), *gruziňščina* = *gruzinska řeč* ‘грузинский язык’ (нем. *Grusinisch*), *ladin(i)ščina* = *ladin(i) ska řeč* ‘язык ладино’ (нем. *Ladinisch*), *kirgi(z)ščina* = *kirgi(zi)ska řeč*

‘киргизский язык’ (нем. *Kirgisisch*), *tamil(i)ščina* = *tamil(i)ska řeč* ‘тамилский язык’ (нем. *Tamil*).

Разные по частотности группы в составе дериватов образуют *mina loci* (ср. Jenč 2004: 113–114), большей частью с суффиксами:

- **arnja/-ernja**, ср. *rybičkarnja* = *wobchod za wozdobne / pyšne rybički* ‘магазин аквариумных рыбок’ (нем. *Zierfischgeschäft*), *wudawarnja* = *městno wudaća / wudawanja* ‘место выдачи’ (нем. *Ausgabestelle*), *zetkawarnja* = *zetkawanska městnoś / rumnoś* ‘помещение для проведения встреч’ (нем. *Versammlungsraum*), *ptačernja* = *ptakoškitna stacija* ‘орнитологическая станция’ (нем. *Vogelschutzwarte*);
- **ownja**, ср. *čajownja* = *čajowy dom* ‘чайная’ (нем. *Teehaus*), *starownja* = *dom za starych* ‘дом престарелых’ (нем. *Altenheim*), *wjedrownja* = *wjedrowa stacija* ‘метеорологическая станция’ (нем. *Wetterwarte*), *zwěrvatownja* = *zwěřjacy dom / dom za (bjezdomne) zwěřjata* ‘приют для животных’ (нем. *Tierheim*);
- **niščo/-iščo**, ср. *slědźeniščo* = *slědźenska institucija / slědźenske zarjadniščo* ‘исследовательский институт’ (нем. *Forschungseinrichtung*), *zetka(wa)niščo* = *zetkawanski centrum* ‘центр встреч’ (нем. *Begegnungszentrum*).

Из других словообразовательных типов материал словаря позволяет выделить, в частности:

- мужские и женские названия представителей профессий, образуемые с помощью суффиксов **-nik/-ownik**, **-nica/-ownica**, ср. *bankownik* = *bankowy překupc* ‘служащий банка’ (нем. *Bankkaufmann*), *bankownica / bankowniča* = *bankowa překupča* ‘служащая банка’ (нем. *Bankkauffrau*), *čłownik* = *zastojnik cla* ‘таможенник’ (нем. *Zollbeamte*), *čłownica* = *zastojnica/zastojniča cla* ‘таможенница’ (нем. *Zollbeamtin*);
- названия орудий с суффиксами **-ak** или **-owc**, ср. *krywak* = *krywanski pisak* ‘косметический карандаш’ (нем. *Abdeckstift*), *kolkowak* = *kolkowanski awtomat / aparat* ‘компостер’ (нем. *Entwerter*), *kopěrowak* = *kopěrowanski aparat* ‘ксерокопировальный аппарат’ (нем. *Kopierer*), *brjowkowc* = *brjowkowy pisak* ‘карандаш для бровей’ (нем. *Augenbrauenstift*).

В словаре представлен также другой тип универбизации: деадъ-активирующий эллипсис. К этому типу я отнесла верхнелужицкие существительные с факультативным определением, выраженным прилагательным, которое в словаре приводится в скобках, ср. *bjesada* = *wólna bjesada* ‘непринужденный разговор’ (нем. *Small-Talk*), *pozastawarnja* = *awtodróhowa pozastawarnja* ‘ресторан на автостраде’ (нем. *Raststätte*), *wodźidło* = *kompjuterowe / computerowe wodźidło* ‘джойстик’ (нем. *Joystick*), *zarjadnišćo* = *službne zarjadnišćo* ‘учреждение’ (нем. *Dienststelle*).

Что касается аббревиации, то в словаре зафиксированы в основном буквенные аббревиатуры, немецкие (*ADAC*) или заимствованные из английского языка (*UNICEF*, *UNO*), которые в верхнелужицком языке остаются неизменяемыми. Единственное сложносокращенное слово, которое можно было бы считать примером аббревиации, — *Bafög* / *Bafög* (нем. *Bafög* — *Bundesausbildungsförderungsgesetz* ‘федеральная программа стипендиальной поддержки студентов’). Это сокращение может склоняться по типу существительных, ср. *infomować wo Bafög* / *wo Bafögu*.

Выводы

Лексический материал, содержащийся в немецко-верхнелужицком словаре новой лексики, показывает, что доля суффиксальных дериватов-универбов заметно скромнее доли сложений и многословных наименований, являющихся кальками немецких слов. Это явление, как кажется, еще более усиливается под влиянием немецкого языка в период после объединения Германии в 1989/90 гг. (см. Роһоґсowa 2013: 111). Несмотря на это, активными остаются и процессы универбизации, в частности, суффиксальной деривации и словосложения.

Материал словаря не отражает всех возможных типов универбизации в силу специфики языка (ср. аббревиацию), а также вследствие того, что в нем зафиксирована в основном лексика, относящаяся к письменной разновидности языка. Представляется, что именно по этой причине здесь не встретились примеры субстантивированного эллипсиса, который известен разговорной форме языка,

ср. *howjaze* = *howjaze mjaso* ‘говядина’, *swinjace* = *swinjace mjaso* ‘свинина’, *spanska* = *spanska stwa* ‘спальня’. Для того чтобы получить полную картину явления универбизации в верхнелужицком языке, необходимо, следовательно, обратиться также его к разговорному варианту, что станет предметом дальнейшей работы.

Литература

- Buttler 1981 — *Buttler D.* Tendencje rozwojowe w zasobie słownym powojennej polszczyzny // *Współczesna polszczyzna* / red. H. Kurkowska. Warszawa, 1981. S. 187–219.
- Dokulil 1979 — *Dokulil M.* Teoria derywacji. Wrocław, 1979.
- Jenč 1966 — *Jenč R.* Ratarska terminologija. Budyšin, 1966.
- Jenč 1999 — *Jenč H.* Typy tworjenja nowych pomjenowanjow w džensnišej hornjoserbskej spisownej rěči // *Serbska šula*. 1999. Č. 4. S. 60–61.
- Jenč 2004 — *Jenč H.* Nowe hornjoserbske nominalne wotwodženki za němske kompozita // *Serbska šula*. 2004. Č. 5. S. 113–114.
- Jenč 2005 — *Jenč H.* Nowe o-kompozita w hornjoserbsčinje // *Serbska šula*. 2005. Č. 4. S. 113–114.
- Jenč 2006 — *Jenč H.* Nowe adjektiwiske a werbalne o-kompozita w hornjoserbsčinje // *Serbska šula*. 2006. Č. 2. S. 39–41.
- Jenč 2009 — *Jenč H.* Typy serbskich twórbow za němske třidźelne kompozita // *Serbska šula*. 2009. Č. 3. S. 77–78.
- Jenč 2010 — *Jenč H.* Hišće raz wo serbskich twórbach za němske třidźelne kompozita // *Serbska šula*. 2010. Č. 1. S. 6–8.
- Jenč, Pohončowa, Šoćina 2006 — *Jenč H., Pohončowa A., Šoćina J.* Deutsch-obersorbisches Wörterbuch neuer Lexik / Němsko-hornjoserbski słownik noweje leksiki. Bautzen/Budyšin, 2006.
- Pful 1866 — *Pful K. B.* Łužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.
- Pohončowa 2013 — *Pohončowa A.* Hornjoserbska slowotwórba — staw slědženja a perspektywy // *Zeszyty Łużyckie*. 2013. T. 47. S. 106–120.
- Pohončowa, Šoćina 2003 — *Pohončowa A., Šoćina J.* Tworjenje moderneje serbskeje leksiki w konflikće mjez słowjanskej slowotwórby a němskim wliwom // *Komparacija systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich: Słowotwórstwo/Nominacja* / red. Ingeborg Ohnheiser. Opole, 2003. S. 160–170.
- Pomocny terminologiski słownik. Budyšin, 1957.

- Siatkowska 1989 — *Siatkowska E.* Uniwerbizacja na tle innych procesów słowotwórczych we współczesnej górnołużyckiej terminologii rolniczej // *Studia z Filologii Rosyjskiej i Słowiańskiej. Językoznawstwo.* 1989. Nr 18. S. 93–103.
- Szczepańska 1994 — *Szczepańska E.* Uniwerbizacja w języku czeskim i polskim. Kraków, 1994.
- Wölke 2006 — *Wölke S.* Aktualne tendencje rozwojowe w górnołużyckim języku literackim // *Zeszyty Łużyckie.* 2006. T. 39/40. S. 37–49.
- Wölke 2011 — *Wölke S.* Język górnołużycki wobec wyzwań współczesności // *Łużyce po obu stronach Nisy / red. W. Jamrożek, I. Kumor-Pilarczyk, J. Tarniowy. Żary,* 2011. S. 31–36.

Яна Шолчина (Будишин — Лейпциг)

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Серболужицкий язык как критерий индивидуального выражения национальной идентичности играет важную роль (Ela 1998: 73). Для ситуации серболужицкого, представленного верхне- и нижнелужицким языками, характерно, что оба эти языка — *миноритарные*, уже сотни лет функционирующие в непосредственном контакте с мажоритарным немецким языком. Планирование статуса верхне- и нижнелужицкого языков осуществляется на международном, а именно европейском уровне, но прежде всего на государственном (германском), тогда как его реализация находится на уровне федеральных земель Саксония и Бранденбург. Поскольку верхне- и нижнелужицкий представляют собой языки так наз. автохтонных национальных меньшинств, языковая политика в данном случае является составной частью общей политики в отношении меньшинств применительно к лужицким сербам. Таким образом, специфика языковой политики в случае верхне- и нижнелужицкого состоит в том, что оба эти языка должны рассматриваться в более широком контексте с учетом серболужицко-немецкого двуязычия. В соответствии с этим данная статья структурирована следующим образом: 1. вначале я охарактеризую статус верхне- и нижнелужицкого языков, 2. затем обрисую актуальную языковую ситуацию и, наконец, 3. представлю конкретные меры проведения языковой политики в области общественной жизни, образования и судопроизводства.

1. Статус верхне- и нижнелужицкого языков

В Германии официально признаны четыре языка меньшинств: 1) фризский, в рамках которого выделяют северно-, восточнофризский и небольшой островной затерландско-фризский, 2) датский —

язык датского национального меньшинства, проживающего в Германии, 3) серболужицкий, подразделяющийся на верхне- и нижнелужицкий, и 4) язык живущих в Германии цыганских этнических групп синти и рома, который до настоящего времени не имеет литературной формы. Кроме того, в Германии говорят на нижненемецком языке — так наз. Platt (Nedderdüütsch), который имеет официальный статус регионального языка.

Существование лужицких сербов в значительной мере зависит от политических, юридических, социальных и не в последнюю очередь финансовых условий. На европейском уровне действует «Европейская хартия миноритарных и региональных языков», ратифицированная Германией в 1998 и вступившая в силу в 1999 г. (см. Elle 2004). В этой хартии иначе, чем в «Рамочном соглашении по поддержке национальных меньшинств» 1995 г., формулируется целый ряд *конкретных* рекомендаций касательно того, как следует поддерживать использование региональных и миноритарных языков в общественной жизни, в учреждениях, в сфере образования, а также в судопроизводстве (см. Oeter 2010; Elle 2005). Спустя 10 лет после ратификации европейской хартии эксперты позитивно оценили конкретные меры по поддержке культуры, многоязычных СМИ, образования, а также социальной работы или экономической деятельности (Oeter 2010: 149).

После политических изменений 1989 г. в Договоре об объединении Германии от 31.08.1990 г. (протокольное примечание к статье 35) были зафиксированы постоянные обязательства федеративного государства по отношению к лужицким сербам. До сих пор, однако, не удалось добиться того, чтобы равноправие проживающих в Германии меньшинств было гарантировано в качестве группового права в Основном законе.

На **уровне земель** защита и поддержка лужицких сербов как государственная задача закреплена в особых статьях конституций Саксонии и Бранденбурга. Конкретные установки на этот счет содержат соответствующие «серболужицкие законы»: это «Распоряжение по регулированию прав сербов в земле Бранденбург», утвержденное ландтагом Бранденбурга в 1994 г., и «Закон о правах

сербов в Свободном государстве Саксония», принятый саксонским парламентом в 1999 г.

С точки зрения положений и установлений законов статус серболужицкого языка — в Саксонии как родного, второго и иностранного языка, в Бранденбурге только как второго и иностранного — юридически четко определен. В сравнении со статусом языков других меньшинств (например, фризского) правовое положение лужицких сербов оценивают как «идиллическое». Проблемой является проведение в жизнь и соблюдение установлений закона в конкретных случаях: закрытие средних школ в Хросчицах (Кроствиц) и позже в Панчицах-Кукове (Паншвиц-Кукау) показало, что содержащиеся в законах формулировки типа «по мере необходимости» некорректны и юридически неприменимы.

2. Актуальная языковая ситуация

С начала XX в. у лужицких сербов утвердилось практически полное немецко-серболужицкое (или серболужицко-немецкое) двуязычие. Причиной этого, помимо прочего, была политика Германии в области языка и образования, расширение потребностей коммуникации, а в последние двадцать лет прежде всего мобильность населения, в связи с чем «коммуникативная сфера, обслуживаемая немецким языком, постоянно увеличивалась и в конце концов почти во всех регионах охватила также внутрисемейное общение» (Ela 1998: 75). В «Серболужицком культурном лексиконе» численность лужицких сербов в настоящее время оценивается в 50–60 тыс. чел. Эта цифра, однако, не совпадает с числом говорящих по-серболужицки, которое составляет приблизительно половину от этого количества, т. е. порядка 25–30 тыс. (Scholze, Schön 2014: 370). Число людей, активно пользующихся серболужицким языком, все более сокращается, причем это в основном лица старше 60 лет. Естественная передача языка от старшего поколения младшим в рамках семьи на большей части территории уже не происходит. Лучше обстоит дело только в западной, так наз. «католической» части Верхней Лужицы: здесь передача серболужицкого языка между поколениями в условиях двуязычия еще приблизительно в половине семей продолжается.

Можно констатировать, что наблюдается:

- сокращение числа говорящих по-серболужицки, а также снижение уровня владения верхнелужицким литературным языком;
- неблагоприятное демографическое развитие;
- неблагоприятная инфраструктура в Лужице (высокая степень безработицы);
- отток молодых семей;
- убыль молодых учителей;
- низкий престиж серболужицкого языка (ср. проект «Евромозаика»).

В первой половине XX в. на развитие двуязычия решающее влияние оказывали внешние или социальные факторы, такие как школа, евангелическая церковь, работа на промышленных предприятиях, военная служба и т. д. Во второй половине XX в. к ним добавились другие: этнодемографические изменения в составе населения, рост числа смешанных браков, профессиональный труд женщин, вследствие чего серболужицких детей стали часто оставлять вместе с немецкими в яслях и детских садах (Ela 1998: 75 seq.). На современном этапе наиболее заметным фактором стали резкие изменения в мире СМИ и возрастание их роли.

3. Языковая политика

3.1. Серболужицкий язык в общественной жизни

О двуязычии, практикуемом в других областях повседневной жизни общества, сообщается в исследовании 1993 г., предпринятом в рамках международного проекта «Евромозаика» (Nelde, Weber 1996). Это эмпирическое исследование проводилось преимущественно на основной территории распространения серболужицкого языка. Полученные авторами результаты подтвердили, что главной проблемой, которую не разрешила прежняя языковая политика, остается асимметрия двуязычия. Их работа — уже двадцатилетней давности — показала общий спад употребления серболужицкого языка в жизни общества: в частности, в ситуации общения на улице и в магазинах оно сократилось более чем вдвое. Заметно снизилась

роль серболужицкого языка также в общественных организациях и в церкви. В ситуации публичного общения использование серболужицкого языка по большей части невозможно, если говорящий не знает, что собеседник владеет им.

Употребление серболужицкого языка в учреждениях и в качестве официального языка в общественной жизни хотя и допускается законом, а согласно «Европейской хартии региональных и миноритарных языков» должно даже поддерживаться, однако в реальной практике дело обстоит иначе. Новейшие исследования (ср. Ratajczakowa 2009) показали, что причины слабо развитого двуязычия в общественной жизни кроются не только в том, что в сфере публичного общения (в учреждениях, в магазинах и т. д.) отсутствует персонал, говорящий по-серболужицки, но и в неравном отношении носителей серболужицкого языка к его публичному использованию.

Особенно большое влияние на употребление серболужицкого языка оказывает место работы. После коренных социальных перемен минувших лет языковое поведение людей по месту работы радикально изменилось не в пользу серболужицкого языка: в протестантской части Лужицы его использование в этой сфере практически полностью прекратилось. В результате преобразования рыночной сети уменьшилось количество небольших магазинов в деревнях, где иногда говорили по-серболужицки. Исключение составляют серболужицкие учреждения, серболужицкие или двуязычные детские сады и отдельные небольшие серболужицкие фирмы, предприятия или врачебные кабинеты (Ela 1998).

Факт тот, что двуязычие среди лужицкой общественности характеризуется далеко идущим неравенством, асимметрией: «двуязычными являются почти исключительно лужицкие сербы, в том числе онемеченные, которые в основном еще сохраняют только рецептивные языковые навыки. Большинство немецкого населения серболужицкого языка не знает и не имеет мотивации его выучить» (Ela 1998: 76). Для того чтобы коллективный билингвизм стал симметричным, также и немцы должны были бы владеть серболужицким языком, пользоваться им, терпимо относиться к его публичному употреблению или даже поддерживать таковое.

3.2. Двухязычные надписи

Двухязычное наименование населенных пунктов стало традиционным для обеих Лужиц с 50-х гг. XX в. Верхнелужицкий в Саксонии и нижнелужицкий в Бранденбурге сейчас имеют статус официальных языков, поэтому также названия топографических объектов и населенных пунктов на серболужицко-немецкой языковой территории даются на двух языках. В Германии насчитывается порядка 400 городов и деревень с официальным двухязычным названием (ср. Elle 2002). Зафиксированные в конституции Саксонии положения конкретизирует, в частности, исполнительное постановление от 2 октября 1991 г., в котором перечисляются таблички с названиями деревень, дорожные указатели и т. д. и даже предписывается минимальный размер букв в серболужицких надписях (70 мм, в исключительных случаях 50 мм).

Реализация этих положений закона находится в ведении региональных властей, муниципалитетов или органов местного самоуправления. Округ или община сама принимает решение о том, на каком месте будут серболужицкое и немецкое названия. Длительную традицию имело параллельное серболужицко-немецкое обозначение городов и деревень в телефонных книгах, однако в последнее время по причинам коммерческого характера от него отказались.

Вопрос о двухязычном наименовании магазинов, фирм, банков и т. д. относится к компетенции владельцев и решается по-разному. Бланки учреждений, реквизиты официальных документов, положения о выборах и т. д. большей частью печатаются на двух языках.

К основным практическим проблемам здесь относится языковая корректность наименований, а также создание и распространение современного административного языка.

3.3. Серболужицкий язык в судопроизводстве

Серболужицкий в Саксонии официально имеет статус родного языка; тем самым он полностью равноправен с немецким. Поэтому он признается также языком, имеющим административное применение, который может быть использован в учреждениях и в судах. На практике это означает, что допускается, например, подача жалоб и других официальных документов на верхнелужицком языке.

В конечном итоге это означает также возможность проведения на верхнелужицком языке всего судебного процесса. Реализуется она, однако, лишь в исключительных случаях. Причиной тому отсутствие соответствующих языковых компетенций у персонала (юристов, судей и т. д.), а также отсутствие кодифицированной верхнелужицкой лексики в области юриспруденции и неразработанный юридический стиль. Поскольку, далее, работники суда не владеют серболужицким языком, им потребовался бы переводчик.

3.4. Серболужицкий язык в детских садах и в школах

38 детских садов в Верхней и Нижней Лужице посещает в общей сложности около 1 300 детей, обучающихся там с различной степенью интенсивности серболужицкому языку. В зависимости от контингента обучаемых работа этих детских садов строится в соответствии с разными концепциями (Schulz 2015: 11).

В 1991 г. Серболужицкое школьное общество, созданное по примеру аналогичного датского, развернуло модельный проект «Витай» (букв. «Привет!»), который с тех пор успешно реализуется в практике на территории Верхней и Нижней Лужицы. Этот проект, нацеленный на ревитализацию верхне- и нижнелужицкого языков в Саксонии и Бранденбурге, предоставляет детям дошкольного возраста возможность естественным путем освоить до поступления в школу серболужицкий как второй язык в дополнение к родному немецкому. В детских садах и группах, работающих по программе «Витай», особенно приветствуются дети из смешанных и немецких семей, в которых дома не говорят по-серболужицки.

Модельный проект призван сдерживать языковую ассимиляцию и в перспективе стабилизировать число активно пользующихся серболужицким языком. Результаты эмпирических научных исследований, проведенных во многих таких детских садах, показывают, что постоянное и интенсивное погружение детей дошкольного возраста в серболужицкую языковую среду приводит к усвоению ими навыков этого языка. В будущем в большей степени, чем до сих пор, следует обращать внимание на качество языкового контакта; соответственно возникает необходимость выработать и проводить в жизнь стандарты для двуязычных детских садов.

После объединения Германии в 1990 г. новые структуры сложились также и в сфере образования, которое с утверждением принципа федерализма перешло в ведение отдельных федеральных земель. В настоящее время в школах на серболужицком языке с разной степенью интенсивности учится около 4 000 школьников (Budaŕjowa 2015: 24). В серболужицких и двуязычных школах действуют те же самые учебные планы и распоряжения, что и в других (немецких) школах в Саксонии и в Бранденбурге. Модельный проект «Витай» получает продолжение в школах Саксонии в виде концепции «2 плюс», а в Бранденбурге в форме двуязычного обучения. По решению конференции министерств просвещения и культуры Саксонии и Бранденбурга серболужицкий язык признан одним из экзаменационных предметов, который можно сдавать на получение аттестата зрелости. В данном конкретном случае это означает, что ученики десятых классов средних школ в Саксонии могут писать экзаменационное сочинение как на немецком, так и на серболужицком языке.

Ситуация в Саксонии

С учетом резкого сокращения числа учащихся и требования многопрофильности обучения нельзя было сохранить прежнее деление классов в серболужицких школах Саксонии на классы типа А и В.

Ввиду изменившейся языковой ситуации Саксонский институт образования по заданию министерства просвещения и культуры Саксонии разработал новую концепцию «2 плюс», которая предусматривает совместное двуязычное обучение серболужицких и изучающих серболужицкий язык школьников и успешно реализуется в случае, если дети в дошкольном возрасте прошли двуязычное обучение по программе «Витай». Таким образом, посещение детьми серболужицких или работающих по программе «Витай» детских садов становится важной предпосылкой успешного двуязычного обучения в школе.

Ситуация в Бранденбурге

В Бранденбурге с 1950-х гг. школьное обучение на серболужицком языке как на родном отсутствовало. Усилия по ревитализации нижнелужицкого языка благодаря применению метода полного погружения в детских садах Хошебуз-Жилов (Коттбус-Зилов)

и Хошебуз-город, как и продолжению модельного проекта «Витай» в школе, оказались успешными.

Число учащихся, посещающих уроки нижнелужицкого языка, в последние годы возросло и на данный момент составляет около 1 500 человек (Budařjowa 2015: 24)

В настоящее время нижнелужицкий язык преподается в следующих формах:

- в рамках проекта «Витай» (как второй или как рабочий язык)
- как иностранный язык;
- как «язык для встреч»;
- в рабочих группах;
- в форме двуязычного обучения (профессиональное обучение начиная с 7 класса).

3.5. Серболужицкий язык в университетах

Единственным университетским центром подготовки серболужицких учителей и сорабистов является Институт сорабистики Лейпцигского университета. Семинары и лекции, в частности по языкознанию, истории культуры, литературе и дидактике, проводятся, как правило, на верхне- или нижнелужицком языке. Сорабистическими темами и проектами занимаются и в других университетах Германии, большей частью в рамках славистики или изучения меньшинств. С учетом описываемой языковой ситуации, как и положения дел в серболужицких образовательных учреждениях в перспективе приходится ожидать дефицита учителей и воспитателей со знанием серболужицкого языка.

Фонд серболужицкого народа (*Zalořba za serbski lud*, нем. *Stiftung für das sorbische Volk*) ежегодно предоставляет заинтересованным студентам и докторантам из славянских стран три стипендии для прохождения двухсеместрового курса сорабистики в Лейпцигском университете.

4. Заключение

Серболужицкий как миноритарный язык имеет особый статус и существует в постоянном контакте с мажоритарным языком —

немецким. К конкретным мерам языковой политики в поддержку серболужицкого языка относятся, кроме прочего, двуязычные названия улиц на территории проживания лужицких сербов, официально зафиксированное право обучения на серболужицком языке в детских садах и в школах, право пользоваться серболужицким языком в учреждениях или в судах, возможность изучения сорабистики в университете, а также языковые курсы, в частности в народных школах. Практической реализацией этих мер занимаются прежде всего серболужицкие учреждения, двуязычные детские сады и школы, общественные организации и все ячейки гражданского общества у лужицких сербов. Существующие концепции ориентированы на литературные языки, в меньшей степени на диалекты и разговорный язык.

Проблемой остается то, что общая концепция языковой политики до сих пор не выработана. Указанные трудности касаются не только культуры речи, так как само существование серболужицкого языка находится под угрозой. В соответствии с этим целью всех мер в области языковой политики является сохранение языка, обеспечение его существования и вместе с тем его ревитализация и поддержка языковой компетенции вообще.

Литература

- Budarjowa 2015 — *Budarjowa L.* Mačerščinu zaměrnjo spěchować. Rozprawa předsydstwa Serbskeho šulskeho towarstwa na hłownej a wólbnej zhromadźiznje 15.11.2014 w Hórkach // *Serbska šula*. 2015. 68/1. S. 20–28.
- Ela 1998 — *Ela L.* Etno- a sociolinguistiska situacija serbšćiny // *Serbšćina*. Najnowsze dzieje języków słowiańskich / Red. H. Faska. Opole, 1998. S. 73–88.
- Elle 2002 — *Elle L.* Dokumentation. Zweisprachige Ortstafeln und Beschriftungen im deutsch-sorbischen Gebiet. Internet-Publikation: www.serbski-institut/ortstafel.html; обращение 14.07.2011.
- Elle 2004 — *Elle L.* Die Europäische Charta der Regional- oder Minderheitensprachen und die Sprachenpolitik in der Lausitz. Kleine Reihe des Sorbischen Instituts 6 / *Mały spis Serbskeho instituta* č. 6. Bautzen / Budyšin, 2004.

- Elle 2005 — *Elle L.* Das Rahmenübereinkommen des Europarats zum Schutz nationaler Minderheiten und die Minderheitenpolitik in der Lausitz. Bautzen 2005. Kleine Reihe des Sorbischen Instituts 8 / Mały spis Serbskeho instituta č. 8. Bautzen / Budyšin, 2005.
- Nelde, Weber 1996 — *Nelde P.-H., Weber H.-P.* Euromosaic. Produktion und Reproduktion der Minderheiten — Sprachgemeinschaften in der Europäischen Union. Europäische Kommission. Luxemburg, 1996.
- Oeter 2010 — *Oeter S.* Mehrsprachigkeit als Last oder als Bereicherung? // Minderheiten als Mehrwert. Schriften des Collegium Pontes / Hrsg. M. Th. Vogt, J. Sokol, J. Bingen, A. Löhr. Frankfurt am Main — Berlin — Bern — Bruxelles — New York — Oxford — Wien, 2010. S. 139–158.
- Ratajczakowa 2009 — *Ratajczakowa C.* Serbsko-němska Łužica — bikulturny rum njezetkawanja? : wuslědki naprašowanja mjez šulerjemi // Lětopis. 56 (2009), 2. S. 3–15.
- Scholze, Schön 2014 — Scholze D., Schön F. (Hrsgb.) Sorbisches Kulturlexikon. Bautzen, 2014.
- Schulz 2015 — *Schulz (Šolćina) J.* Bilingualer Spracherwerb im Witaj-Projekt. Spisy Serbskeho instituta č. 60. Bautzen / Budyšin, 2015.

Тиль Войто (Лейпциг)

О ПОТЕНЦИАЛЕ НИЖНЕЛУЖИЦКОГО КАК ЖИВОГО ЯЗЫКА БУДУЩЕГО

Нижнелужицкий язык в настоящее время находится в крайне неблагоприятной ситуации. Если сравнить данные двух наиболее репрезентативных социолингвистических статистик, отражающих знание нижнелужицкого языка в разные периоды, то сразу же бросается в глаза, что с 50-х до 90-х гг. XX в. абсолютное число владеющих¹ этим языком сократилось более чем вдвое. Мы исходим из результатов исследования Э. Черника 1955/56 гг. (см. Elle 1995: 241 seq.) и социолингвистического анализа Нижнелужицкого отделения Серболужицкого института в Хошебузе 1993–1995 гг. (Jodlbauer, Spiess, Steenwijk 2001)². Суммируя указанные Черником цифры активно и пассивно владеющих нижнелужицким языком в тогдашних районах Хошебуз/Коттбус³, Калава/Калау, Любнёв/Люббенау, Губин/Губен, Баршч/Форст, Гродк/Шпремберг и Злы Коморов/Зенфтенберг, включая сами эти города, мы получаем 17 701 говорящих в возрасте от 14 лет и старше. Сверх того Черник насчитал в тех же районах 4 419 детей со знанием нижнелужицкого языка. Последняя цифра вызывает сомнения, поскольку Черник полагал, что если хотя бы один из родителей говорит по-нижнелужицки, то ребенок тоже владеет этим языком (Elle 1995: 242). Если допустить, что носителями нижнелужицкого языка была в лучшем случае половина таких детей⁴, сокращение числа говорящих составит 64,4%.

¹ К данной группе относят лиц с активным, пассивным и деактивным знанием языка. Деактивными называют знания тех, которые говорили с родителями по-нижнелужицки, но публично владения этим языком не признают (Jodlbauer, Spiess, Steenwijk 2001).

² Этот анализ показывает, что число владеющих нижнелужицким языком в лучшем случае не превышает 7 000 чел.

³ Названия населенных пунктов в Лужице здесь и далее приводятся по-нижнелужицки; немецкое название дается через косую черту. — *Прим. ред.*

⁴ Ср. (Norberg 1996: 88), где такое предположение высказывается в отношении населенного пункта Хохоза (Драххаузен), и (Jodlbauer, Spiess, Steenwijk 2001), где эта оценка распространена на всю Нижнюю Лужицу.

Но это еще очень оптимистическая оценка: в реальности, по-видимому, дело обстоит хуже. К сожалению, невозможно привести цифры относительной доли говорящих по-нижнелужицки в общей численности населения, что обусловлено прежде всего резким уменьшением территории бытования языка. Помимо этого текучесть населения и процессы, связанные с включением отдельных деревень в более крупные муниципальные образования, мешают подсчетам данных, которые можно было бы сравнивать хронологически.

Нижнелужицкий язык *учащихся*¹ как доминирующая ныне форма данного идиома

На постепенное исчезновение нижнелужицкого языка явственно указывают также различные другие индикаторы, такие как возрастная и социальная структура носителей, а также исходящие из реальности проекты его реактивизации или ревитализации. С этим связан тот факт, что в случае нижнелужицкого традиционные формы существования языка, прежде всего диалекты, уже практически не используются как средство повседневного общения. Причина этого кроется в том, что становится все меньше и меньше людей, которые впитали нижнелужицкий язык с молоком матери или по крайней мере научились ему от бабушки и дедушки. Вместо этого с послевоенного времени формируется иное языковое сообщество и тем самым новая языковая форма: *язык учащихся*, которые используют его в повседневной жизни прежде всего по роду своих занятий². Это люди разного происхождения: среди них есть верхнелужицкие сербы, работающие в Нижней Лужице, представители соседних славянских стран, главным образом Польши (ср. Lewaszkiewicz 2015), и немцы, выучившие нижнелужицкий в школе или в рамках внешкольных курсов. Здесь следует особо отметить роль «Школы нижнелужицко-

¹ Термин *язык учащихся* соответствует английскому термину *learner language*, который используется, например, в отношении некоторых кельтских идиомов.

² С учетом того, что эта форма языка культивируется особенно в серболужицких институтах, ее можно было бы назвать также *институциональным нижнелужицким*.

го языка и культуры», в которую после объединения Германии была преобразована Центральная серболужицкая языковая школа «Курт Кренц» в Дешно/Диссене (Elikowska-Winklerowa 2007). В эту школу в свое время направляли для обучения на курсах в течение нескольких недель разных лиц, в том числе работников государственных учреждений, почты, железной дороги, экскурсоводов, сельских старост, а также рабочих (Tisa 2004: 18). Там, кроме нижнелужицкого языка, их знакомили с серболужицкой историей, культурой, этнографией, литературой и музыкой, а также с «национальной политикой», что следует рассматривать как опыт включения серболужицкого языка в общественное пространство с использованием его как средства расширения тогдашней политической парадигмы.

Сегодняшняя «Школа нижнелужицкого языка и культуры» базируется в Хошебузе и предлагает всем заинтересованным лицам возможность обучаться или продолжать обучение нижнелужицкому языку в различных формах, включая учебу во время отпуска. Тем самым, подобно тому, как это было в период ГДР, оказывается определенное политическое влияние, для того чтобы каждый год курсы этой языковой школы посещало достаточное количество обучаемых.

Так, по данным директора школы Марии Эликовской-Винклеровой, в течение первых пятнадцати лет существования ее посетило в сумме 26 000 человек (Elikowska-Winklerowa 2007). Следует, однако, признать, что большинство этих многочисленных участников курсов в настоящее время не способно вести даже самую простую беседу на нижнелужицком языке. Если бы было иначе, общая языковая ситуация в Нижней Лужице не выглядела бы так печально, как она выглядит.

Происхождение пользователей современного нижнелужицкого языка¹

Значительная часть более или менее владеющих нижнелужицким языком «немцев» имеет серболужицкие корни, что часто выда-

¹ Понятие *современный нижнелужицкий* охватывает все представленные на сегодняшний день формы существования этого языка, причем сфера их применения весьма ограничена. Пока еще живые нижнелужицкие диалекты я здесь не рассматриваю.

ют и их фамилии. Разумеется, язык они освоили не дома, где он уже за несколько поколений до них перестал звучать; в лучшем случае они иногда слышали его от дедушки или бабушки, не приобретя при этом ни достаточного пассивного знания языка, ни способности к говорению. Разными путями в Нижнюю Лужицу попадали также немцы из других земель ФРГ; многие из них безупречно овладели нижнелужицким языком и работают в серболужицких учреждениях на ответственных должностях (как, например, заведующий отделом языкознания Серболужицкого института в Хошебузе Хауке Бартельс).

Кроме лужицких сербов и немцев с приобретенными знаниями нижнелужицкого языка, следует назвать также его любителей и знатоков из соседних славянских стран. Среди них — упомянутая выше директор «Школы нижнелужицкого языка и культуры», главный редактор еженедельника «Новы Цасник» Грегор Вечорек, многолетний лектор нижнелужицкого языка в Лейпцигском университете Камил Торквиндт-Штумпф, его преемник Станислав Томчик и многие другие.

Наряду с такими лицами с немецкой или славянской языковой базой осталась уже только небольшая горстка нижнелужицких сербов, для которых этот язык является родным или полуродным¹, сотрудничающих с серболужицкими учреждениями или иначе проявляющих себя в серболужицкой жизни. Это, например, лексикографы Манфред Староста и Эрвин Хануш; основатель Центра развития серболужицкого образования в Хошебузе (АВС), преподаватель и переводчик Петш Янаш; многолетняя преподавательница и автор учебных материалов для АВС Маргот Хашцына; публицист и переводчик Мето Пернак; научная сотрудница центра «Witaj» Мадлена

¹ Этим термином я обозначаю лиц, которые не росли в чисто серболужицкой среде или ближайшем окружении которых в первые годы жизни по тем или иным причинам коренным образом изменилось. В частности, это такие носители языка, которых маленькими детьми отдали на попечение бабушки и дедушки. Так часто случалось в семьях, где отец был убит на войне или попал в плен, а мать, чтобы лучше обеспечить и воспитывать детей, поручала их заботам своих родителей. Иными словами: полуродным я считаю нижнелужицкий язык у тех, для кого он является так наз. вторым родным (L2).

Норбергова, бывшая учительница нижнелужицкого Криста Элина, редактор Серболужицкого радио Ханелора Хандрекойц и ряд других. Совсем недавно ушли из жизни известный учитель и автор книг для детей Герат Нагора (1936–2010) и любимый прихожанами проповедник Юро Франов (1937–2016). Среди молодого поколения уже, к сожалению, нет ни одного, кто активно пользовался бы нижнелужицким языком с раннего детства, хотя некоторые, будучи детьми, с ним сталкивались. Многие из них демонстрируют незаурядное знание языка.

Верхнелужицкие сербы и немцы как важные представители нижнелужицкой интеллектуальной элиты

Если сравнивать состав нижнелужицкой интеллектуальной элиты сейчас с ее составом в начале XX в. и ранее, приходится констатировать отсутствие в наши дни прежде всего той ее части, которая своими корнями была тесно связана с деревенской жизнью и с диалектами. Это были приходские священники и учителя, позднее также крестьяне и рабочие, которые, сознавая свою принадлежность к серболужицкому народу, посвятили себя его делу. К ним относятся учитель, журналист и популярный поэт Фрицо Роха; священник и журналист Кито Швеля и его сын Богумил Швеля; поэт, эмигрировавший в Америку журналист и священник Мато Косык; поэтессы Марьяна Домашкойц и Мина Виткойц. Вплоть до тяжелых времен Второй мировой войны такие люди составляли большинство, кроме прочего, в редакции газеты «(Брамборски) Сербски Цасник» и в культурных организациях нижнелужицких сербов.

Вместе с тем в течение длительного периода в Нижней Лужице были весьма активны верхнелужицкие деятели, особенно в области публицистики, науки и образования. К ним принадлежали языковед и лексикограф Арношт Мука; филолог и писатель Ян Арношт Смолер; писатель и художник-график Мерчин Новак-Нехорньский, который в 1949–1954 гг. вместе с Фридо Метшком редактировал «Новы Цасник» как приложение верхнелужицкой газеты «Нова доба»; писатель и журналист Юрий Кох; журна-

лист, составитель календарей и бывший главный редактор газеты «Новы Цасник» Хорст Адам и многие другие. Все они неутомимо прилагали усилия к активному развитию нижнелужицкой жизни.

Нельзя забывать и об ученых из немецкоязычных семей, которые с самого начала были в числе создателей духовной и светской серболужицкой письменности и первопроходцев в деле изучения серболужицкой литературы, описания грамматики и составления словарей. Считается, например, что автором «Вольфенбюттельской псалтири» являлся немец (Jenč 1954: 36). Немецкого происхождения были также грамматисты Иоганн Готтлиб Гауптман¹ и Мориц Герман Альберт Эберт². Из-под пера немецких ученых вышли и первые работы по серболужицкой библиографии, которые дали начало серболужицкому литературоведению. Томаш Дерлатка в этой связи упоминает, например, немецкого студента Георга Кёрнера, верхнелужицкого историка и священника Христиана Кнауца и нижнелужицкого историка и чиновника Карла Христиана Гульде (Derlatka 2011: 10). Следует вспомнить также о блестящих литераторах и издателях, не выросших в серболужицкой среде. Пожалуй, наиболее известным представителем этой группы нижнелужицких деятелей в прошлом был Юро Суровин (Георг Зауэрвайн, 1831–1904). Однако и позднее, вплоть до наших дней, встречаются активные на культурном поприще деятели, выучившие нижнелужицкий язык уже в сознательном возрасте, такие как историк и директор Расширенной средней школы в Будишине Фридо Метшк³, писательница Ингрид Хустетова, сорабист и автор детективов Тобиас Гайс, а так-

¹ Автор сочинения «Nieder-Lausitzsche Wendische Grammatica: Das ist Möglichste Anweisung zur Erlernung der Nieder-Lausitzschen Wendischen Sprache» (издано в 1761 г.).

² Автор неопубликованного труда «Wortlehre der niedersorbischen Grammatik: Ein Versuch, Kennern zur Prüfung, Lernbegierigen zur Hilfe dargeboten» (рукопись 1864 г.).

³ О Метшке известно, что его бабушка со стороны отца еще говорила на нижнелужицком диалекте своей родной деревни в окрестностях Калавы. От нее он еще ребенком усвоил начатки языка (ср. Bresan 2010: 131).

же исполнительный директор «Домовины», переводчик и писатель Маркус Коньцарь¹.

Роковые последствия имело то обстоятельство, что во время войны значительная часть нижнелужицкой элиты под давлением властей полностью отошла от общественной жизни. Одни, как Мина Виткойц, были вынуждены покинуть Лужицу, другие умерли, а из оставшихся некоторые после войны не смогли найти себе место в возникающей новой системе и в дальнейшем воздерживались от любой публицистической или литературной деятельности. В связи с этим в первые послевоенные годы на ответственные должности в Нижней Лужице назначались мотивированные верхнелужицкие деятели, которые начинали налаживать культурную жизнь нижнелужицких братьев и сестер.

Например, нынешняя Нижнелужицкая гимназия возникла главным образом по инициативе верхнелужицких сербов. Родным языком тогдашних учителей часто был верхнелужицкий; также и те нижнелужицкие сербы, которые позже сами выучились на учителей, в основном контактировали с сербами из Верхней Лужицы. И хотя многие верхнелужицкие учителя хорошо освоили нижнелужицкий язык, такое верхнелужицкое большинство в серболужицкой образовательной системе оказало влияние на язык учащихся — будущих учителей. С одной стороны, первые учителя большей частью выросли в чисто верхнелужицкой среде, где они были приучены к повседневному общению на серболужицком языке, вследствие чего он долго оставался разговорным языком в нижнелужицкой Расширенной средней школе. С другой стороны, однако, в этот школьный язык проникали верхнелужицкие лексические заимствования, элементы верхнелужицкой морфологии и синтаксиса, а также — наиболее заметная составляющая языкового влияния — верхнелужицкая фонетика. Из этого школьного нижнелужицкого в итоге и развился тот язык, который на десятилетия стал господствующим в нижнелужицких учреждениях, включая радио и «Новы Цасник».

¹ Хотя в детстве Коньцарь еще довольно часто слышал серболужицкую речь, но сам начал говорить только позднее. Поскольку в детстве он не приобрел активной языковой компетенции, мы не включаем его в число тех, для кого нижнелужицкий язык является полуродным.

Последний редактор этого еженедельника, для которого нижнелужицкий язык был родным, Вилем Беро, в 1977 г. вышел на пенсию. Другие же редакторы того времени, как, например, Хорст Адам, ответственный редактор «Цасника» с 1973 г., были родом из Верхней Лужицы.

Разумеется, с сегодняшней перспективы следует оценить то, что работавшие тогда в серболужицких учреждениях носители языка вопреки по-прежнему доминирующему германизаторскому окружению и сокращению числа говорящих долгие годы поддерживали серболужицкий язык в общении между собой и с другими и в некоторых случаях успешно распространяли его на домашнее общение. Подобные примеры есть, хотя их и мало. В итоге вот уже второе или третье поколение выходцев из многих таких нижнелужицких — как и немецких — семей активно включилось в нижнелужицкую жизнь и прочно вросло в нее. Примерами здесь могут служить Альфред, Вернер и Ян Мешканк или потомки Юрия Коха. Горько сознавать, что такие семьи, как и вообще по-настоящему компетентных пользователей культивированного и многообразного нижнелужицкого языка можно пересчитать буквально на пальцах.

Убыль языка в нижнелужицкой литературе

Творцами нижнелужицкой литературы и публицистики вплоть до поздних лет ГДР были авторы, для которых нижнелужицкий язык являлся родным или полуродным, такие как Маргита Хайнрихова, Мето Ворак, Эрих Войто, Вилем Беро и Херберт Новак. Старшее поколение работающих в нынешних серболужицких учреждениях еще имело возможность познакомиться с ними. Это был уникальный шанс научиться хорошему, аутентичному нижнелужицкому под руководством этих образованных носителей языка или следуя их примеру. Более молодых такие контакты обогатить уже не могут; их знание языка опирается в основном на общение со старшими носителями «институционального» нижнелужицкого и на знакомство с нижнелужицкой литературой и публицистикой, начиная с середины XIX в. При этом их сковывает крайняя ограниченность жанров, которые до сих пор разрабатывались в нижнелу-

жицкой литературе. Все еще нет ни одного нижнелужицкого романа! Очень слабо представлены также лирические и драматические жанры, особенно по сравнению с гораздо более богатой верхнелужицкой литературой. Имеются, однако, довольно многочисленные повести и рассказы, переведенные с верхнелужицкого и немецкого языков (для примера можно упомянуть давнюю повесть Юрия Коха «Когда вишни цветут» и совсем свежий детектив «Мертвая нимфа» Беаты Мичерлиховой в переводе М. Коньцаря). Кроме того, на нижнелужицкий время от времени переводят с польского, чешского, французского и других европейских языков стихи, книги для детей и даже эпические произведения. Примерами здесь могут служить сочинения Адама Мицкевича в переводе Альфреда Мешканка и стихи русских и французских поэтов в переводе Метто Пернака.

Переводы обогащают нижнелужицкую литературу в содержательном и формальном плане, способствуя развитию новых для нее жанров. Разумеется, изучающим язык мешает то, что в их распоряжении очень мало литературы. Пытаясь самостоятельно создавать литературные или же публицистические тексты (что для ревитализации языка жизненно необходимо), учащиеся часто сталкиваются с тем, что им недостает словарного запаса, что они не могут подобрать подходящих фразеологизмов и вообще не чувствуют себя в языке достаточно свободно.

Ввиду этого возрастает потребность в инструментах, позволяющих ориентироваться в лексике и в языковой системе в целом. Это видно и из статистики посещаемости языкового портала www.dolnoserbški.de, содержащего словари и текстовый корпус, доступ к которым обеспечило нижнелужицкое отделение Серболужицкого института в Хошебузе. Обращение к предлагаемым здесь вспомогательным лексикографическим и корпусным средствам, как представляется, вошло в обиход редакторов радио и периодических изданий, учителей, воспитательниц детских садов и, естественно, ученых.

Очень многое делается сейчас также в области нижнелужицкой лексики и особенно фразеологии. Однако, хотя компьютерные программы дают возможность полноценного и эффективного использования различных словарей, тем не менее возникают немалые за-

труднения, когда по-нижнелужицки нужно передать определенный концепт или даже назвать конкретный предмет. Эти терминологические проблемы, стоящие на повестке дня учителей, журналистов и публицистов, побуждают продолжать работу.

Намного хуже, чем в лексикографии, обстоит дело с описанием нижнелужицкой грамматики. Старейшие — Хойнан, позже Гауптман — и более новые грамматики (Эберт, Монь, Мука или сопоставительная грамматика Б. Швели), конечно, уже не удовлетворяют современным потребностям. Достаточно обширное и современное описание нижнелужицкой грамматики содержит учебник «Nieder-sorbisch schnell und intensiv» (1991), который создал М. Староста в бытность лектором нижнелужицкого языка в Лейпцигском университете. Как учебник, однако, эта книга должна соответствовать и другим требованиям по сравнению с соответственно структурированной грамматикой в собственном смысле слова. Также грамматика «для нужд школы» П. Янаша 1976 г. может дать много информации учащимся, но, например, для подготовки будущих учителей нижнелужицкого языка в Лейпцигском университете ее недостаточно — тем более, что потенциальные пользователи ее не слишком воспринимают. Таким образом, основным пособием по изучению нижнелужицкого языка остается учебник Старосты, а если читатель и там не найдет того, что ищет, ему придется полагаться уже только на собственное языковое чутье или на результаты поиска в текстовом корпусе.

Заключение

Резюмируя, можно повторить, что состав современных пользователей нижнелужицкого языка ясно показывает: в той форме, в какой этот язык существовал в предшествующие века, он в наши дни отмирает. Одновременно, однако, развивается новая разновидность языка, для которой в лингвистической литературе еще нет общепринятого наименования, и именно она имеет определенные — причем в сравнении с традиционными формами нижнелужицкого языка наибольшие — шансы на выживание. Многие нижнелужиц-

кие ученые сейчас заняты ее нормированием, на основе которого предпринимаются попытки внедрения нижнелужицкого языка во все новые сферы жизни. Поскольку успешность проекта «Витай» в Нижней Лужице пока еще не подтверждена научными исследованиями¹, нельзя с уверенностью утверждать, появятся ли в ближайшее время молодые лужичане с хорошим знанием нижнелужицкого языка. Если да — потребуются очередные меры для того, чтобы мотивация к использованию нижнелужицкого языка у выпускников школ с двуязычным обучением не снижалась. В ином случае нижнелужицкому суждено будет превратиться в *network language*², используемый небольшой группой территориально разобщенных людей в очень ограниченном объеме. В заключение зададимся вопросом: не достойна ли приложения усилий и такая цель — хотя бы даже подобное развитие было чревато тяжелыми последствиями в сфере языковой политики, какие сейчас еще в деталях невозможно предвидеть?

Литература

- Asmus 2012 — *Asmus S.* Differing attitudes of the Welsh towards their language // Konferenz EBLUL. Leipzig, 6.–7.12.2012.
- Bresan 2010 — *Bresan A.* Dr. phil. habil. Frido Mětšk / Alfred Mietzschke (1916–1990) // *Lětopis* 57. Bautzen, 2010.
- Derlatka 2011 — *Derlatka T.* Sorbische Literaturwissenschaft zwischen Ost und West // *Germanoslavica: Zeitschrift für germano-slawische Studien*. 22, č. 2. Praha, 2011.
- Elikowska-Winklerowa 2007 — *Elikowska-Winklerowa M.* 15 lět Šula za dolnoserbsku rěc a kulturu Chóšebuz — „ludowa šula“ za serbski lud // *Rozhlad* 10/2007. Bautzen, 2007.

¹ Оценкой эффективности изучения серболужицкого языка и двуязычного обучения занимается, начиная с 2015 г., Институт сорабистики Лейпцигского университета.

² Ср. доклад (Asmus 2012), в котором это понятие применяется по отношению к актуальной ситуации валлийского языка.

- Elle 1995 — *Elle L.* Sprachpolitik in der Lausitz: Dokumentation 1949–1989. Bautzen, 1995.
- Jenč 1954 — *Jenč R.* Stawizny serbskeho pismowstwa I. Spisy serbskeho instituta. Bautzen, 1954.
- Jodlbauer, Spiess, Steenwijk 2001 — *Jodlbauer R., Spiess G., Steenwijk H.* Die aktuelle Situation der niedersorbischen Sprache. Ergebnisse einer soziolinguistischen Untersuchung der Jahre 1993–1995. Bautzen, 2001.
- Lewaszkiwicz 2014 — *Lewaszkiwicz T.* Dolnołużycki i górnołużycki — języki zagrożone czy wymierające? // *Slavia Occidentalis* 71/1. Poznań, 2014.
- Lewaszkiwicz 2015 — *Lewaszkiwicz T.* Polnisch-sorbische Sprachkontakte vom 10./11. Jahrhundert bis zur Gegenwart // *Lětopis* 62. Bautzen, 2015.
- Norberg 1996 — *Norberg M.* Sprachwechselprozess in der Niederlausitz : Soziolinguistische Fallstudie der deutsch-sorbischen Gemeinde Drachhausen/Hochoza // *Acta Universitatis Upsaliensis. Studia. Slavica Upsaliensia* 37. Uppsala, 1996.
- Tica 2004 — *Tica A.* Založenje a žělabnosć Centralneje serbskeje rěčneje šule w Dešanku // *Serbska šula* 57. Příloha. Bautzen, 2004.

ЛУЖИЦА КАК ГИБРИДНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Сотрудница Серболужицкого института в Будишине, культуролог Элька Чернокожева в связи с этническим членением социальной действительности в современной Лужице высказывается против «мышления либо — либо» (Tschernokoshewa 2013). Не имеет смысла задаваться вопросом, являются ли ее жители, в том числе не владеющие свободно серболужицким языком, «истинными» серболужичанами. Дихотомичному мышлению, которое допускает лишь взаимоисключающие альтернативы, она противопоставляет свой диагноз, утверждая, что самой яркой приметой современной культуры выступает «тенденция к раздвижению границ и плюрализации культурных взаимосвязей и личных жизненных планов». С этим в ее трактовке связана «гибридологическая перспектива», которая предлагает мышлению путь к преодолению дуализма и дихотомии и понимается как «попытка мыслить комплексно, целенаправленно искать проявления мульти- и транскультурности, фокусируя внимание на культурных взаимоотношениях, взаимосвязях и трансформациях».

Эта мысль о «гибридологической перспективе» в дальнейшем, в порядке конструктивного развития ее апологии у Э. Чернокожевой применительно к Лужице¹, будет подтверждена, дополнена (I) и углублена с точки зрения политического пространства (II). Речь пойдет о последствиях, какие вытекают для политического пространства из тезиса о гибридации.

I. Понятие гибридности, если описываемые им условия — такие как «мобильность», «флексibilität», «полилингвизм» — считать неотъемлемой частью жизни «позднего Нового времени» или

¹ Обозначение «Лужица», несмотря на все исторические отличия двух составляющих ее краев (ср. Lehmann 1958), используется в дальнейшем в широком смысле. На практике так удобнее, и это отражает происшедшую в XX веке политическую и социальную унификацию региона.

связывать их с «кризисом Нового времени» (как это делает Дитер Крамер¹, цитируемый в Tschernokoshewa 2013: 20), кажется правомерным распространить на нынешнюю ситуацию. Если же принять во внимание таких авторов, как Кристева, Рашди, Вельш или Баба, усиливается впечатление, что мы имеем дело с описанием современного социального феномена.

При этом следует отметить, что культурно-историческое изучение того, что можно назвать раздвижением границ и гибридизацией, началось раньше (ср. Kondylis 1991). Так, уже в начале XX века в западно- и центральноевропейском искусстве нарушилось то, что еще в XIX веке мыслилось как упорядоченное целое (личность, история, природа). Место базирующегося на прочных правилах синтеза в авангардном искусстве того времени заняла свободная комбинация и в конце концов атомизация социальной жизни. Если, например, буржуазный роман еще исходил из предпосылки, что личность обладает неизменной сущностью, авангардизм элиминировал из литературы «я», разрушал четкие контуры реалистического романа и размывал понятие индивидуальности.

Далее, для того чтобы адекватно описать, например, такое пространство, как Лужица, следует учитывать — наряду с культурными — также экономические условия. Совершающийся, начиная с 80-х годов, переход от промышленного производства к «гибкому обращению» приводит не только к тому, что у работника исчезает желание связывать себя на постоянной основе с определенными профессиональными обязанностями, но в долгосрочной перспективе имеет своим следствием также эрозию социального самоопределения («средний слой») и распад профессиональной идентичности (ср. Sennett 1998).

Понятие гибридизации, однако, может быть расширено не только во времени и по содержанию; оно обозначает то, что является здесь исходным тезисом, для начала — понятийное восстановление реальности, в политическое Новое время в значительной мере

¹ Kramer D. Dürfen Ethnien sein? Zur Diskussion um das Recht auf Anderssein // Kramer D. Von der Notwendigkeit der Kulturwissenschaft. Aufsätze zur Volkskunde und Kulturtheorie. Marburg, 1997. S. 86–94, 92.

уничтоженной и подавленной. Таким образом, осмысленно используя в наши дни понятие гибридности, мы в некотором отношении аффирмативно возвращаемся к ситуации до наступления Нового времени. В случае Лужицы этот *status quo ante* символически воплощает, например, история монастыря Нойцелле с его «особой, долгое время определявшейся двумя соседями, Чехией и Саксонией, и вместе с тем балансирующей между ними позицией» (Töpler 2006). Известной неоднозначностью, наряду с этноязыковым статусом Лужицы, характеризовалось также ее государственно-правовое политическое положение: Леманн (1958) говорит о «положении между странами, которое нашло выражение во всей ее истории». Только унифицирующие процессы политической современности положили конец этой долговременной двойственности, как и Лужице в качестве политической единицы.

На этом фоне соотношение правила и исключения из него изменяется на противоположное: гибридное состояние оказывается обычным случаем, а впервые прокладываемая себе путь в политическое Новое время тенденция к однозначности, однородности и дихотомичности предстает историческим отклонением. Резонирующий в понятии гибридации момент нелегитимности тем самым вводит в заблуждение. Более нейтральное, менее полноценное описание данного состояния позволяет дать понятие гетерогенности. Оно к тому же имеет то преимущество, что с его помощью можно с большей дальновидностью, нежели с помощью младших культурных теорий, трактующих современные явления, связанные с понятием гибридности, принять во внимание общий ход исторических событий. В конце концов «гетерогенность» не ограничивает рассмотрение только индивидуальным и социальным, но облегчает восприятие политического целого.

В современном политическом целом уже имеются изменения, которые можно описать как проявления нарастающей гетерогенности и которые подтверждают мысль о частичном возвращении к *status quo ante*. Эти изменения выходят за пределы того, на чем обычно сосредоточивается теория культуры. Здесь имеются в виду сдвиги в области политической инициативы и ведущих политических идей.

Политическая инициатива в современной Центральной Европе в значительной мере исходит не от государства, но от надгосударственных и международных игроков. Такое смещение центра тяжести имеет под собой — наряду с практическими законодательными и экономическими — прежде всего идейные основания. Оно связано с потускнением гегелевского мифа государства. Государство в некотором смысле покидает свой метафизический командный пункт и спускается на уровень своих граждан, превращается в управляющего и поставщика услуг. Оно берет на себя защиту прав личности, которые обращены против него самого (в последнее время в форме так наз. «ответственности по защите»), проводя далеко идущее сокращение собственных полномочий в пользу надгосударственных и международных игроков. Государство перестает требовать исключительной и строгой лояльности, как это показывает, например, недавняя практика в области гражданского и военного права. Оно больше не требует от людей здоровья и жизни, а лишь взимает часть доходов, и не обеспечивает им смысл жизни, но только минимум безопасности. Тем самым оно расстается с монопольным положением политического руководящего центра и идейного ориентира, отсылая к параллельно действующим гетерогенным центрам.

Такое ослабление государства создает также простор для новых направляющих политических идей. Десятилетиями в политической практике находили выражение такие понятия, как «плюрализм» или «европейское единение». В наши дни приобретает все большее значение дискурс о «многообразии» и «разнородности». Его поддерживает социология, которая сместила акцент со структурной на культурную близость. Этот дискурс до некоторой степени отражает изменившуюся вследствие массовых миграций социальную действительность и при этом становится нормативным для политики, которая отошла от идеала гомогенности Нового времени. Фактическое социальное воздействие этой политики в консервирующем отношении может быть незначительным в сравнении с силой экономики. Рейтинг пережитка и более нового многообразия, однако, явно указывает на вытеснение демократической национальной ведущей идеи, направленной на гомогенизацию, и ее моди-

фикации идеалом гетерогенности. Уже понятие гетерогенности позволяет выявить отношения, которым на политическом уровне соответствуют социальные явления, обобщаемые в понятии гибридности.

II. В связи с этим можно задаться вопросом, какие конкретные политические последствия имеет фактическое политическое и идейное смещение акцента в направлении гетерогенности и соответственно социальная гибридизация. Насколько возможно трактовать высокий рейтинг гибридного состояния как признак перемены также в понимании политического пространства? Отправной точкой для последующих рассуждений является предположение, что существует историческая корреляция между состоянием социальным — в данном случае укрепляющимся, позитивно окрашенным представлением о социальной гетерогенности — и пространственно-политическим. Тем самым отстаивается историзм пространственно-политической конфигурации.

Облик этой конфигурации связан с политико-духовной атмосферой данной эпохи и различается в зависимости от идейных и социально-экономических условий времени. Основополагающее значение для ее изменяющегося сейчас облика — что также будет предметом дальнейшего обсуждения — имеет *способ конституирования пространства*. Гипотетически и здесь следует ожидать, что эпоха и *конституирование пространства* образуют единство и что в наши дни существует соответствующий эпохе *способ конституирования пространства*. Ниже будет прежде всего показана, всякий раз на историческом примере, связь эпохи с пространством (1.) и эпохи с конституированием пространства (2.). Затем будут представлены элементы конституирования пространства, соответствующие времени, когда начинает цениться «гетерогенность» или «гибридность» (3.).

1. Насколько сильно изменилось представление о политическом пространстве в Центральной Европе, показывает в особенности сопоставление со Средневековьем и Новым временем. В политическом сознании средневекового вассала с имеющими правовой характер отношениям к личности сюзерена и социальной дифференциацией сочеталось по преимуществу личностное восприятие по-

литики. Политическое пространство Средневековья формировали различные частные межличностные связи, и из них складывалась система взаимно пересекающихся ленных отношений. На вершине этих отношений находилась конкретная личность в ее связи с конкретным домом.

Так, например, сельскую власть конституировали не владение безземельными крестьянами или определенный уровень военного обеспечения, не политическое должностное положение или определенная территория, но ее отношение к господину и дому: «Организационным средоточием и центром правоотношений является дом господина» (Brunner 1939). Понятие «власти» соотносилось всегда с конкретным господином. Личное отношение оставалось основополагающим для политической власти даже там, где постепенно развилось отдельное от личности владельца осознание собственной страны, как это было в Чехии и Венгрии (Bosl 1970). В Новое время «власть» хотя и превращается в абстрактное понятие, но и здесь она остается по крайней мере определением личного отношения.

Иначе обстоит дело после возникновения современного национального государства. Место личности занимают народ и территория, то и другое — в унифицированном, гомогенизированном виде. При этом народ выступает как главной точкой отсчета обосновывающей власть идеологии («суверенитет народа»), так и фактическим социальным продуктом осуществляющегося под прикрытием этой идеологии процесса плавки, благодаря которому он — как в целом однородное в языковом и этническом смысле массовое общество — возникает в Центральной и Восточной Европе почти одновременно с соответствующим государством. Социальная составляющая этого процесса — широкомасштабная мобилизация общества — была результатом симбиотически взаимосвязанных экономических и политических процессов индустриализации и утверждения государственного суверенитета. Индустриализация с ее военной продукцией сделала возможным становление современного государства — и наоборот, сама стала возможной благодаря стандартизации права, управления и системы образования.

Равноправно-коллективное, связанное с государством и народом толкование власти требует понимать ее отныне уже не как преобла-

дающую часть межличностных отношений, но как осуществление конкретизированной в государстве общей воли. Формирующим пространственную составляющую современного самосознания становится представление, что воля народа находит выражение в принадлежащем исключительно данному народу государстве, имеющем границы с другими государствами, которые создают другие народы на той же исключительной основе. Политическое пространство предстает плоскостью, на которой атомарно мыслимая национальная общая воля наталкивается на другие общие воли.

Итак, уже не связь с личностью и закреплённость в сфере персонального опыта характеризует это отношение к территории и народу, но связь обозначенного на плоскости карты пространства и народа как большого, абстрактно определяемого множества людей. Этому представлению соответствует дихотомическое различие внутреннего и внешнего, принадлежащего и не принадлежащего. В Центральной Европе это нашло яркое выражение в народном голосовании о территориальной принадлежности после Первой мировой войны.

2. Не только представление о политическом пространстве различалось в Средневековье и в Новое время, но также концепция и практика конституирования этого пространства. Личностному характеру средневекового восприятия пространства соответствовала идея, что изменения, затрагивающие пространство, осуществляются в результате изменений, связанных с личностью. Смерть сюзерена разрывает связи, относящиеся к пространству, и новая присяга приводит к созданию нового. Без оговорок в исключительную компетенцию сюзерена не входят и добровольные пространственно-политические изменения: разделение, купля, дарение, залог.

Конституированию пространства сверху эпоха демократии противопоставила конституирование пространства снизу, путем самоопределения наций. Введенный совместно Лениным и Вильсоном институт универсализировал демократический миф: французскую революцию, которая, провозгласив равенство «третьего сословия», в то же время стала прототипом самоопределения наций.

В политической практике континентальной Европы право на самоопределение играло большую роль в 20–30-е гг. XX в. Тогдаш-

ний опыт заставил страны-победительницы в 1945 г. отказаться от его дальнейшего использования. Новый подъем этот институт пережил в связи с деколонизацией в 1950–60-е гг., как это в конце концов было закреплено в ст. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г.: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». В последующий период право на самоопределение уже не играло политически сколько-нибудь значимой роли.

Своим коллективным характером и своей бинарной организацией оно хорошо гармонирует с идеалом демократического национального самоконституирования. Его применение особенно в восточной части Центральной Европы предполагало готовность обойти стороной исторически возникшую этноязыковую гетерогенность многих регионов, то есть то состояние, которое в наши дни обеспечивается соглашениями о защите меньшинств и к которому — под названием «многообразие» — в последнее время проявляется величайшее уважение.

3. В период, в известном смысле оставивший позади кульминационную точку демократически-национальной эпохи, следует ожидать нового изменения формы и конституирования политического пространства. Относительно внутреннего состояния этого пространства, как и о будущей форме участия и представительства в нем можно лишь строить предположения. Напротив, о методе конституирования пространства уже в определенной мере позволяет судить повышающаяся значимость гетерогенности.

Хотя эти отношения приобретают политическое качество, так что, например, предпочитается биографическое многообразие и поддерживается создание системы тесно взаимосвязанных центров компетенций, они остаются в известной мере дистанцированными от конституирования пространства, которое основывается на длительной традиции обязательного бинарного выбора между той или иной национальной принадлежностью. Едва ли возможно представить одинаковым образом конституирование двух таких пространств, в оценке индивида, государства и коллектива одно-

значно исключают друг друга, как демократически-национальное и современное. Более убедительным кажется отнести особенно голосование по поводу территориальной принадлежности исключительно к стадии демократического мифа.

Ослабевание этого мифа уже в течение десятилетий приводит на европейском уровне к геополитическим последствиям. Примером здесь может служить попытка превратить Евросоюз, в последнее время путем унификации гимна, конституции и гражданства, в государство. Другим является берущий начало в 50-х годов трансграничный процесс регионализации («еврорегионы»). В 80-е годы он был институализирован с учреждением его европейского представительства (Совета регионов), а позже вновь активизировался: в рамках программы «территориального сотрудничества» ЕС путем развития специфической идентичности пограничных областей в течение ряда лет стремится связать между собой через границы соседние регионы. Таким регионам теперь предоставляется возможность с санкции государства становиться дееспособными трансграничными субъектами права (Европейская группа по территориальному сотрудничеству).

Европейская политика уже формально не ссылается на «народ» как на источник легитимности, но признает его «разве что в качестве одного из участников в кругу равноценных игроков» (Rosse-Stadtfeld 2014), наряду с административными учреждениями, органами ЕС, правительствами, объединениями, предприятиями и «лобби». Народ как точка отсчета уже не выступает даже там, где бы мы этого, скорее всего, еще ожидали: Европейский парламент не представляет европейские народы — в него входят «представители граждан ЕС». Идея всенародного голосования по вопросу территориальной принадлежности, какие проводились в восточной части Центральной Европы после Первой мировой войны, оказывается вне логики этого развития. Форма представительства, долговременного разделяющего воздействия которой пришлось бы опасаться, была бы, впрочем, едва ли приемлемой для политики, направленной на европейское объединение.

Не только европейская политика, но и современная форма политической активности уже не согласовывалась бы без оговорки со

старым способом конституирования пространства. Политическая ангажированность в течение нескольких десятилетий в количественном отношении идет на убыль и становится более эксклюзивной, мимолетной, спонтанной, экспрессивной и тематически более специфицированной. Обычно она реализуется уже не в виде партийной политики, но в такой форме, которая больше не связывает активиста на длительный срок. Состояние, при котором политическая активность может быть описана как «включение в эксклюзивную политику, кооптированное участие в политике маргинализации, демократизация политики усиливающихся различий» (Blühdorn 2013), уже явно отделилось от представления о мыслимом как выражение суверенитета народа акте голосования.

Тем самым это выглядит так, как будто европейская политика делает своего рода выводы из масштабных изменений в понимании государства, власти и пространства, как они отражаются в непрямо названных в начале явлениях гибридизации: она конституирует политическое пространство уже не снизу, но сверху. Хотя понятия «сверху» и «снизу» остаются и далее формально связанными демократической цепью легитимности, длина этой цепи приводит к изменению качества пространства: в поле зрения вновь попадают формы эпохи премодерна, пространство становится более интернациональным, более открытым для кооперации и более противоречивым. Следуя диагнозу Жоржа Перека (1999) «пространства множились, дробились и разнились. Сегодня они бывают всех видов и размеров, для любого назначения и применения», мы, возможно, в случае Лужицы могли бы ожидать расширения экзистенциалистски исключительных определений такими, на первый взгляд, противоположными, как: «немецкий и польский», «серболужицкий и саксонский».

Литература

- Blühdorn 2013 — *Blühdorn I. Simulative Demokratie. Neue Politik nach der postdemokratischen Wende.* Berlin, 2013.
Bosl 1970 — *Bosl K. Europa im Mittelalter.* Wien, 1970.
Brunner 1939 — *Brunner O. Land und Herrschaft.* Baden bei Wien u.a., 1939.

- Fisch 2010 — *Fisch J.* Das Selbstbestimmungsrecht der Völker. Domestizierung einer Illusion. München, 2010.
- Kondylis 1991 — *Kondylis P.* Der Niedergang der bürgerlichen Denk- und Lebensform. Weinheim, 1991.
- Rossen-Stadtfeld 2014 — *Rossen-Stadtfeld H.* Volksherrschaft, Governance, Öffentlichkeit. Perspektiven europäischer Demokratie // Merkur. Heft 4, 68. Jahrgang, April 2014. S. 299–308.
- Sennett 1988 — *Sennett R.* Der flexible Mensch. Berlin, 1998. Original: The Corrosion of Character, New York, 1998.
- Töpler 2006 — *Töpler W.* Das Zisterzienserkloster Neuzelle unter dem Einfluß weltlicher und geistlicher Mächte // Im Schatten mächtiger Nachbarn / Hrsg. Neitmann.. Berlin, 2006. S. 141–151.
- Tschernokoshewa 2013 — Tschernokoshewa E., Jacobs F., Hrsg. Über Dualismen hinaus. Regionen — Menschen — Institutionen aus hybridologischer Perspektive. Hybride Welten. Band 6. Münster u.a., 2013.

О. А. Окунева (Москва)

НЕКОТОРЫЕ ИНОСЛАВЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ СЕРБОЛУЖИЦКОГО ОБРЯДА ОБЕЗГЛАВЛИВАНИЯ ПЕТУХА

В данной статье предпринимается попытка сопоставить обряд обезглавливания петуха в Нижней Лужице в его современной форме с аналогичным обрядом, бытовавшим в течение XX в. в среде чешских переселенцев на Северном Кавказе и в Омской области РФ, а также, по материалам из (Uherek et al. 2003), среди чехов в Молдавии (с. Голубое) и Казахстане (с. Бородиновка).

Обряд казни петуха некогда был распространен практически во всей Европе. Традиционно он приурочивался к жатве, хотя мог также проводиться окказионально в разное время. В Чехии казнь петуха была масленичной забавой и сопровождалась театрализованным «судом», на котором петуху выносился приговор за плохое поведение (СДЭС 2009: 34).

Дж. Фрэзер толкует символику плодородия петуха и его связь с жатвенными обрядами следующим образом: в петухе (чаще всего, но также в зайце, волке, лисице, козе, собаке), по древним поверьям, воплощался дух растительности, дух хлеба, который прятался в последнем несжатом снопе. Перед этим духом благоговели — и в то же время его боялись, поэтому могли считать необходимым либо убить его (т. е. срезать последний сноп), чтобы он передал свою силу земле и возродился будущей весной, либо (по той же причине) оставить сноп в поле (Фрэзер 1980: 495–514)¹.

Связь петуха с последним снопом прослеживается и в номинации: сноп этот мог называться «петух» (или, соответственно, «заяц», «лиса», «волк» и т. д.) — например, в Лотарингии, Германии, Австрии; «ржаной волк/петух» — в Бельгии; «шея» — в Британии (видимо, имелась в виду шея обезглавленного духа/петуха),

¹ См. также (СДЭС 2009: 34), (Календарные 1978: 28, 30, 132).

а срезание последних колосьев называлось «убить/поймать зайца/петуха» (Календарные 1978: 29).

Одновременно со срезанием последних колосьев разными способами совершалось обезглавливание петуха или другое обрядовое действие, связанное с этой птицей. К примеру, в Лотарингии в первой половине XIX в. в последний сноп втыкали большую ивовую ветвь («май»), к вершине которой был привязан живой петух; жнец, сжавший последний сноп, становился «королем букета», он выбирал королеву и срезал петуху голову косою (Календарные 1978: 28–29). В наши дни в Лужице победитель, оторвавший голову петуху, также нарекается королем, получает в награду украшенный цветами венок и поцелуй от «королевы». В Дании же живого петуха подвешивали за ноги, намыливали ему голову, и парни на скаку должны были оторвать ему голову (Календарные 1978: 103). Именно эта форма обряда существует ныне в Нижней Лужице.

В Германии до 60-х гг. XIX в. петуху отрубали голову, укрепляли ее на палке, обвитой колосьями и лентами, водружали на телегу и ввозили в деревню. Местами этот обряд, уже в игровой форме, сохранялся до середины XX в. Иногда на последнем возу привозили бумажного или деревянного петуха, которого прибавляли к воротам сарая, где он и оставался до будущего года (Календарные 1978: 132).

Летом 2010 года автор этих строк наблюдал обряд казни петуха в Нижней Лужице¹, в деревне Билегуре (нем. *Byhleguhre*, н.-луж. *Běła Góra*). Этот обряд проводится ежегодно в середине лета в разные сроки во многих нижнелужицких деревнях. В празднестве участвуют все жители, репортажи о нем публикуются в местной прессе. Несмотря на то, что аналогичный обряд был распространен и среди немецкого населения Германии, в наши дни он сохранился исключительно в Нижней Лужице и воспринимается только как серболужицкий.

Из двух форм существования данного обряда — когда участники забивают петуха, закопанного по шею в землю, палкой (луж.

¹ Пользуясь случаем, автор выражает свою благодарность Серболужицкому институту и его многолетнему директору проф. Дитриху Шольце за приглашение на Летний курс серболужицкого языка.

zabijanje kokota, нем. *Hahnschlagen*) и когда они отрывают ему голову, проезжая на коне под аркой, к которой привязан петух (луж. *łapanje kokota*, нем. *Hahnrupfen*), — в настоящее время в Нижней Лужице более распространена последняя. Победитель, которому удалось оторвать петуху голову, нарекается королем, призовые места предусмотрены и для тех, кому удалось оторвать крылья. *Zabijanje kokota* как таковое почти не встречается. Например, в заметке «Петух у них вырвался», опубликованной в газете «Новы Цасник», рассказывается о школьном празднике забивания петуха. Петух, конечно, остался цел и невредим, а дети с завязанными глазами пытались ударить цепом по глиняному горшку (NC 40: 6).

В некоторых странах обряд казни петуха сохранился практически до середины XX в., но уже в начале минувшего столетия он утрачивал сакральный смысл и становился игрой (Календарные 1978: 132). Впрочем, о превращении обряда в игру едва ли можно говорить однозначно, поскольку даже в ранних формах обряда игры с петухом сосуществовали с собственно обрядовыми действиями. В наши дни в Лужице этот обряд бытует в значительно популяризованной форме.

Одна из зрительниц рассказала нам, что праздник проводится у них в деревне Билегуре уже в течение двадцати лет, но какое-то время он не устраивался, а потом жители его возобновили. На вопрос «Почему?» последовал такой ответ: «Потому что они ничего не делали, а теперь у многих снова появились лошади, людям нужны лошади, и просто потому что это красиво, потому что нам надо что-то делать. И ребятам этого очень хотелось. Потому что это показатель для молодых людей, такая возможность помериться силой. И так как когда-то это уже делалось, они решили это возродить».

Иными словами, «казнь петуха» из ритуального действия превратилась в «возможность помериться силой» и «красивый праздник». Бесспорно, элементы соревновательности и развлекательности присутствовали в этом обряде и ранее, но теперь они стали преобладающими. В соответствии с этим видоизменилась и форма проведения обряда.

С утратой магической функции обряд приобретает всё больше игровых, комических элементов. Среди них «утешительные при-

зы», которые подвешиваются рядом с петухом и срываются участниками: мухобойки, батарейки, бутылочки с алкоголем... Также в обряде, который, вероятно, уже можно называть «представлением», участвует «шут»: в Билегуре мужчина сидит на деревянной лошади по кличке Толстая Долли, которую везет пони; он курит, размахивает мухобойкой, дважды проезжает под аркой, дотягиваясь до петуха.

Более того, появляется абсолютно новая форма проведения обряда, когда участники соревнуются не на лошадях, а на жестяных лодках в бассейне с водой (Hirche 2010) или на велосипедах (в 2009 г.). Жители деревни Беренбрюк (нем. *Bärenbrück*, луж. *Barbuk*), устраивающие такие необычные состязания, называют это действо *Gaudi-Hahnrupfen*, т. е. «потешная казнь петуха». Так, в 2009 г. участники должны были проехать на велосипеде по тонкой дощечке, протянутой с одного края бассейна до другого, а потом — если не упадут — дотянуться до петуха. Неудивительно, что такая экстравагантная форма обряда вызвала дискуссию в прессе. В статье Д. Функе «Праздник урожая между традицией и развлечением» в качестве причин отхода молодежи от традиционных форм обряда названы высокие цены на лошадей и боязнь травм. Более того, по сообщению Функе, такая форма обряда практиковалась уже после Второй мировой войны. Как пишет автор, мнения зрителей о таком «потешном празднике» разделились: некоторые говорят, что он доставляет им удовольствие и свидетельствует об уникальных творческих способностях организаторов, тогда как другие (в основном люди старшего поколения) сожалеют об утрате традиций. Несмотря на это, участники праздника заявляют: «Как бы то ни было, петуху отрывают голову. У нас это сохраняется» (Funke 2009: 31). Иными словами, сохранение главного элемента обряда считается достаточным признаком сохранения традиции.

На интернет-сервере YouTube в 2010 г. удалось найти два видеоролика с репортажами из деревень Бург и Беренбрюк (Lausitzer Rundschau 2010). К сожалению, доступ к ролику о потешной казни петуха в Беренбрюке в настоящее время ограничен, однако в нашем распоряжении остались все комментарии к обоим видеоматериалам. Доступный по сей день репортаж из Бурга по состоянию

на 04.06.2015 имел 3396 просмотров, 6 положительных голосов, 14 отрицательных, 20 комментариев¹. Из 31 комментария к обоим репортажам, из Беренбрюка и Бурга, 14 негативных, 6 позитивные, в 9 случаях высказывается нейтральная или неоднозначная оценка, 2 комментария не имеют отношения к содержанию видео. Приведем примеры негативной реакции:

Пользователь saotony: *Man versucht ja so gut wie es geht sich nicht von Vorurteilen leiten zu lassen. Aber dieses Video stärkt das Image der sogenannten Dorftrottel noch mehr. Zivilisation ist für die meisten Dorfmenschen sowieso ein Fremdwort. «Человек пытается, насколько это возможно, не быть зависимым от предрассудков. Но это видео еще больше укрепляет образ деревенщины. Цивилизация — для большинства в деревне неизвестное слово».*

Пользователь xMyOgGyCaTx: *Ich kann nicht nachvollziehen, was daran „Gaudi“ sein soll... Aber gut... vielleicht war das Tier ja schon tot da drangehängt worden? Ich weiß es nicht. Sieht man ja leider auch nicht. Aber wenn der Hahn noch lebte... dann finde ich diese Tradition wirklich pervers. Ein Lebewesen zu quälen, nur um Spaß zu haben... wie krank muß man sein?. «Не могу понять, что в этом веселого. Ну хорошо. Может, птицу уже мертвую повесили? Не знаю. И, к сожалению, не видно. А если бы петух был еще живой... Тогда я считаю эту традицию и правда извращенной. Мучить живое существо, чтобы повеселиться... Это насколько же больным надо быть?»* Очевидно, что автор комментария имеет лишь смутное представление о том, в чем заключается обряд.

Только один пользователь в комментариях к обоим роликам настойчиво пытался доказать, что это не жестокость и не увеселение, а обычай — и, каким бы специфическим он ни был, как часть культуры он имеет право на существование.

¹ Видео было загружено 25.07.2010, некоторые комментарии были со временем удалены, однако сохранились в нашем архиве.

Пользователь @Schlagwerker100: *Wenn eine Kultur solch einen Brauch benötigt, um überleben zu können, dann ist diese Kultur überflüssig — ganz einfach. Da muss es ja auch andere Aspekte geben, die die Kultur ausmachen, oder nicht? «Если культуре нужен такой обычай, чтобы выжить, то эта культура не нужна — как всё просто... Но должны же быть и другие аспекты, составляющие культуру, или нет?»*

Он же: *Der Brauch ist weit über 100 Jahre alt und eine Kultur braucht ihre Bräuche mit sie zum Teil auch überleben kann. Wenn ich mir die Kommentare durchlese z.B.: muss angezeigt werden, anderes Hobby suchen oder verbrennt doch Menschen als Hexen..... Da kann ich nur sagen: absolute Schrottköpfe..... Informiert euch doch erstmal bevor ihr eure unwissenheit breit macht... «Обычаю более ста лет, и культуре нужны обычаи, благодаря которым часть ее сможет выжить. Когда я читаю комментарии вроде “надо заявить в полицию”, “хорошо бы им подыскать себе другое хобби” или “давайте сжигать людей на кострах”, тут я могу только сказать: полные придурки. Почитайте сначала книжки, прежде чем демонстрировать свое незнание».*

Как видим, данный участник дискуссии порицает людей, которые, не разобравшись в сути явления, видят в этом обычае только жестокость. При этом он полагает, что культура нуждается в таком обычае, чтобы *выжить*.

Большинство комментариев было оставлено пользователями сразу, как только ролик оказался в Сети. Все комментарии, за одним исключением, на немецком языке. Два года назад пользователь stineves оставил комментарий по-чешски: *Nevím, proč má to video tolik záporných hlasů* «Не знаю, почему у этого видео столько отрицательных голосов». Далее в нашей статье речь пойдет о бытовании и восприятии обряда казни петуха именно у чехов, но в совершенно другой среде.

Летом 2010 г. лингвоэтнографическая экспедиция кафедры славистики и центральноевропейских исследований Российского государственного гуманитарного университета побывала в поселке Кирилловка близ Новороссийска, где живут потомки чешских пе-

реселенцев второй половины XIX в. Беседы с ними позволили нам зафиксировать многие важные для изучения языковые и этнографические факты.

Переселение чешских крестьян на Северный Кавказ в конце 1860-х гг. было вызвано несколькими причинами, из которых главная — их тяжелое социально-экономическое положение в Чехии того времени. Российские власти предоставляли чехам земельные наделы, и многие из них решились на эмиграцию. Несмотря на трудные жизненные условия, чехи поддерживали обычаи, привезенные с исторической родины. В их числе был и обряд казни петуха.

В самой Чехии казнь петуха или барана (чеш. *stínání kohouta/beránka*) совершалась, как правило, в храмовые праздники. Проводилась она в поле, при участии музыкантов. Петуха привязывали к врытому в землю колу, и юноши с завязанными глазами убивали его цепом или саблей. Иногда это превращалось в целое театрализованное представление под названием «суд над петухом», когда птице выносился приговор за ее проделки¹. Как видим, у чехов изначально была значительно развита игровая составляющая обряда.

Как обстояло дело с бытованием этого обряда у северокавказских чехов? В наши дни большинство обычаев, привезенных с исторической родины первыми переселенцами, можно считать утраченными, но многие наши информанты 1920–1930-х годов рождения помнят некоторые из них и охотно о них рассказывают.

В чешских землях обряд казни петуха бытовал до второй половины XIX в.²; у чехов же Северного Кавказа его фиксировал Альберт Полак в заметках 1910 г., помещенных в журнале «Русский чех». Из обычаев, характерных для храмовых праздников, которые в чешских селах Кавказа длились два-три дня, он приводит прежде всего поминовение покойных, а далее отмечает именно «казнь петуха»: «Молодежь нацепляла на петуха и на свои шапки ленточки и ходила с музыкой от хаты к хате, везя петуха на тачке и собирая

¹ См. (Календарные 1978: 194); (Zíbrt 1911).

² Об этом сообщает (Пукиш 2010: 239) со ссылкой на работу (Vondrušková 2004: 48).

с односельчан деньги, чтобы их пропить. Обойдя все дома, закапывали петуха в землю, обычно перед трактором, и с завязанными глазами пытались отрубить ему голову. За каждый удар «палач» должен был уплатить от 10 до 20 копеек. Соседям-русским такой обычай представлялся «странным и бессмысленным»» (Polák 1921: 2)¹.

Информация А. Полака вполне согласуется с полевыми материалами, собранными краснодарским историком И. В. Кузнецовым, который констатировал, что «казнь петуха» у чехов Северного Кавказа устраивалась в храмовый праздник, освящавший сбор урожая и приходившийся на сентябрь-октябрь (Кузнецов 1999: 122).

Одна из информанток, Елизавета Иосифовна Халупа (урожд. Ержабек, 1931 г. р.) из Кирилловки, по рассказам родителей вспоминает о казни петуха как о масленичной забаве: парни закапывали петуха по голову в яму, а рядом ставили кегли, в которые старались попасть. Играли на четверть вина, которую ставили чуть поодаль, чтобы не разбить: ее получал тот, от чьего удара кегля угодит в петуха. В диалоге с этой информанткой, записанном в 2015 году, существование такого обычая на Масленицу подтвердила другая жительница Кирилловки, Евгения Тимофеевна Ружечко (урожд. Ясан, 1926 г. р.), тогда как третья участница беседы, Мария Владиславовна Коваль (урожд. Грах, 1935 г. р.) из Варваровки под Анапой, переселившаяся в Кирилловку после замужества, сказала, что ничего о нем не слышала. Несколькими иначе «петушиную забаву» в Кирилловке описывал нам в 2010 году еще один уроженец этого села:

Hráli, kuželky hráli, a hráli to... pituchá zakopají a bijou ho... <Соб.: Na zemi — nebo?..> Na zemi, na zemi, na zemi ho... prikopají — jenom hlava... vot... <Соб.: Živýho?> Živýho. Taková hrá byla. Do vojny, do vojny byla. <Соб.: A kdy to bylo — na jaře, v létě? > Nu to bylo... nu já nevím, já ž ne..., já ž to... já ž nevím nic. To, co už rodiče roskázovali... «Играли, в кегли играли, и играли — то петуха закопают и бьют его... вот... <Соб.: На земле — или?..> На земле, на земле, на земле его... закопают — только голова <тор-

¹ Цит. по (Пукиш 2010: 239).

чит> ... <Соб.: Живого?> *Живого. Такая игра была. До войны, до войны была.* <Соб.: А когда это было — весной, летом? > *Ну, это было... Ну, я не знаю, я ж не..., я ж это... я ж не знаю ничего. Это, что уже родители рассказывали*» (зап. от Василия Павловича Ружечко, 1941–2015, с. Кирилловка, Краснодарский край. Соб. С. С. Скорвид, Д. К. Поляков, О. А. Окунева, О. В. Попова, М. В. Лунева. 2010 г. [ФДЗ РГГУ]).

Процитированные фрагменты воспоминаний позволяют заключить, что обряд казни петуха был важным элементом традиционной культуры чехов Северного Кавказа, который долгое время сохранялся у них уже в иной языковой, национальной и культурной среде. Поначалу он, наряду с другими обычаями и обрядами, также мог выступать как знак приверженности традициям. Кроме того, здесь мы наблюдаем ситуацию, сходную с лужицкой, когда он уже не воспринимается как обряд, а только как элемент праздника или как игра, а многие его вовсе не помнят и осуждают либо иронизируют над ним: *To byli ty Češi hloupi!* «Ну и глупые же были эти чехи!» (зап. от Марии Владиславовны Коваль, 1935 г. р., с. Кирилловка, Краснодарский край. Соб. С. С. Скорвид. 2015 г. [ФДЗ РГГУ]).

В 2012 г. экспедиция кафедры СиЦЕИ РГГУ побывала в местах компактного проживания другой группы чехов в Калачинском р-не Омской области Сибири. Чехи переселялись на эти земли в начале XX в. с Украины (с Мелитопольщины) и из Бессарабии¹. Уроженка изначально чешской деревни Новоградка Репинского сельского поселения, ныне живущая в Омске, также упомянула в своем рассказе о «казни петуха»:

A... ešte víte, jaká? třeba ešte v Čechách taková je... to bylo na podzim, hráli... tak se všechny, všechny sebírali i živýho kohouta zarejvali... d'áli věnec pjeknej, potom zavazovali voči i kroutili vokolo bečky... nu někoho, ihraka, tak řekneme, i von musel jít, nu de, na kohouta... tak do druhé strany, a jemu všechny křičej, kam jít, i vot voni sráželi ho, holama... to bylo, ted' to taky ned'elají už, protože je hodně

¹ См. (Скорвид 2014: 46–48); (Харламова 2014: 17–19).

ruskejch, hodně... něco je druhý i už není tak, aby celá vesnica... «А еще знаете что? Наверное, это еще и в Чехии есть... это было осенью, играли... так все, все собирались и живого петуха закапывали... Делали венок красивый, потом завязывали глаза и крутили вокруг бочки... ну, кого-то, игрока, так скажем, и он должен был идти, ну, идет на петуха... или в другую сторону, а ему все кричат, куда идти, и вот они сбивали его, палками... это было, теперь такое уже не делают, потому что много русских, много... уже что-то по-другому, и уже не так, чтобы вся деревня...». (зап. от Таисии Иосифовны Сычук, урожд. Яндеровой, 1951 г.р., Омск. Соб. С. С. Скорвид, Д. К. Поляков. 2012 г. [ФДЗ РГГУ]).

Ощущения Т. Сычук («Сейчас уже так не делают, потому что много русских, всё по-другому») перекликаются с приведенным нами замечанием А. Полака о бытовании обряда у чехов Северного Кавказа: «Соседям-русским такой обычай представлялся “странным и бессмысленным”». Вспомним и интервью В. Ружечко, который так же, как и Т. Сычук, говорит об обряде как об игре.

Как видим, в среде сибирских чехов была распространена та же форма обряда, что и у чехов северокавказских: петуха зарывали в землю, и игрок с завязанными глазами забивал его палкой. Т. Сычук помнит, что это сохранялось, когда ей было 10–11 лет (т. е. в начале 1960-х гг.), а потом уже нет. Среди чехов Северного Кавказа обычай угас раньше — приблизительно в начале 1940-х.

Данная форма обряда, согласно исследованию (Uherek et al. 2003: 72–73), бытовала вплоть до 1990-х гг. и среди чешских переселенцев в д. Бородиновка в Казахстане. Правда, там этот обряд не был приурочен к жатве, а имел иное символическое значение. Авторы относят его к группе «игр с животными», смыслом которых были символический перенос человеческих грехов на животных или обвинение и наказание животных за совершённые грехи (вспомним театрализованные «суды над петухом» в чешских землях). Обряд проводился 8 ноября; на главной улице петуха закапывали в землю по шею, главный организатор приезжал на осле и зачитывал «обвинительный приговор». Этот текст, иногда стихотворный, был

адресован жителям деревни (только мужчинам — например, тем, кто много выпивал или плохо работал), которые прямо не упоминались, но каждый знал, что речь именно о нем. После этого один из «обвиняемых» с завязанными глазами должен быть забить петуха цепом. Зачастую это у него не получалось, и тогда он должен был заплатить выкуп водкой либо выполнить какое-нибудь потешное действие: например, прокатиться верхом на напоенном водкой осле. Петуха могли либо вернуть хозяину невредимым, либо зарезать на суп.

Как сообщают авторы, та же форма обряда была распространена в 1960-е гг. в чешском селе Голубое в Молдавии. Это село — под названием Новоград (Novohrad) — основали в 1880-х гг. в Бессарабии (ныне Кагульский район Молдавии) чешские переселенцы из Украины. Переименованное в 1912 г. в Голубое, в наши дни оно называется Хулубоая (рум. *Huluboaia*).

Итак, изначально общеевропейский, широко распространенный и не считавшийся жестоким обряд, имевший, как правило, календарную приуроченность к времени жатвы, из славянских земель в настоящее время сохранился только в Лужице и воспринимается здесь исключительно как серболужицкий обычай. При этом он стал потехой: хотя и в старых формах этот обряд временами переходил в игру, теперь игровых элементов стало гораздо больше.

Забвение исходного смысла обрядового действия, его популяризация и профанация встречается довольно часто, особенно когда этому способствует зрелищность обряда, а также присутствие соревновательного элемента. Однако, как нам представляется, в Нижней Лужице и среди чешских переселенцев в России (а также в Молдавии и Казахстане) казнь петуха имела не только игровую функцию, но и служила — а в Лужице и поныне служит — своего рода средством самоидентификации этноса, свидетельством приверженности его представителей этническим культурным традициям, наталкиваясь при этом на аналогичную во всех случаях реакцию (равнодушную или неприязненную) со стороны наблюдателей извне.

Для «малых» этносов либо этнических групп, проживающих за пределами исторической родины, характерно особенно трепетное отношение к традициям, поскольку они позволяют им осознавать

себя общностью, отличающейся от соседей, демонстрируют самобытность их культуры. Кроме того, если речь идет о переселенцах, то их язык и обычаи нередко «консервируются» в инородной среде и порой сохраняют первозданный облик дольше, чем на старой родине. Это подтверждают рассказы наших информантов о существовании обряда казни петуха вплоть до 1940-х гг. на Северном Кавказе и до 1960-х гг. в окрестностях Омска, а также сообщения о его бытовании до 1960-х гг. среди чешских переселенцев в Молдавии и до 1990-х гг. (т. е. до совсем недавнего времени) в чешском селе в Казахстане.

Литература

- Календарные 1978 — Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы, конец XIX — начало XX в.: летне-осенние праздники. М.: Наука, 1978.
- Кузнецов 1999 — *Кузнецов И.* Чехи Кавказа // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. Краснодар, 1999. С. 116–122.
- Пукиш 2010 — *Пукиш В. С.* Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868–2010. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2010.
- СДЭС 2009 — Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 4. / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Институт славяноведения РАН, 2009.
- Скорвид 2014 — *Скорвид С. С.* Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири. // Славяноведение. 2014. №1. С. 44–58.
- Фрэзер 1980 — *Фрэзер Д.* Золотая ветвь: исследование магии и религии. М.: Издательство политической литературы, 1980.
- Харламова 2014 — *Харламова М. А.* Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация. Омск, 2014.
- Funke 2009 — *Funke D.* Erntefest zwischen Tradition und Spassparty // Nowy Casnik. 2009.
- Hirche 2010 — *Hirche M.* Bärenbrück pflegt Tradition auf seine Weise // Lausitzer Rundschau. 29.07.2010. Электронный ресурс: <http://www.lr-online.de/regionen/Baerenbrueck-pflegt-Tradition-auf-seine-Weise;art96090,2978425,0>
- Lausitzer Rundschau 2010 — Lausitzer Rundschau. Hahnrupfen in Burg. YouTube. 25.07.2010. Электронный ресурс: http://www.youtube.com/watch?v=e_Zfazts130&feature=channel

NC 40 — Kokot jo se jim wuderil // Nowy Casnik 40. 01.10.2008. S. 6.

Polák 921 — *Polák A.* Na českém posvícení na Kavkaze // Naše zahraničí. II. 1921, č. 1.

Uherek et al. 2003 — *Uherek Z., Valášková N., Kužel S., Dymeš P.* Češi z Kazachstánu a jejich přesídlení do České republiky. Praha, 2003. S. 72–73.

Vondrušková 2004 — *Vondrušková A.* České zvyky a obyčeje. Praha, 2004.

Zibrť 1911 — *Zibrť Č.* Na tom našem dvoře... Obřady a zábavy při slavnostní odpravě kohouta, housera, kačera, beránka, kozla a vepřka / Veselé chvíle v životě lidu českého. Sv. VIII. Praha, 1911. Электронный ресурс: <http://tyfoza.no-ip.com/veselechvile/sv8/html/kniha/texty/0003–0003.htm>

Сокращения

ФДЗ РГГУ — Фонотека диалектных записей кафедры СиЦЕИ РГГУ.

Обезглавливание петуха, раскрашенный рисунок из г. Високе-Мито (Восточная Чехия), 1895 г.

Инес Келлерова (Будишин)

«ЗАПУСТ»: СЕРБОЛУЖИЦКИЙ ОБЫЧАЙ В НЕМЕЦКИХ И СЕРБОЛУЖИЦКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Обычай *запуст*

Ежегодно в период с 6 января и почти до Пасхи девушки и юноши в серболужицких либо двуязычных деревнях Нижней Лужицы отмечают *záпуст*, или масленицу (в.-луж. *serbske póstnicy*, нем. *wendische Fastnacht*). С этим обычаем связаны карнавальное шествие (*camprowanje*)¹ и особая праздничная процессия. В прошлом во время шествия парни переодевались в традиционные наряды: в белую лошадь, в соломенного медведя, в аиста; с собой они несли прутья и березовые ветки. Участники шествия обходили все дворы и собирали подношения в виде денег и продуктов (яиц и сала). В 1874 г. Хошебузский округ ограничил *запуст* тремя днями, тогда как ранее он длился неделю (Müller 1893: 117). Обычно *запустом* заканчивался также сезон «супрядок». Пока «супрядки» (*přaza*) как социальный институт продолжали существовать, незамужние женщины и неженатые мужчины, собиравшиеся для работы и общины, оставались носителями этого обычая. «Супрядки» были не только формой совместной работы: в традиционном деревенском обществе они играли более важную роль, так как там устраивались все дела, касавшиеся молодежи (Faßke 1976: 96 seq.).

Праздничная процессия неженатых пар начала проводиться с 1880-х гг. Пары обходили важных людей в деревне с тем, чтобы они тоже приняли участие в этом обычае. По случаю праздника молодые люди не надевали карнавальные наряды, а просто шествовали в праздничной одежде. В течение XX века эти процессии

¹ Карнавальное шествие — давняя составная часть *запуста* — до сих пор проводится также в других областях двуязычной Лужицы.

превратились в настоящую кульминацию *запуста* (см. Nose, Kliem 2014).

Сейчас *запуст* длится, как правило, два дня. В первый день по деревне ходят ряженные, а на второй проводится праздничная процессия. Кроме этого, к нижнелужицким масленичным обычаям относятся мужской *запуст* с карнавальным шествием женатых мужчин и танцевальный вечер.

Запуст 2012 в Дешно/Диссен

Для примера опишу *запуст* в деревне Дешно в 10 км к северу от Хошебуза, проведенный 26 февраля 2012 г. Так или аналогично он проходит еще приблизительно в 50 других деревнях Нижней Лужицы.

Девушки в праздничных нарядах для танцев встречаются в деревенском трактуре. Приходят юноши в темных костюмах; у каждого на голове шляпа, которую накануне вечером девушка украсила цветами. В некоторых деревнях принято, чтобы мужчина, идущий во главе процессии, нес украшенную разноцветными лентами березку или — как в Дешно — погремушку. У всех мужчин с собой бутылка спиртного, которым он угощает наблюдающих, а главное — тех, к кому заходит процессия. У каждой девушки в правой руке букет из искусственных цветов, который они вручают самым почетным лицам.

Праздник начинается с танца в трактуре. После объявления пар молодые люди выстраиваются в ряд. Первым встает самый старший из парней со своей партнершей, последним самый молодой. За этим следует непременно групповое фотографирование (на иллюстрации 1 — перед церковью). При большом скоплении деревенских жителей и наблюдателей из окрестностей процессия движется по деревне, впереди — оркестр и человек, несущий погремушку. Процессия начинает обходить дома с одного из концов деревни (иллюстрация 2).

Строгого порядка, в каком процессия удостоивает своим посещением тех или иных лиц, нет. Во дворе дома, который посещают участники процессии, они делают в танце почетный круг с его

обитателями; затем музыканты еще раз дуют, и процессия снова выстраивается, готовясь зайти в следующий двор. Визит «обязывает» посещаемых из числа избранных почетных лиц к денежному взносу в молодежную казну (сейчас эта сумма составляет около 50 евро). Собранные средства позволяют оплатить почти все расходы на оркестр и аренду зала. Праздник заканчивается доступным для всех танцевальным вечером.

Запуст в СМИ — как и что сообщается?

После объединения Германии в 1989/90 гг. сообщения о *запусте* в СМИ стали появляться регулярно. Это касается как серболужицких, так и немецкоязычных СМИ. Ниже будут представлены различные типы таких сообщений. В немецкоязычных СМИ¹ находим в основном сообщения трех типов. Во-первых, это короткая заметка из нескольких фраз без фото, как показывает выбранный наугад пример из газеты «Ostthüringer Zeitung» (иллюстрация 3). Второй тип — фотография с коротким текстом в 2–4 строчки под ней (иллюстрация 4). К третьему типу относятся статьи с фотографиями, занимающие несколько колонок или всю страницу, как, например, статья в газете «Lausitzer Rundschau» (иллюстрация 5). Чаще всего такие сообщения появляются в региональных газетах Бранденбурга, особенно в «Lausitzer Rundschau» и «Märkischer Bote». Однако серболужицкий *запуст* не обходили вниманием также региональные газеты других федеральных земель: например, в 2011 г. — баварская «Der neue Tag», вышеупомянутая «Ostthüringer Zeitung» (Тюрингия), «Mannheimer Morgen» (Баден-Вюртемберг) или «Berliner Morgenpost».

Что сообщается? В целом можно сказать, что всякий раз приводятся основные сведения об обычае с некоторыми вариациями; при этом часто повторяются тексты одного и того же автора. Речь идет о следующей информации:

¹ Материалом мне послужили вырезки из немецкоязычных периодических изданий, хранящихся в Серболужицком культурном архиве Серболужицкого института.

- *запуст* — это серболужицкий праздник («серболужицкая масленица»), который очень весело проводится в Нижней Лужице, причем неизменный его атрибут — алкоголь,
- традиция этого праздника насчитывает сто лет,
- *запуст* происходит в период с января до начала марта,
- этот обычай связан с проводами зимы,
- на празднике можно видеть красивые народные костюмы.

Первый и самый многолюдный *запуст*, проводимый в конце января в Борковах/Бург или Вербно/Вербен, собирает самое большое количество зрителей и чаще всего освещается в СМИ. Иногда, особенно в больших статьях, пишут о богатстве серболужицких народных костюмов и о связи этого обычая с «супрядками». Иллюстрациями обычно служат фотографии праздничной процессии или групповой снимок ее участников. В некоторых случаях, впрочем, сообщается информация, никак не связанная с данным праздником. Иной раз даже используются не те фотографии, как в заметке из бульварной газеты «Bild» 2004 г., где на фото мы видим мальчика с девочкой в католических народных костюмах во время «птичьей свадьбы», а в тексте читаем, что в проведении *запуста* в Борковах участвовало более 50 пар (иллюстрация 6).

Далее будут проанализированы сообщения в серболужицких СМИ по материалам газет «Сербске Новины» и «Новы Цасник». Первая из них — ежевечерняя газета на верхнелужицком языке, на которую подписываются главным образом в двуязычной части Верхней Лужицы. С 2004 г. раз в месяц она выпускается также на немецком языке. «Новы Цасник» выходит раз в две недели на нижнелужицком языке. В отличие от «Сербских Новин», отдельные статьи здесь публикуются по-немецки. Читают «Новы Цасник» в основном в двуязычной части Нижней, а также и Центральной Лужицы, в районе Войерец/Хойерсверда и Слепо/Шлейфе.

В «Сербских Новинах» сообщений о *запuste* относительно мало — вероятно, потому, что в Верхней Лужице этот праздник не проводится. В 2010 г. были опубликованы только три небольшие статьи о нем. Две из них были напечатаны по-верхнелужицки в регулярных номерах от 23 февраля и 9 марта. В первой сообще-

ется о юбилейном 130-м *запусе* в Дешно. В ней констатируется, что он стал кульминацией сезона этого года и вместе с тем одним из важнейших культурных событий, подготовленных в этом году нижнелужицкой организацией «Домовины». В процессии участвовало около 115 пар, которые обошли порядка 30 самых известных людей в деревне (иллюстрация 7). Вторая публикация, от 9 марта, представляет собой лишь фотографию, хотя и помещенную на титульной странице справа внизу, с коротким текстом под ней, из которого читатель узнает, что в нижнелужицком Турнове состоялся 140-й *запуст*. Третья короткая статья, вышедшая в февральском выпуске 2010 г. по-немецки, рассчитана на немецкоязычных читателей. В ней содержится только общее уведомление о начале периода *запустов* и сведения о том, что праздник состоит из молодежного шествия, процессии взрослых мужчин и гуляния ряженых. Кроме того, сообщаются сроки проведения юбилейных праздников.

Совершенно иной тип сообщений находим в «Новом Цаснике». В период *запустов* ни одна титульная страница газеты не обходится без большой фотографии с короткой информационной заметкой — например, о *запусе* 2010 в Дешно (иллюстрация 8). На внутренних же страницах помещаются подробные репортажи из отдельных деревень либо даже специальные приложения о *запусе* (иллюстрация 9). Как видно из этой иллюстрации, «Новый Цасник» старается охватить такими репортажами как можно больше деревень. Отовсюду дается как минимум одно фото и текст на несколько колонок. Авторами этих репортажей часто являются местные жители. Содержание каждого такого репортажа включает следующую основную информацию: сколько пар участвовало в процессии, скольких известных людей они посетили, как называлась музыкальная группа. Часто называют имена конкретных лиц: например, организаторов из числа молодежи или людей, к которым зашла процессия. Кроме того, в таких заметках приводятся короткие высказывания устроителей праздника или участвовавших в его подготовке местных жителей. Тем самым читатели получают информацию о людях и местах, которые им — в лучшем случае — лично знакомы.

Влияние СМИ на проведение праздника

Из вышеизложенного может создаться впечатление, что СМИ лишь нейтрально сообщают о *запусе*. Однако это не так. На самом деле СМИ оказывают довольно сильное влияние на проведение праздника. В настоящее время оно осуществляется в двух направлениях.

С одной стороны, речь идет об активном использовании СМИ действующими лицами праздника. Присмотревшись внимательнее к газетным материалам, мы увидим, во-первых, что газеты и другие СМИ используются организаторами для активизации проведения этого праздника, причем уже давно, а во-вторых, что здесь произошло незаметное с первого взгляда изменение. Внешняя форма праздника осталась в основном та же. Это для организаторов очень существенно. Однако его подготовка и оценка, т. е. те элементы, которые наружно не видны, принимают в наши дни иную форму, чем раньше. Это демонстрирует уже ход подготовки к празднику. Так, через газеты распространяются важные указания: например, подчеркивается, какой должен быть «дресс-код»¹. Значительно изменилась также оценка праздника. Теперь принято выражать в газете публичную благодарность за спонсорскую поддержку (иллюстрация 10). В тексте справа от фотографии одна из запечатленных на ней девушек благодарит спонсоров за помощь при изготовлении сложных головных уборов — в данном случае Фонд серболужицкого народа, нижнелужицкую организацию «Домовины» и фирму «Vattenfall». Благодаря этой помощи после 50-летнего перерыва шесть девушек из деревни Горы/Гуров под Хошебузом вновь вышло на празднование *запуста* в таких головных уборах. В статье, опубликованной в «Burger Leserreporter» (приложении к «Lausitzer Rundschau»), руководитель группы молодежи из Дешно, рассказывая о проведении *запуста*, также благодарит всех спонсоров и участников². Значительная часть информации об организации и проведении праздника

¹ Ср. просьбу к мужчинам по возможности надеть темный костюм в официальном листке общины Пичнё/Пейц (Amtsblatt für das Amt Peitz. 09.02.2005).

² Kaiser T. 131. Jugendfastnacht in Dissen // Burger Leserreporter. 28.02.2011.

сообщается в Интернете. Участников и потенциальных зрителей из других деревень и Хошебуза, прежде всего молодых, оповещают и приглашают через фейсбук¹.

С другой стороны, СМИ выполняют функцию своего рода контрольной инстанции. Наглядный пример этого находим в «Новом Цаснике» от 16 марта 2010 г. Целый разворот в этом номере занимает подведение итогов всех масленичных мероприятий (иллюстрация 11). После короткого резюме, в котором сообщается о проведении *запуста* по меньшей мере в 55 населенных пунктах при участии 844 пар, подробнее оцениваются отдельные процессии, которые в том или ином смысле обратили на себя внимание. Например, во время *запуста* в Дрейцах/Древиц праздничная процессия насчитывала всего пять пар. В статье выражается надежда, что в будущем жители этой деревни проявят большую организованность и сплоченность. Далее автор предлагал лучше координировать сроки *запуста*, не допуская повторения ситуации, когда в конце одной недели этот праздник проводился в разных местах семь раз. В результате из-за недостаточного числа участников танцевальных вечеров отдельные общества понесли финансовые убытки.

Особую роль при подведении итогов играло правильное оформление костюмов. В обсуждаемой статье, с одной стороны, приводились положительные примеры этого, подкрепленные фотографиями. Так, у одной девушки из Вербно были высоко оценены редкостные перчатки, расшитые по последней моде бисером. В ряду таких примеров были названы и сложные головные уборы, упомянутые выше. Хорошие костюмы были отмечены в Борковах, Турее/Тауэр близ Пицнё/Пейц и Белой Горе/Бюлегуре близ Любнёва/Люббенау. С другой стороны, однако, указывалось и на «менее похвальные» примеры, также иллюстрируемые фотографиями. Подверглись критике наушники у женщин в Яншойцах/Йеншвальде как элемент, не отвечающий традиции. Наибольшее число ошибок в костюмах было отмечено в Тшадове/Страдов близ Ветошова/Ветшау, где масленичная процессия проводилась впервые после 1948 г. Наряду со многими женщинами в безукоризненных костюмах некоторые были одеты неправильно.

¹ См. интервью с Т. Кайзером, молодежным активистом из Дешно, от 05.03.2012 г.

Две женщины шли в шерстяных накидках. Комментарий в «Новом Цаснике» по этому поводу: «Они выглядели как чабаны». Еще одна женщина «оделась как на карнавал»: на ней были слишком короткий фартук без складок и неподходящая кофточка. Такой лексикон статьи, в которой делается упор на сохранении традиций, обычаев и старинных костюмов, наглядно отражает тот тип мышления, когда лужицкие сербы трактуются как часть консервативного мира премодерна, противоположного современному (ср. Tschernokoshewa 2000). Эта статья, кроме прочего, дает повод поставить некоторые общие вопросы политики в отношении меньшинств.

Какое содержание, образ и направление мыслей транслируется в сообщениях о серболужицком меньшинстве?

Элька Чернокожева в работе «Чистое и смешанное. Немецкоязычная пресса об иных и инакости на примере лужицких сербов» исследовала дискурс публикаций в немецкоязычных СМИ, касающихся серболужицкого меньшинства, с целью показать, как рассматриваются, а тем самым и преподносятся в них этнокультурные различия (Tschernokoshewa 2000: 26). Анализируемый в этом аспекте материал СМИ отражал дискурсы о «чистом» и «смешанном». Такие слова, как «старинный», «чистый», «исконно», «крестьянское», «традиция», «народный костюм», «обычай», играли ключевую роль в этом дискурсе, где «инакость» мыслилась и преподносилась как противоположный в пространственном, временном, социальном и культурном отношении мир. При этом, по Чернокожевой, аргументация основывалась на парадигме гомогенной культуры, которая, как известно, сложилась в XIX в. (Tschernokoshewa 2000: 62). В процессе конституирования народа и соответственно его единой культуры роль названных составляющих возросла. На их основе можно было определить различия между соседями и провести границы, позволяющие делать выбор по модели «либо — либо». Такие категории, как уникальность и обособенность, являлись центральными в этом процессе, что предопределило символическое возникновение конститутивного понятия «внешнего мира» (Tschernokoshewa 2000: 64 seq.). На этой основе «инакость»

серболужицкой культуры кодируется, например, при помощи самобытных народных костюмов, живых обычаев, культивирования своего стиля как противоположный мир (Tschernokoshewa 2000: 82). Анализ материала СМИ показал, что эта гомогенная парадигма и вышеупомянутое мышление «либо — либо» реализуется как извне, так и изнутри, со стороны представителей серболужицкого меньшинства, причем аргументы обеих сторон часто не слишком отличаются (Tschernokoshewa 2000: 91). Спустя 10 лет после публикации работы Чернокожевой эта перспектива мышления все еще явственно присутствует как в немецкоязычных, так и в серболужицких СМИ. Так, например, в газете «Neuer Tag» от 7 февраля 2011 г. читаем: «В субботу в южнобранденбургском Йеншвальде пройдут пары в исконно серболужицких праздничных нарядах во время традиционного *зануста* — серболужицкой масленицы. Масленичной процессией в деревнях Лужицы провожают зиму». Вспомним также «подведение итогов» *зануста* в «Новом Цаснике» от марта 2010 г., автор которого настойчиво требовал сохранения традиций, исконных обычаев и костюмов.

Но проанализированный материал позволяет выявить также другой дискурс, отчетливо ориентированный на смешение и амбивалентность, который Э. Чернокожева назвала «парадигмой гибридности» (Tschernokoshewa 2000: 115). Данную перспективу мышления характеризует признание разнообразия форм жизни, гетерогенности и амбивалентности. Тематический спектр таких гибридных пространств до сих пор не охватывал фольклор и обычаи — скорее сюда относились биографии и сюжеты из области миноритарной политики или экономики. Однако Э. Чернокожева приводит и некоторые примеры откровенно игрового, веселого подхода к фольклорным акциям: в частности, во время расписывания пасхальных яиц, дающего простор проявлениям гибридности при рефлексии «серболужицкой жизни» как радостного совместного опыта (Tschernokoshewa 2000: 139).

Спустя годы можно констатировать, что эта тенденция усиливается. Данный ракурс наблюдения все в большей степени представлен и в сообщениях о *занусте*, особенно в текстах, описывающих этот обычай достаточно подробно и разнообразно. Так, в январе 2011 г.

газета «Lausitzer Rundschau» поместила статью под названием «Из Лондона в Борковы на Запуст» (*Von London nach Burg zur Fastnacht*) об одной уроженке Нижней Лужицы, которая живет и работает в Лондоне, где она обучилась гостиничному делу. В статье описывается, как она приезжает в родные Борковы на *запуст*, чтобы вместе с семьей пройти в серболужицком народном костюме в составе масленичной процессии и так весело отметить праздник. В тексте статьи не подчеркивается крестьянское происхождение данного обычая и необходимость поддерживать традицию; в центре внимания автора — современная жизнь людей, воспринимающих этот праздник как ее естественную составную часть, и радостное желание молодежи и детей принять в нем участие (иллюстрация 12).

Подобный ракурс находит продолжение и в других статьях 2011 г., в которых не делается такой акцент на необходимости сохранения и на исконности *запуста* и лексикон авторов говорит о современном — в том числе игровом — отношении к этому обычаю¹. Таким образом, можно заключить, что, хотя этнокультурная «инакость» еще часто воспринимается как противоположный мир (что отражает дефицит современного мышления), вместе с тем она во все большей степени предстает как плюралистическая фигура, как пространство для смешения и взаимопроникновения (Tschernokoshewa 2000: 184).

Литература

- Hose, Kliem 2014 — *Hose S., Kliem Ch. Fastnacht // Scholze D., Schön F.* (Hrsgb.) *Sorbisches Kulturlexikon*. Bautzen, 2014.
- Faßke 1976 — *Faßke H.* Einige Aspekte der gegenwärtigen Pflege der sorbischen Fastnachtsbräuche in der Niederlausitz // *Lëtopis C 19* (1976). S. 96–104.
- Müller 1893 — *Müller E.* Das Wendentum in der Niederlausitz. Kottbus, 1893.
- Tschernokoshewa 2000 — *Tschernokoshewa E.* Das Reine und das Vermischte. Die deutschsprachige Presse über Andere und das Anderssein am Beispiel der Sorben. Münster — New York — München — Berlin, 2000.

¹ Ср., например: Die Schule für Fastnachtstänzer // *Märkischer Bote*. 22.01.2011; Jetzt geht die Fastnacht richtig los // *Lausitzer Rundschau*. 12.01.2011.

Иллюстрация 1. Фотографирование перед церковью в Дешно
(фото: И. Келлерова).

Иллюстрация 2. Праздничная процессия заходит во двор дома в Дешно
(26.02.2012 фото: И. Келлерова).

Zapust-Umzüge in Niederlausitz

Cottbus (dpa). Die sorbi-schen Fastnachtumzüge beginnen heute in der Niederlausitz, berichtete gestern die Sorbische Kulturinformation Lodka. Am Sonntag wird zur Feier der 165. Fastnacht – sorbisch Zapust – ein Festumzug durch die Spreewaldgemeinde Werben veranstaltet. Bis zum 6. März gibt es rund 50 Trachtenumzüge durch die Dörfer um Cottbus und im Spreewald.

Winter ade Rund 100 Paare zogen gestern beim traditionellen Zapust trotz des kühlen und regnerischen Wetters in der bunten Niederlausitzer Festtagstracht durch den südbrandenburgischen Ort Guhowr (Spree-Neiße). Bei dieser sorbisch-wendischen Fastnacht wird in den Dörfern der Lausitz nach altem Brauch der Winter ausgetrieben. Den Umzug durch die Gemeinde gibt es bereits seit 130 Jahren. Allerdings gab es diesmal nicht allzu viel auszutreiben – es war ja kaum Winter. FOTO: DPA

Иллюстрация 4. Märkische Allgemeine. 26.2.2007.

Montag, 12. Februar 2007

Lausitzer Rundschau Cottbuser Rundschau Elbe-Elster-Rundschau

Winterlicher Zapust in Sielow und Schlichow

150 Trachtenpaare waren im Cottbuser Norden und 23 vor dem Tagebaudamm unterwegs

Schon zum 150. Mal marschierten die Sielower Paare gestern beim Zapust durch den Ort. Zum Jubiläum hatte sich der voraussichtlich größte diesjährige Umzug formiert. Deutlich kleiner, aber nicht minder fröhlich war die achte wendische Fastnacht im kleinsten Cottbuser Ortsteil Schlichow. Erst der Einsatz des Winterleutes hatte die Umzüge möglich gemacht.

VON RONALD UFER

Einige Minuten später als vorgesehnen schritten die vielen Trachtenpaare zum großen Gruppenfoto. Die Einzelfotos der Paare hatten deutlich länger gedauert als erwartet und zwischendurch war der Nachschub an „Blumern“ ausgegangen. An das Revers des Anzuges gebührend verkleiden die bunten Gebilde aus Feder, Blüten und Schleifen, dass der Träger seinen Oberkörper für die Teilnahme an der wendischen Fastnacht entrichtet hat. Diese Einnahme ist unverzichtbar für das Fest.

Eine Woche vor dem Umzug hatten sich 120 Paare angemeldet, gestern waren es dann 150 Paare. Neben Sielowern waren Freunde und Verwandte aus Nachbarorten zum Jubiläum gekommen. Das war an im Zug schimmernden Hauben zu sehen. „Solche wurden bei uns nur bis Anfang der 40er-Jahre getragen“, sagt Ortsbeiratsvorsitzender Uwe Semisch. „Seldens gehen unsere Frauen ohne diesen Kopfschmuck.“

„Der Sielower Umzug dürfte der größte 2007 sein“, konstatiert der Regionalschachführer des sorbischen Dachverbandes Donowina, Harald Konzack, der sich selbst in die bunte Kavalkade einreihete.

Stimmiges Gedränge beim Gruppenfoto der Sielower wendischen Fastnacht.

Zum Jubiläum zogen die Jugend und die Verheirateten zusammen durch die vom Winterdienst in der Nacht geräumten Straßen. In „anomalen“ Jahren gibt es getrennte Fastnächte. Trotz des gemeinsamen Umzuges hatten beide Gruppen ihre mit Bändern geschmückten Besen mitgebracht. Aber schon nach wenigen Metern löste sich diese Trennung auf. Bunt gemischt marschierten alle Trachtenpaare singend, winkend und jubelnd durch Sielow. Sie machten an sieben Stationen Halt für ein Tanzen

und einen Schluck aus der Flasche. Die Feuerwehr sperrte zeitweilig die Straßen an der Wegstrecke, um Unfälle zu vermeiden. 23 Paare hatten sich in Schlichow gestern am großen Damm versammelt, der den kleinsten Cottbuser Ortsteil von den Berghaufelchen trennt. „Wir haben nur 186 Einwohner, da müssen alle, die es können, beim Zapust mitmachen“, sagte Mitorganisatorin Marion Zach. „Jugend und Verheiratete marschieren bei uns immer gemeinsam, seitdem nach 30 Jahren Pause

Am Damm für den künftigen Ostsee beginnt der Schlichower Umzug. Foto: Ufer

die Trachtenpaare wieder im Ort unterwegs sind. Gesamtzeit wurde allerdings auch nach dem Am für den Umzug weiter.“ Etwas kleiner als in Sielow, aber nicht weniger fröhlich geht es in Schlichow zu. Schon am Vorabend hatten viele viele in den frühen Sonntag hinein getanzt und gefeiert. Vor dem Umzug werden Walzer und eine Amensario-Polka von den Frauen und Mädchen in ihrer Tracht und den Männern mit dem barten Strauß am Hut auf das Parkett gelegt. Nach dem Umzug strezen

Teilnehmer und viele andere Bürger noch viele Stunden im Zelt zusammen, dessen Aufbau eine Sponse vom Vatterfall ermöglichte. Auch im kleinsten Cottbuser Ortsteil dauert der Zapust durch die von fast allen Einwohnern gestauten Straßen Stunden. „Wir haben beim Neubeginn beschlossen, dass wir immer bis zum Ende ziehen“, erzählt Ronny Schneider. Der Zug hält an 21 Stationen, es wird getanzt, ein Schluck angeboten. So geht es bis nach Frieda Großschick mit 98 die älteste Schlichowerin.

Иллюстрация 5. Lausitzer Rundschau. 12.02.2007.

Burg

Sorben feierten am Samstag erstmals mit einem Festumzug (über 50 Paare) ihre

Fastnacht in der Niederlausitz. Bis März werden noch rund 50 Umzüge in der Region veranstaltet.

Иллюстрация 6. Bild. 26.01.2004.

Kónc zašleho tydženja w delnjołužiskim Dešnje Jubilejny zapust swjećili

Dešno (HA/SN). Létuša zapustowa sezona w Delnjeju Łužicy docpě za wčerawšim z wulkim 130. zapustom w Dešnje swój wjeršk. Runočasnje bě tutón swjedžen jedyn z najwažnišich kulturnych a serbskich podawkow léta 2010 w tutej serbsko-němskej wsy w župje Delnja Łužica. Cyłkownje 115 porow młodžiny a zmandželenych čehnješe njedzelu popołdnu po wsy, přewodžane wot dujerskeju kapatow a skupiny džěci, kotraž běchu runja dorosčonym serbsku swjedžensku drastu kaž tež čórne wobleki wobležene.

Zhromadnje wopytachu něhdže 30 wažnych wosobinow wsy a počesćichu jich z čestnej štučku. Wjesoly akt móžachu wjacore sta luźi ze wsy, wokolnych wsow města Choćebuza a druhdže sobu dožiwić. Po dobrej tradiciji přiwitachu zastupjerjo młodžiny swjedženjarjow a přihladowarjow. Christin Hasackojc witaše jich delnjoserbsce. Wona džakowaše so wšěm tym, kotřiž běchu jubilejny zapust sobu přihotowali a podpěrali. Jeje chwalba slušče hłownje mačerjam

a wówkam, kotraž su 115 holcow a žónskich zwoblěkali. Runje tak mjenowaše wona Domowinu a zahrodnistwo ze susodneho Strjažowa, kotraž je za holcow a muži spřihotowało tradicionalne zapustowe kwěćelki.

Dešnjanski wjesnjanosta Fred Kaiser bě ze 130. zapustom jara spokojom. Młodži a starši su derje hromadže džělali. Jako wosebje pilnu mjenowaše won Domowinsku skupinu, kotraž w juliju 60létne wobstaće woswjeći, Dešnjanski domizniski muzej a wjele wjesnych žónskich, kotraž běchu za pory a hercow burski tykanc napjekli.

W tydženjach do jubileja zetkawaše so znajmjeńša tydžensce 15 muskich ze wsy k zhromadnemu spěwanju. Štož běchu nawukli pokazachu, na zapustowych rejach. Najskekerje budu woni tež po zapusće dale hromadže spěwać. A snano nastanje takle samo wjesny muski chor, kajkiž mějachu w Dešnje hižo do léta 1945. Jeho chorhojz léta 1926 wisa w tamnišim domizniskim muzeju.

Dohromady 115 porow młodostnych a zmandželenych je so zawčerawšim, njedzelu, na 130. zapusće w Dešnje wobdžělilo.

Foto: H. Adam

Иллюстрация 7. Serbske Nowiny, 23.02. 2010.

NOWY CASNIK

TYŻENIK ZA SERBSKI LUD

08/Lětnik 62

23. februar 2010

0,40 euro

ISSN 0029-5418

Foto: M. Wójcicki

Zapust w Deńje njezela: Z njebja kida se mokšy sněg, młoge žowćo jo se wobchysliło dešowu foliju, aby ta drastwa njespě-mokala. Wćecej wó tom pśidućny tyžeh. Fota z Deńšiskego zapusta móžo se woglědać w internese pód: www.nowycasnik.de.

Иллюстрация 8. Nowy Casnik. 23.02.2010.

„Zins jo zapust“

2

Celo přědku se zmałowali banty chóžyšča

Kišów/Krieschow. Staw pśiśgótowanja jubilejnego zapusta w Kišowje: 74 pórów wót 74 pórów jo až doněta zaplašilo. 5 pórów seji na kutšy, 2 pórka matej hyšć město na kutšy.

Tak a pódobnje my smógli to južo někótare lětynje cytas na Kišowskej stronje w internecie. Jo što wó pśiśgótowanju jubilejnego zapusta w našej jazy, ideja za taku wjeliku zapust jo nastala južo w casu wuśgódnojenja zapusta 2010. Stakim móžomy groniš, až su byli wobydlarje Kišowa južo lěto dlujko w zapustojemskim rušowanju, nic aktivnje na drogach pój, ale we glowach su wob cele lěto na toś ten wjeršak myslili.

Aktivnje se pśiśgótowali w wobradowanju, z tym su zachopili srjez oktobra lětońšeho lěta. Gódy su se jano pśiśpódlja zwěsili, pśeto pśecej jo stojat ten jubilejny zapust wuše wšógo.

W pśiśgótach na jubilejny zapust jo mjaz zarydowanjami Młozinska a tradicijne towaristwo 23. januara togo lěta pśešpósnyli za zaimne wótspódnjo z kafejom a tykalcem do Hantjo kjaromy. A how nic napóśledku jo se pokazalo, až cela wjas staj za cionkami tradicijneho towaristwa, dokulž jo se skóro kužo na někaki part za sobužeto wugroni. Tak su se žeršiske do žba dali a su ten za

Cele familjo se se wobzělili na pśeśegu pój. Na wobrazu jo familja Semisch.

kafejpise notry tykarć wujpakli. Jo byta mjaz wobydlarjami z Kišowa wjeliki zajm za zarydowanje. Tak jo se na 100 luź w zaju zgramažilo. Ako přědno jo se tam hyšć rěd na wótběg wjelikego pśeśěga nježelo, 27. februara, pokazalo. A až by se teke pó wenkownemu wýskno ražio, jo tamkor by samo drastowa kupka z mjenim „Barbuk“ pśešpósosna. Wóna jo

pokazala rejje, ako to su „Hana-Marja“, polka a „Rheinländer“. Burske woblocne žeršne su teke informěrowali wo woblocanju toje drastwy. Gódnje pokazali su dali za woblocanje Kšulske, Šorce, cyjepja a rogatje lapy.

To jo byto wjelike ražone zarydowanje a luže su byli mjenjeć: „Něnto my derje pśiśgótowane, nadož móžemo pśiś-“

Tak – a něnto jen mamy – ten dlujko wotkazowany jubilejny zapust w Kišowje. Zinsa pišomy ten 27. machy rěto lěta 2011. Jo rědnje wjedro a sucho. Což pón hyšć felujo, to cyni wódnitska ten palenawalerić. Ten program pśewězi zeger jo dwanaśoch zmkarjenje pórów a zeskupanje ku kupcownemu fotaju. Zeger dweju pótom zastupanje pórdu k pśeśěgaju pój.

Dwě kapale sy musali skazaš dia dlujkego rěda zapustojemskich pórów. Pśešwo rědnje jo chóžyšć z módnymi, cerwjenymi a běłymi bantami pó barwach serbskeje chóržoj, kenž se nosy na cele pśeśěga. A tak kšacaju zapustarje pój. How a tam se pokazo ta zgomólnosć jadrnje jazy. W pśeśegu dia sobu wjěšnje burske woblocne žišce pory, frynje parkony, ženjone luže a starša generacija. Duci wěni pśecej zasej zastawaju a zarybeju, až móž pśiśgótowaj pśecej zasej wobwěšnje našu rědnju swěžeršku drastwu.

Jadna woběšnosć w Kišowje jo na spomnješa gódnja. Zeger styrich se zmkaju zapustarje k žišcym rejam. Tam zarybeju jano zapustarje a žišć. Staršerše za swójimi žišami tam du a se wjasele tym wokolo šokolekcyjnemu małym „tšipakim“. Žišce reju kamu na dobru lědu. A tak part juž jěno ten dorost se pišwujoty tomo zapustojemskemu rušowanju. **W. Lobert**

Cesć nejstaršym wobydlarjam

Njabžokojce-Dluj/Naudorf-Fließdorf. Wjelika jo byla radosć mjaz tymi 60 zapustarkami a zapustarkami pśi 15. serbskemu drastwim pśeśegu. A jich radosć jo naryknuła wšyknych tych, ako su stojali pó bokoma drog. Pory njěsju jano rownu smugu šěgnuli pśez Njabžokojce a Dluj, ale su tož cesćnje zastali, aby se pśi walcyku z módnym wotmachom wjeršeli pó zukach djarjskeje muziki.

Pśed toś tymi lužimi, kótarež zapust ako serbsku tradiciju z takliki pśichylnosću wopřiwaju, dejali měš respěkt: „Jo groniš šolta města Wětošow Bengt Kanuter. Take pśiśpónawajuce stowa jo Gabriele Simonowa rada słyšara. Gromaze z Torstenom Kulickom ga organizěrujo kužo-

lětny zapust.

Pó wějsnem nalogu wogledaju zapustarje k nejstaršym wobydlarjam. We toś tom lěće staj dostatek Marie Frankowa (90) a Richard Lehniger (82) w Njabžokojcach zasej wjeliki štrus a cesnu reju. W Dlujach jo se Anni Neumannowa (83) na samski part wuśešila. Staršer wobydlarje jo toś ten ceremonijal pśešwo znaty. „Mužo do gód som pśecej tšochu njeměrna, pón ga njewarujno wěcej dlujko až k zapustuju“, jo nam pśiśepnula. Swójim góšćam jo kazala na pśe a k jěd. Pśiśgótowanju jo móta wjeliki, swětošnje wupřisnyru bufet. Za tym až su se pory a gorce mowali, w zas maršwalowy slědk do Njabžokoj.

B. Marx

Taj wšakorake formy lappow su byli wjěšć w swěžerškim pśeśegu. Antje Simonajc (nalěwo) jo prezentěrowala Bótojsku drastwu (wěsada Popojce), Gabriele Simonowa (w srjeji) jo nosyja Njabžokojce drastwu (wěsada Wětošow) a Diana Mühlanjo jo mēta woblocnu Bórkojsku drastwu (wěsada Běrkow).

„Rědko serbsku rěć słyšyš“

Popojce/Papitz. Tudy su lilyli na zapuśće dogromady 45 Frynych a žerjonych pórów, comuž jo se wěštanje Komrad Prier wjasełil. Wón organizěrujo to cele zapuśće štojenje južor dleć ako zasej lěł.

Na žerškich a žowčach jo byto derje wjěš, až serbsku swěžeršku drastwu raži a z gjarđosću nose a až maju w Popojcach wobiekarki, kenž žiwaju na akuratnosć. Ku tym 12 stacijam je jay su zapustarjow pśewědowali Čornobóšarske muzikanty a wjelika marl luž.

Jadna z tych pśiśgědjarjow jo byla Ruth Krügerowa. Rentnarka móže se derje dopomnješ na ten cas, žož jo wóna sama zapustarka byta a w drastwje jo šta. „To jo byto pśecej rědnje a my sy měli naš spós, rownož njejo se nam ojerwjež tak

derje šio ako zinsa tym młodym lužam.“ Mas wót knižki Krügerowaja, Martha Richterowa, běšo jadna za slědných drastwonoskow w Popojcach. „Mója mama jo teke hyšć serbski powědala, ale zinsa serbsku rěć jano cele rědnje hyšć słyšyš. Dia togo jo rědnje, až nanejmenjše wjejne tradicije su wu nas pśežywwi.“

Tak ako kuželo lěto su zapustowe pory teke zasej rejowali na dwórje Popojkske starcownje a wotwarđowanje, žož su se teke zesťupali za kupcowne foto. Witana wotměna za wobydlarjow starcownje jo byla Annemarie-polka, pśeto wóni su byli napomnane ju sobu rejowas.

K wjacorim rejam su zapustarki a zapustarje pśišli gromadu we „Wěršariskem kružu“.

M. Hirschowa

Zapustojске pory a wobydlarje Popojkske starcownje su gromaze rejowali tu Annemarie-polku.

Иллюстрация 9. Nowy Casnik. Отдельное приложение «Zins jo Zapust», 08.03.2011.

Liedermacher singt in Cottbus für Toleranz und gegen Ausgrenzung

Cottbus. Mit Fahrrad und Gitarre ist der Liedermacher Heinz Ratz unterwegs durch Deutschland. 7000 Kilometer will er zugunsten der Flüchtlingsarbeit zurücklegen. Eine der 70 Konzentrationen der „Tour der tausend Bräcker“ war am Freitagabend das Cottbuser Glad House. Mit kleiner Besetzung und ohne großen technischen Aufwand gestellte er ein Programm, dessen Lieder sich gegen Diskriminierung und Ausgrenzung richteten, zum Eintreten für einen menschenwürdigen Umgang mit Flüchtlingen aufrufen. Heinz Ratz ließ in den Texten und Zwischenmoderationen viel von seiner persönlichen Lebenssituation und der Motivation für die Aktion ankommen, der schon zwei ähnliche vorangegangen. Er war von Dortmund nach München mit diversen Konzerts stops gefahren und hatte 20 000 Euro für die Odabühnenherstellung gesammelt. Doch wie beim 20-Kilometer-Schwimmen in der Emscher Lippe war er dabei weitgehend allein geblieben. Die Menschen, die Sympathien für sein Anliegen hegen, beschränken sich auf Konzertergebnisse und Spenden.

In Cottbus Glad House sang er vor jungen Leuten, einigen Flüchtlingen und Jungesbliebenen an gegen die Meinung, der Einzelne könne ohnehin nichts bewirken. Heinz Ratz rief die Besucher auf, sich um die Flüchtlinge zu bemühen, sie zu besuchen, einzuladen, mit ihnen zu sprechen und zu joggern, mit deren Kindern zu spielen und ihnen bei den Hausarbeiten zu helfen. Oberbürgermeister Frank Seydmarz (SPD) spendierte für die von Pro Asyl und den Flüchtlingsunterstützte Aktion 100 Euro. „Ein respektvoller und menschenwürdiger Umgang mit Nichtdeutschen und Flüchtlingen, mit Menschen anderer Kulturen und ein klares Nein zu Fremdenfeindlichkeit und Rassismus haben auch in unserer Stadt Priorität“, betonte er. *ru1*

Heinz Ratz (r.) sammelt Geld für Flüchtlinge. Foto: Ute/rut

28 Jugendliche zogen in der Fastnacht in wendischer Festtagsracht durch Burg. Sie tanzten, sangen und sorgten so für gute Laune. Foto: Heide/jul

Von London nach Burg zur Fastnacht

28 Paare zogen beim Burger Traditionsumzug durch das Dorf

Burg. Die Burger Jugend hat am Wochenende den Regen der Festumzüge in der wendischen Fastnacht in der Wiedersauser eröffnet. 28 Paare zogen durch den Ortskern, besuchten zahlreiche öffentliche Einrichtungen und feierten ein fröhliches Fest im Ziel.

Von Marion Hiehe

Schon seit Wochen hatte sich Mandy Rössel auf die Fastnacht in Burg gefreut. Die 23-Jährige war schon einmal beim Festumzug in der wendischen Festtagsnacht dabei. Dieses Jahr war es aber doch etwas Besonderes, denn die junge Frau lebt und arbeitet mittlerweile in London. „Ich mache dort eine Ausbildung im Gastgewerbe und es gefällt mir sehr gut. Aber bei der Fastnacht musste ich unbedingt dabei sein, denn da treffen sich alle.“ Mandy Rössel feierte am Wochenende an der Seite ihrer

Schwester Steffi Rössel. Beide trugen sie ganz stolz die Tracht mit den bunten bestickten Schürzen, der wendischen Schürze und die großen ausladenden Burger Haube. Die 23-Jährige kümmerte sich außerdem um Caroline Domain, die Sechsjährige war die jüngste Teilnehmerin im Burger Fastnachtsumzug und durfte zusammen mit Fabian Pötzsch und Fabian Selka ganz vorn unter dem Fastnachtswächel laufen. „Ich merke gar nicht, dass wir soweit laufen müssen. Die Großen sind so lustig. Fastnacht macht Spaß“, sagte die Kleine. Ihre Betreuerin achtete darauf, dass Caroline an den Haltepunkten genauso versorgt wurde wie die Paare. Für die Sechsjährige gab es in der Reihenkönig einen leckeren Kaugummi.

Auf die Rössel-Schwesteren wartete an dieser Station noch eine Überraschung. Ihr Opa Willi Borrick gesellte sich zu

den jungen Frauen. Der erzählte mit den gut geklärten Beinen um die Wette. Er kam aus dem Cottbuser Stadion der Freundschaft und freute sich natürlich über den Sieg der Wollitz-Truppe.

Freude war auch bei vielen Patienten und Besuchern in der Cafeteria der Klinik angesagt. „Ich sehe zum ersten Mal diese tollen Trachten im Original“, war von Dieter Hertzold aus Strehla bei Riesa zu erfahren, der sich in Burg nach einer Hüft-Operation erholt sein angab. „Schönste Grüße vom Christian Specht kommentierte „Naja, solche Kapellen haben bei unseren Feiern umzogen auch, aber die Trachten, die sehen natürlich auch aus.“

Die Burger Jugendfastnachtteilnehmer sorgten für viel Frohsinn und meisterten ihre vielen Premieren so: die 18. Burger Fastnacht mit Brauour. *jul*

Fastnachts-Café als ein erster Versuch

Am Freitagnachmittag kamen noch wenige Besucher

Burg. Eher verhalten war der Zuschauerbesuch beim ersten Fastnachts-Café der Burger Donow-Jugend. Zumeist Eltern oder Bekannte hatten am Freitagabend den Weg ins Freizeitgefilde gefunden, wo die Spilte Handwerksbetriebe zeigte und durchgeführt wurde, wie eine Wendische Tracht angezogen wird. Da von entzückten lassen wollen sich die Jugendlichen allerdings nicht. „Es war ein Versuch“, so die Vorsitzende Christin Stoppa. Da am Freitag kein Platz erlaubt wurde, wollten die Jugendlichen ein anderes Angebot machen und hatten mehr als ein Dutzend Kuchen gebacken. Erstmals hatten sie alle für das Fastnachtwochenende selbst organisiert. Unterstützung zum Fastnachts-Café erhielten sie unter anderem von der Spilte, die sich im Winterhalbjahr alle 14 Tage zur Handarbeit trifft. Chens Dzulmba (64) wertet es als gutes Zeichen, dass sich die Jugendlichen für die Tradition und die alten Trachten interessieren. In der Grundschule leitet sie eine Arbeitsgruppe mit fünf Vorklassikern, in der Spilte will nach Verena Lohmann auch Christin Stoppa demnächst mitmachen. Die Wahrung der traditionellen Trachtmanier sieht Christin Stoppa, die derzeit als Kranken-schwester ausgebildet wird, durchaus auch als Zahnarztvarianze, die in Burg mit dem Tourismus verknüpft werden

Wie eine Wendische Tracht angezogen wird, konnten die Besucher beim Fastnachts-Café erfahren. Foto: Steffi

Zampfern in Ströbitz

Auf einer neuen Route waren die Jugendlichen des Bürgervereins Ströbitz und die Traditionsguppe „Thimias Zierrenwag“ am Samstag im Ströbitz unterwegs. Die Dittbaur um Geld und Eier führte sie bis zur Stadtgrenze am Zalsowweg. Dort zwanzigerten sie sich mit Musik und einem Tanz bei den Familien-Krügern und Schiller für deren Einladung zum Mittagsimbiss. Foto: Ute/rut

МИНОРИТАРНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ СЛАВИИ

Ответственный редактор: *С. С. Скорвид*

Сдано в набор 15.12.2016. Подписано в печать 11.01.2017.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17. Тираж 100 экз. Заказ

Издательство «МИК».
Москва, ул. Б. Переяславская, д. 15, кв. 52
Лицензия на издательскую деятельность
№ 060412 от 14 января 1997 г.

ISBN 978-5-87902-356-5

9 785879 023565 >